

**Серия 2
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФИЛОЛОГИИ**

Научный журнал
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Основан в августе 2022 г.
г. Калуга

Журнал включён в систему Российского индекса научного цитирования (<http://elibrary.ru/>),
дополнительное соглашение № 1 от 17.10.2023 г. к договору № 342-09/2019 от 03.09.2019 г.

Научные статьи и доклады

- языкознание
- литературоведение

Научная хроника

Обзоры и рецензии

Редакционная коллегия

Васильев Л. Г., доктор филологических наук, профессор
(главный редактор)

Балашова Е. А., доктор филологических наук, доцент

Ерёмин А. Н., доктор филологических наук, профессор

Каргашин И. А., доктор филологических наук, доцент

Похаленков О. Е., доктор филологических наук, доцент

Салтыкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент

Терехова С. С., кандидат филологических наук, доцент

Кулабухов Н. В., кандидат филологических наук (ответственный секретарь)

Коненкова Н. В. (технический редактор)

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 605

Тел.: (4842) 50-30-21

E-mail: VKU2@tksu.ru

Учредитель:

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Распространяется бесплатно

СОДЕРЖАНИЕ**ЯЗЫКОЗНАНИЕ****Гринева М. С.**

Метакоммуникативное варьирование кооперативной тональности общения как средство само-презентации практического психолога..... 4

Данилова А. В.

Ошибки атрибуции в дискурсивной деятельности..... 10

Луговская А. С., Гаврикова Л. Г., Васильев Л. Г.

Особенности вербальной реализации продуктивного стиля общения..... 18

Облакова Е. И., Студенникова В. К.

Метафоризация и ее роль в формировании языковой картины мира (на примере немецкоязычных текстов рок-песен)..... 27

Сорокина А. И.

Речевой этикет как аспект куртуазной личности..... 34

Терентьева Д. М.

Когнитивный стиль личности: обзорно-аналитическое исследование..... 40

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**Адиширинов К. Ф.**

Драматургия и сатирическая проза Лютфали Гасанова..... 48

Жиляков С. В.

Репрезентация генеалогической памяти в художественной прозе XIX века..... 56

Зубарева В. А., Балашова Е. А.

Дом как предмет изображения в стихотворениях В. Т. Шаламова..... 65

Каргашин И. А.

О «родовом статусе» лирической прозы Бориса Зайцева..... 74

Молчанова Д. А.

Поэма «Мцыри» М. Ю. Лермонтова как нарративный палимпсест..... 80

Петрова Д. В.

Субъектная организация лирических произведений А. Танкова..... 88

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**Васильева М. Л., Васильев Л. Г.**

Об одном социопрагматическом ракурсе трактовки вербального общения: Рецензия на: Boyer A. R. Lifting «The Long Shadow»: Kategoria and Apologia in the Legacy of the Tuskegee Syphilis Study: PhD Dissertaion. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2010. 261 p..... 99

Кулабухов Н. В.

Диссертационные исследования по речевому воздействию в Калужской лингвоаргументологической школе последнего десятилетия..... 105

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 114

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

М. С. Гринева

МЕТАКОММУНИКАТИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КООПЕРАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ ОБЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВО САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Статья посвящена изучению метакоммуникативных тактик самопрезентации практического психолога в психотерапевтическом дискурсе. Рассматриваются понятия самопрезентации профессиональной языковой личности, коммуникативной тональности, метакоммуникации. На основе анализа транскриптов 145 аутентичных англоязычных и русскоязычных психологических консультаций выявлены шесть метакоммуникативных тактик варьирования кооперативной коммуникативной тональности, позиционирующие образ клиента: тактика валидации (эмпатическая тональность), тактики солидаризации и похвалы (унисонная тональность), тактики запроса подтверждения адекватности интерпретирующей формулировки, запроса подтверждения релевантности интеррогатива, запроса разрешения на интеррогатив (некатегорическая тональность).

Ключевые слова: психотерапевтический дискурс; профессиональная языковая личность; самопрезентация; коммуникативная тональность; метакоммуникация.

M. S. Grineva

METACOMMUNICATIVE VARIATION OF COOPERATIVE TONALITY AS A SELF-PRESENTATION TECHNIQUE OF COUNSELLING PSYCHOLOGIST

The paper delves into the study of metacommunicative tactics employed by the counselling psychologists in psychotherapeutic discourse as a self-presentation method. The concepts of self-presentation of professional linguistic identity, communicative tonality, and metacommunication are discussed. Based on the analysis of transcripts of 145 authentic English- and Russian-language psychotherapy sessions, six metacommunicative tactics of managing cooperative communicative tonality are identified. These tactics serve to represent the client's image and include: validation tactic (empathetic tonality), solidarity and praise tactics (harmonious tonality), tactics requesting confirmation of the adequacy of an interpretative formulation, requesting confirmation of the relevance of a question, and requesting permission to ask a question (non-categorical tonality).

Key words: psychotherapeutic discourse; professional linguistic identity; self-presentation; communicative tonality; metacommunication.

Профессиональный психотерапевтический дискурс представляет собой неравноставное профессионально-межличностное диалогическое общение практического психолога с клиентом с целью предоставления последнему квалифицированной психологической помощи. Важный аспект эффективности подобного рода коммуникации состоит в установлении терапевтических отношений с клиентом (therapeutic alliance), основанных на принципах партнерства, неимпозитивности, безусловного и безоценочного принятия психологом личности клиента [16, с. 137–140].

С точки зрения лингвоперсонологического подхода к анализу дискурса, практический психолог – основной субъект психотерапевтического дискурса – является профессиональной языковой личностью. Понятие языковой личности (ЯЛ) трактуем, вслед за Е.В. Иванцовой, как «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [6, с. 10]. Под профессиональной языковой личностью (ПЯЛ) понимается «совокупность языковых компетенций, обуславливающих восприятие и производство профессиональных дискурсов в различных ситуациях профессионально-коммуникативного взаимодействия с учетом ролевых требований профессии и целей совместной профессиональной деятельности» [12, с. 91]. ПЯЛ раскрывается в своеобразии принадлежащего личности профессионального дискурса, подчиненного целям и задачам профессиональной деятельности [3, с. 189].

Одним из аспектов мотивационно-прагматического уровня ПЯЛ является *самопрезентация*. В фокусе внимания лингвистов зачастую находится самопрезентация информационно-медийной ЯЛ [1; 2], корпоративной ЯЛ [7], творческой ЯЛ [9] и др. Однако самопрезентация помогающей ПЯЛ до настоящего времени не являлась предметом отдельного исследования. Объектом исследования в данной статье выступает мотивационно-прагматический уровень репрезентации усредненной коллективной ПЯЛ практического психолога; предметом – метакоммуникативные тактики самопрезентации практического психолога, с помощью которых осуществляется поддержание кооперативной коммуникативной тональности во время психологической консультации.

С точки зрения широкого, ролевого, подхода, самопрезентация – это «процесс исполнения социальной роли, о которой у субъекта имеются определенные представления» [11, с. 455]. Таким образом, самопрезентация ПЯЛ понимается как макростратегия, иерархически подчиняющая себе коммуникативные стратегии, тактики и манифестационные приемы [2]. Самопрезентация ЯЛ локализуется на интеракциональной шкале «я – другой» [14, с. 7], и может проявляться как самоидентификация, так и как ориентация на Другого [1].

Цель самопрезентации практического психолога в психотерапевтическом дискурсе – сформировать у клиента собственный положительный образ в рамках партнерской модели коммуникации. Одним из средств создания положительного образа психолога является коммуникативная тональность. Под коммуникативной тональностью, вслед за В.И. Карасиком, понимаем «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [8, с. 20]. Одним из средств регуляции коммуникативной тональности являются метакоммуникативные высказывания. Метакоммуникация определяется как автореферентное общение и затрагивает все аспекты дискурса: вербальное оформление, стратегическую канву, интеракционные, личностные и реляционные аспекты общения [10, с. 198].

В процессе общения с клиентом психолог задействует три основных вида кооперативной коммуникативной тональности: эмпатическую, унисонную и некатегорическую. Эмпатическая тональность общения характеризуется вербализацией отклика (аффективного, когнитивного или аффективно-когнитивного) психолога на обсуждаемую проблемную ситуацию в жизненном пространстве клиента. Унисонная тональность характеризуется выражением согласия или подтверждения, а также комплиментарными высказываниями в адрес клиента [4, с. 7]. Некатегорическая тональность речи психолога направлена на признание авторитета клиента и расширение его автономии в психологической консультации, а также демонстрацию партнерских взаимоотношений психолога и клиента [5, с. 14–15].

В качестве эмпирического материала исследования использовались анонимизированные стенограммы 75 психологических консультаций, проведенных англоговорящими психологами [15] и 70 – русскоговорящими психологами [13] за последние 10 лет.

По данным анализа материала был сделан следующий вывод. В аспекте ориентации на Другого стратегией самопрезентации психолога является стратегия позиционирования образа клиента. Цель психолога в этом случае – подтверждение значимости ценностей, потребностей, мыслей и чувств клиента, расширение автономии клиента, а также предоставление ему права выбора. Данная стратегия реализуется посредством метакоммуникативного варьирования эмпатической (ЭМТ), унисонной (УнТ) и некатегорической (НкТ) коммуникативных тональностей. Рассмотрим метакоммуникативные тактики практического психолога, направленные на позиционирование образа клиента.

Тактика валидации опыта клиента (ЭМТ): *I'm really appreciating and empathizing with the depth and the longevity of the problems that you have; It sounds really upsetting; It sounds like you feel pretty down; it doesn't sound silly that you were mad about it; It sounds like you feel beaten down; sounds pretty overwhelming; That's understandable. That's an understandable wish. It sounds like it's been really a hard time; it does sound like a difficult situation; it does sound like you had a chaotic upbringing; I'm not at all questioning how you feel.* Ольга, я Вам очень сочувствую: это ненормальная жизнь – два выходных дня за полгода; я вам очень сочувствую: когда вы были маленькой, у вас было не так много шансов оказать сопротивление; я чувствую, что Вы сейчас позволяете себе праведный гнев...и чувствую Вашу уверенность в своем праве на это; я понимаю, что мысль об измене мужа для Вас – неприятная и тяжелая; я понимаю ваш ступор и понимаю вашу боль; Я понимаю. Это больно; представляю Вашу усталость.

Посредством данной тактики психолог идентифицирует себя с клиентом и вербализует аффективную и/или когнитивную эмпатию, тем самым подтверждая реальность и значимость проблемы, с которой столкнулся клиент, и правомерность его эмоциональной и поведенческой реакции. В англоязычном и русскоязычном дискурсе данная тактика маркирована перформативными и полуперформативными высказываниями.

Тактика солидаризации с клиентом (УнТ): *I absolutely agree, that it's something that's really hard to do; it makes totally good sense that you're doing what you're doing; I think that's a very accurate assessment; I think that what you just said is an accurate description of what you think; I am not disputing that it's a good thing for you; I'm not saying there aren't ways in which you're stuck or that there aren't some things you'd have to struggle against; it's not wrong of you to decide that's not something you'll tolerate; I'm not saying you're not being accurate about your own experience; the self-doubt is real and I don't want to minimize that; my intent is not to say that you're doing a bad job or you're doing this wrong; what you're describing is happening in the world I'm not at all doubting you and questioning that;* я соглашусь с вами, узнать об этом, действительно, мягко говоря, неприятно; я согласна, это не самый лучший способ; я уважаю ваше решение подобного рода; действительно, это создает определенные трудности; от разрыва, конечно, может быть больно; сразу оказаться в центре внимания большой компании может быть действительно очень трудно и страшно; правда, сложно проживать горе, потерю любимых людей; да, не спорю, всякое может случиться.

Данная тактика является средством манифестации унисонной тональности общения, поскольку психолог выражает прямое полное или частичное согласие с точкой зрения

клиента. В англоязычных и русскоязычных примерах данная тактика маркирована перформативными предикатами и модальными словами.

Тактика похвалы (УнТ): *I'm applauding your tenacity..; I applaud you for being willing to step out of the comfort zone; I want to acknowledge your ability to persist despite discomfort; ну, у меня очень много ... уважения к вашей воспитательной идеологии, осознанности в отношениях с мужем и в потенциальных решениях, уважение к смелости говорить о том, что волнует...; к вашей же позиции в семье у меня возникает много уважения; у меня вызывает уважение ваш личностный рост.* Здесь с помощью тактики похвалы психолог позиционирует поведение клиента как заслуживающее одобрения и уважения.

That's a very self-succinct way of saying it; you said it very well; it's a great observation; it's an interesting analogy for its similarities and its dissimilarities; it's an interesting association; Ironman is such an interesting metaphor; I think that's very nicely put; Вы очень подробно рассказали мне о том, как Лена выглядит, привели немало образных сравнений, ассоциаций; интересная мысль; блестящая догадка. Психолог даёт высокую оценку речевым действиям клиента и его способности точно вербализовать проблемную ситуацию и собственное отношение к ней.

Тактика запроса подтверждения адекватности интерпретирующей формулировки (НкТ): *Am I saying it right?; Is that right to say?; I mean is there any accuracy to that?; Am I right? Am I wrong? What do you think?; Am I accurate in interpreting or inferring that you're not comfortable being in a role of more of a receiver in a sense? And certainly it appears to me that you're feeling more at ease with the process and more embracing of it, would that be correct?; There's safety in that routine. Yea, there's nothing wrong with that. I mean, does that fit for you?; So that resonates for you? Я прав?; Так можно сформулировать?; Правильно ли я понимаю, что вам хотелось бы сейчас в целом разобраться скорее вот в этих отношениях, нежели, чем в себе?; Правильно ли я тебя понимаю, ты задаёшь себе вопрос, правильно ли ты живёшь?; Ни один супер-пупер даже спец он не знает, что тебе нужно, лучше тебя, логично?; Вы хотите научиться жить самостоятельно, принимать решения, найти работу и при этом не бояться ответственности, верно?*

Метакоммуникативные высказывания психолога, представленные выше, снижают категоричность предлагаемых формулировок и ставят клиента в авторитетную позицию. С помощью этих сигналов некатегорической тональности психолог демонстрирует уважение к убеждениям, установкам и ценностям клиента и оставляет за ним право критически отреагировать на высказывание (принять или отклонить, подтвердить или опровергнуть предлагаемую психологом формулировку).

Тактика запроса подтверждения релевантности интеррогатива (НкТ): *To put the question another way, and let's see if this resonates for you, why do you get so anxious faced with opportunities to be more independent and have more control of your life?; ... please tell me if you disagree with me if what I'm saying is not what you agree with but let me ask you...; ...please tell me if I'm wrong here: does your mind have the tendency to jump from this to that to this to that?; I'm going to ask you a couple of questions. You tell me... what fits for you, okay?*

Использование вопросительной формы для аналитических интерпретаций психолога снижает их категоричность, поскольку предоставляет клиенту возможность дать отрицательный ответ. Запрос подтверждения ставит клиента в авторитетную позицию и маркирует некатегорическую тональность общения. Данная тактика была зафиксирована лишь в англоязычных психологических консультациях.

Тактика запроса разрешения на интеррогатив (НкТ): *So let me ask you a question. So does this just happen to you when you speak publicly?; Let me ask you... Do you have kind of things that you have to absolutely do every day in a particular order?; Can I ask you afresh about your tendency and preference to be active? Такой острый вопрос можно тебе задать? Тогда можно я задам тебе ещё один, но более жёсткий вопрос?* Просьба задать вопрос является проявлением диалоговой вежливости, однако формально она также даёт клиенту возможность отклонить вопрос и является средством манифестации некатегорической тональности.

В заключение отметим, что выделенные метакоммуникативные тактики, используемые практически психологом для позиционирования образа клиента, комбинируются и варьируются на протяжении всей психологической консультации с целью создания наиболее благоприятных коммуникативных условий для самораскрытия клиента. Вместе с тем их активное использование не только гармонизирует общение, но и обладает этосной функцией, т.е. позиционирует практического психолога как чуткого и понимающего помогающего специалиста, готового адаптироваться к ценностям и потребностям клиента.

Список литературы:

1. Болотнов А. В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: дисс. ... докт. филол. наук. Томск, 2015. 405 с.
2. Васильев Л. Г., Мищук О. Н. Аргументирующее речевое воздействие и самопрезентация в американском президентском дискурсе. Калуга, Тула: Тульский полиграфист, 2015. 262 с.
3. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
4. Гринева М. С. Метакоммуникативные средства регуляции эмпатической и унисонной коммуникативной тональности в терапевтическом дискурсе (на материале английского и русского языков) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12, № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/57FLSK421.pdf> (дата обращения: 23.10.2023).
5. Гринева М. С. Метакоммуникативные средства снижения категоричности интерпретирующих формулировок в терапевтическом дискурсе // Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии. 2022. № 2 (2). С.13–19.
6. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та., 2002. 312 с.
7. Исаева М. С. Самопрезентация корпоративной языковой личности в деловом дискурсе (на материале финансовых телеконференций): дисс. ... канд. филол. наук, 2021. 324 с.
8. Карасик В. И. Коммуникативная тональность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2008. № 4. С. 20–29.
9. Лобанова С. В. Самопрезентация профессиональной языковой личности артиста (на материале интервью с Радой Анчевской) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 7 (184). С. 48–53.
10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

11. Мишук О. Н., Васильев Л. Г., Белова Е. В. К трактовке самопрезентации в политическом дискурсе // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020. Т. 30, № 3. С. 454–460.
12. Мыскин С. В. Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2016. 320 с.
13. Служба круглосуточной психологической помощи онлайн. URL: <https://psyhelp24.org/primery-konsultatsij> (дата обращения: 23.10.2023).
14. Фурс Л. А., Чернышева А. П. Автопрезентация как метакогнитивный процесс // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 5–11.
15. Counselling and Psychotherapy Transcripts. Volume II. Alexandria, VA: Alexander Street. URL: <https://search.alexanderstreet.com/ctrn> (дата обращения: 23.10.2023).
16. McLeod J., McLeod J. Counselling Skills: A practical guide for counsellors and helping professionals. Second Edition. Open University Press/McGraw-Hill Education, 2011. 368 p.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 81+316.614

А. В. Данилова

ОШИБКИ АТРИБУЦИИ В ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье исследуются разновидности ошибок атрибуции, которые рассматриваются как сложные социально-психологические дискурсивные процессы. Изучается типичность или уникальность возникновения фундаментальной или мотивационной ошибок атрибуций. Анализируются причины их возникновения.

Ключевые слова: атрибуция; ошибка атрибуции; социальный актор; ситуация.

A. V. Danilova

ATTRIBUTION ERRORS IN DISCOURSE ACTIVITIES

This article examines types of attribution errors, which are regarded as complex socio-psychological discursive processes. The typicality or uniqueness of the occurrence of fundamental or motivational attribution errors is studied. The reasons for their occurrence are analyzed.

Key words: attribution; attribution error; social actor; situation.

При взаимодействии с людьми, мы, в первую очередь, делаем акцент на их поведении, а именно что они делают, как они себя ведут в различных ситуациях. Нас интересует, почему они поступают так, а не иначе. В результате мы используем познавательные процессы – атрибуции, приписывание, для того чтобы понять и объяснить поведение индивида [2]. Следовательно, мы приписываем индивиду определенные мотивы и черты, и в нашем сознании создается представление, что мы их понимаем.

Отметим, что на этапе приписывания (атрибуции) общего локуса причин у разных наблюдателей могут возникнуть разногласия, в следствии которых возникает «основная ошибка атрибуции»: при восприятии поведения социального актора, наблюдатель недооценивает значение внешних (ситуативных) факторов, которые воздействуют на него, тем самым он/она преувеличивает значение внутренних (личностных) факторов – установок или черт личности. Данная ошибка считается одной из основных открытий в области исследования социального познания и атрибутивных процессов.

Согласно многочисленным экспериментам [4] следует выделить два класса ошибок атрибуции:

1) Фундаментальные.

Под фундаментальной ошибкой мы понимаем «склонность людей игнорировать ситуационные причины действий и их результатов в пользу диспозиционных». Данная разновидность ошибки заключается в переоценке личностных и недооценке обстоятельственных причин. Термин «фундаментальная ошибка атрибуции» был введен профессором Стэнфорда Ли Россом в 1977 году. Это явление наблюдается систематически, и оно рассматривается как постоянный участник взаимодействия людей. Кроме того, Л. Росс назвал это явление «сверхатрибуция». Андреева [1], в свою очередь, указывает на то, что фундаментальная ошибка только одна, но у нее есть вариации в проявлении:

– «Ложное согласие» – «есть мое мнение и неправильное» – выражается в том, что наблюдатель принимает свою точку зрения как «нормальную» в результате чего, он/она полагает, что и остальным индивидам должна быть свойственна такая же точка зрения. Если

она отличается, значит, дело в «личности» воспринимаемого. Феномен «ложного согласия» проявляется не только в переоценке типичности своего поведения, но и в переоценке своих чувств, убеждений. Некоторые исследователи полагают, что «ложное согласие» – главная причина, по которой люди полагают, что только их собственные убеждения верны.

– «Легкость построения ложных корреляций» – «все толстые люди добрые». Феномен заключается в том, что наивный наблюдатель произвольно соединяет какие-либо две личностные черты как обязательно сопутствующие друг другу. Так, например, существует убеждение, что «все полные люди – добрые», «все мужчины невысокого роста – властные». «Ложные корреляции» облегчают процесс атрибуции, что позволяет приписывать причину поведения наблюдаемой личности, в следствии чего реализуется произвольная «связка» черт и причин.

– «Неравные возможности» – «начальник умнее» реализуются в ролевом поведении: в определенных ролях легче проявляются собственные позитивные качества, и апелляция совершается именно к ним, то есть к личности индивида, который обладает определенной ролью, которая позволяет ему в большей мере выразить себя. В данном случае наблюдатель легко может переоценить личностные причины поведения, в частности, если он/она не примут в расчет ролевую позицию действующего лица.

Для понимания данного феномена приведем в качестве примера экспериментальное исследование, в котором студентов попросили принять участие в телевикторине. Их разбили на пары и раздали им карточки, на которых были обозначены две роли: ведущий или участник. Ведущий должен был задавать вопросы, а участник отвечать. Некоторые вопросы были сложными (например, вспомнить как расшифровываются инициалы того или иного писателя). В зависимости от сложности вопросов, участники набирали баллы. За правильностью выполнения всех условий наблюдали другие студенты [1].

После проведения игры обучающихся попросили оценить роли, как ведущего, так и участников. Так, ведущего рассматривали более эрудированным по сравнению с участником, так как ведущие, по мнению наблюдателей, владели определенными знаниями в различных сферах, в результате чего они формулировали сложные вопросы, на которые участники не всегда могли дать ответ. Таким образом, создалось впечатление, что участники не знают определенных фактов, то есть, они менее эрудированны.

Однако данное сравнение нельзя назвать справедливым, так как ведущие могли выбрать различные темы для вопросов. Таким образом, следует полагать, что, если ведущий плохо знал какой-то вопрос, он его и не задавал. Но совсем противоположная ситуация с участником, так как, в свою очередь, он не мог выбирать темы и ему приходилось отвечать на любой вопрос. Так как совпадение областей знаний ведущего и участника было маловероятным, то участники производили впечатление людей менее образованных. Сама ситуация ставила ведущего в более выгодное положение, в результате данного эксперимента вывод о том, что ведущий «эрудированный и умный» нельзя считать верным, поскольку в этом случае мы оставляем без внимания диспозиционный фактор в пользу ситуативного. Кроме того, следует отметить тот факт, что наблюдатели поступали так почти всегда. Они следили за процедурой с самого начала и поэтому знали, что роли ведущего и участника в этой викторине были распределены случайным образом. Но несмотря на это, они воспринимали ведущего как более эрудированного по сравнению с участником, совершая тем самым – как и все мы в повседневной жизни – фундаментальную ошибку атрибуции.

– «Большее доверие к фактам, чем к суждениям» проявляется в том, что первоначально наше внимание обращено к личности. Так, если мы наблюдаем за ситуацией, где личность непосредственно дана: она – безусловный «факт», то обстоятельство еще надо «вывести». Вероятно, что здесь срабатывает тот механизм, который зафиксирован в гештальтпсихологии: первоначально воспринимается «фигура», а лишь затем – «фон». По мнению Л. Росса и Р. Нисбета, «люди активны, динамичны и интересны. Именно эти их свойства обращают на себя внимание в первую очередь. Напротив, ситуация обычно сравнительно статична и зачастую представляется туманной».

– «Игнорирование информационной ценности неслучившегося». Индивид может оценивать не только те поступки, которые уже случились, но и те, которые еще не произошли. Таким образом, оценивается то действие, которое еще и не произошло. Однако при наивном наблюдении такая информация о «неслучившемся» нередко опускается.

Отметим, что существует целый ряд объяснений того, почему так распространена фундаментальная ошибка атрибуции.

Д. Гилберт утверждал, что «первая атрибуция» – всегда личностная, она делается автоматически, а лишь потом начинается сложная работа по перепроверке своего суждения о причине ее появления, прежде всего непосредственное суждение всегда адресовано личности.

Более глубокие объяснения феномена фундаментальной ошибки даются теми авторами, которые апеллируют к некоторым социальным нормам, которые представлены в культуре.

С. Московиси полагает, что это в значительной мере соотносится с общими нормами индивидуализма, а Р. Браун, в свою очередь, отмечает, что такая норма предписана даже в языке. По свидетельству У. Мишела, эпитеты, применяемые к поведению того или иного человека, могут быть применены и к самому этому человеку («враждебные» действия совершаются «враждебно настроенными людьми»; «зависимое» поведение свойственно «зависимым людям» и т.д.). В то же время язык не позволяет таким же образом связывать действия и ситуации.

К факторам культуры следует добавить и некоторые индивидуально-психологические характеристики субъектов атрибутивного процесса: в частности, было отмечено, что существует связь предпочитаемого типа атрибуции с «локусом контроля». В свое время Дж. Роттер доказал, что люди различаются в ожиданиях позитивной или негативной оценки их поведения. В ходе наблюдения за поведением отдельных людей или групп, первоначально мы можем отметить тот факт, что локализация причин поведения лежит в них самих или во внешнем мире. Это процесс определения места или же локуса причин их поведения. Под процессами локализации мы понимаем атрибутивные процессы, в которых мы приписываем человеку внешний или внутренний локус причин его социального поведения [3].

Исследования фундаментальной ошибки атрибуции были дополнены изучением того, как приписываются причины поведению другого человека в двух различных ситуациях: когда тот *свободен* в выборе модели своего поведения и когда тому данное поведение уже *предписано*.

2) Мотивационные.

Такого рода ошибки представлены различными «защитами», пристрастиями, которые субъект атрибутивного процесса включает в свои действия [1].

Первоначально такая разновидность ошибок были выявлена в экспериментах, когда испытуемые стремились сохранить свою самооценку в ходе приписывания причин поведения другого индивида. Величина самооценки зависела от того, приписываются ли себе или другому успехи или неудачи.

Значительная разработка этой проблемы принадлежит Б. Вайнеру. Так, в центре его внимания – способы приписывания причин в ситуациях успеха и неудач. Он предложил рассматривать три измерения в каждой причине:

- 1) внутреннее – внешнее,
- 2) стабильное – нестабильное,
- 3) контролируемое – неконтролируемое.

Различные сочетания этих измерений дают восемь моделей (возможных наборов причин):

- 1) внутренняя – стабильная – неконтролируемая,
- 2) внутренняя – стабильная – контролируемая,
- 3) внутренняя – нестабильная – неконтролируемая,
- 4) внутренняя – нестабильная – контролируемая,
- 5) внешняя – стабильная – неконтролируемая,
- 6) внешняя – стабильная – контролируемая,
- 7) внешняя – нестабильная – неконтролируемая,
- 8) внешняя – нестабильная – контролируемая.

Вайнер пришел к выводу, что выбор каждого сочетания зависит от мотивации. Так, например, обучающийся плохо ответил на паре. В разных случаях он по-разному объясняет свое поведение: если он сослался на низкие способности к данному предмету, то он выбирает первую ситуацию; если он признает, что ленился, то, возможно, выбирает вторую ситуацию; если сослался на внезапную болезнь перед ответом, то выбирает третью [2].

Как видно, процесс объяснения причин здесь включает в себя представление о достигаемой цели, иными словами, связан с *мотивацией достижения*.

Исходя из вышесказанного, ошибки атрибуции имеет несколько форм: когда дела идут плохо, мы терпим неудачу в чём-либо, мы считаем, что это произошло из-за таких обстоятельств, которые находятся вне нашего контроля. Однако, когда неудачу терпит кто-то другой, мы полагаем, что это результат их действий или того, что они являются плохими сами по себе.

Например:

Ну, *твоя причина опоздания мне ясна, я-то без уважительной причины не опаздываю...* (атрибуция основана главным образом на диспозиционном факторе, а именно, девушка была грубой и невоспитанной) Миша считал, что его опоздание на киносеанс было связано с непогодой – тем, что он не мог контролировать. Но заметим, что Миша не брал во внимание такую возможность в случае с девушкой, которая опоздала на киносеанс на прошлой неделе.

Если всё идёт хорошо, например, при достижении успеха, мы склонны верить, что это результат нашего таланта и упорного труда. Это может быть правдой, однако, когда другие добиваются своих целей и преуспевают в карьере, мы думаем, что им повезло. Одногруппник, который прославился в Голливуде, или приятель, который теперь отчитывается перед руководителем компании из списка Forbes – они просто оказались в нужном месте в нужное

время. Мы игнорируем такие личные качества как настойчивость, упорство и целеустремленность.

Приведем еще один эксперимент, в котором можно наблюдать ошибку атрибуции. Например, испытуемому предложили прослушать речь человека, который был «за» или «против» расовой дискриминации. Испытуемым, которые выступали в качестве слушателей, говорили, что оратор является участником эксперимента, который должен выразить определенную точку зрения. По окончании эксперимента слушателей просили оценить отношение подобных вынужденных ораторов к проблеме расовой дискриминации, они ответили, что ораторы представили свою собственную точку зрения. Это означает, что испытуемые осуществили внутреннюю, диспозициональную атрибуцию, причем в таких условиях, когда внешние факторы (условия эксперимента, принуждение со стороны внешнего авторитета) были достаточны для объяснения поведения оратора. Основная ошибка атрибуции как социально-психологический эффект выражается весьма интенсивно даже в том случае, когда выступающий говорит монотонно, всем своим видом и голосом показывая, что не имеет личного отношения к содержанию того, о чем говорит. Все равно слушатели приписывают ему высказанные им мысли.

Отметим, что зачастую поступки людей мы в первую очередь приписываем их установкам, потребностям, желаниям. Психологическая логика таких ошибочных выводов заключается в том, что, если человек совершает определенные поступки, значит он/она желает совершить их или же имеет склонность поступать так, а не иначе. В таких случаях игнорируется наличие, воздействие и значение внешних сил. Теория атрибуции, таким образом, позволяет иначе оценить деятельность писателей, философов, психологов, экономистов и специалистов других областей, где каждый из них вынужден выступать в определенной роли. В тех случаях, когда слушатели или читатели знают, что у автора есть возможность иного выбора, но, по какой-то причине индивид выбрал данную линию поведения, они приходят к заключению, что его/ее поступок в большей степени зависит от внутриспсихических факторов [3].

Анализ, который провел Г. Келли, показал, что рациональный путь объяснения поведения другого человека состоит в том, чтобы рассмотреть его/ее поведение в контексте целостной ситуации. Возможно, такое поведение обусловлено личностными особенностями этого человека, а возможно, ситуацией, в которую он попал. Таким образом, если мы не возьмем во внимание оба эти элемента, мы можем ошибиться в определении того, почему произошло то или иное действие и что оно значит. Однако это удастся нам далеко не всегда, поскольку существуют определенные предубеждения и когнитивные искажения, которые приводят к ошибкам в процессе атрибуции.

Например:

Дима говорит: «Я злюсь, потому что все события идут не по плану». Маша в этой же ситуации говорит: «Дима ведет себя таким образом, потому что он злой человек по природе», где мы видим, что, Маша из-за недостатка информации, под влиянием определенной идеологии, не учитывает тот факт, что на поведение Димы может повлиять внешний фактор, а на самом деле молодой человек совсем не злой.

Склонность недооценивать значимость ситуативных факторов имеет место в основном тогда, когда мы пытаемся понять поведение другого человека. Все происходит совсем иначе, когда мы оцениваем свое поведение и поступки. Если падает кто-то другой, мы приходим к выводу, что он неуклюжий. Но, если падаем мы сами, мы аргументируем это тем

фактом, что дорога скользкая. Этот контраст хорошо иллюстрирует известное в теории атрибуции отличие между тем, кто действует и тем, кто наблюдает: когда мы наблюдаем, мы склонны переоценивать диспозиционные факторы. Но когда речь идет о нас, мы предполагаем, что причина зависит от внешней ситуации.

Одно из объяснений этого факта заключается в том, что человек знает самого себя лучше, чем кого-либо другого. Допустим, однажды вечером, при оплате за ужин в ресторане, вы оставили официанту небольшие чаевые. Будет ли это означать вашу скупость? Конечно, вы уверены в том, что это совсем не так, и вы не скупой человек, поскольку вы знаете себя самого. При других обстоятельствах обычно вы даете на чай столько, сколько принято, а иногда бываете очень щедрым. У вас достаточно аргументов, которые демонстрируют вашу щедрость; и раз сегодня вы оставляете маленькие чаевые – это обусловлено только ситуацией: например, официант не должным образом выполнял свои обязанности или вы не ожидали, что у вас в кошельке окажется так мало наличных [3]. Стороннему наблюдателю данная ситуация может показаться совершенно другой. Он не видел вас в схожих ситуациях и, поэтому один-единственный случай, когда вы поскупились на чаевые, повлиял на его мнение о вас. У него не было оснований полагать, что для вас это исключение из правила, и поэтому он пришел к выводу, что такое поведение для вас типично. Атрибуция в этом случае будет основываться главным образом на диспозиционном факторе (скупости), а не на факторе ситуации.

Для большего понимания ошибки атрибуции приведем ряд возможных причин ее возникновения:

1. Недостаток информации: у наблюдателя могут отсутствовать те социальные нормы и связи, которые в данной ситуации оказывают влияние на актора, но есть потребность в объяснении поведения актора. Таким образом, он создает преимущественно внутренние атрибуции. Согласно мнению Альберта Налчаджана, если согласиться с тем, что у наблюдателя действительно нет достаточной объективной информации о мотивах поведения и личности актора, возникает вопрос: почему он выбирает путь осуществления преимущественно внутренних атрибуций? Пока нет конкретного ответа на данный вопрос, но, следует отметить, что существуют попытки объяснения. Исследователь предлагает следующую гипотезу: человек рассматривается как завистливое существо, которое всегда стремится к соперничеству и агрессии, следовательно, это приводит к тому, что поведение других индивидов объясняют внутренними факторами: при таком объяснении, человека можно обвинить в ошибках и преступлениях. Одним из доказательств нашей гипотезы является то, что основная ошибка атрибуции становится более заметной и сильной как тенденция, когда социальный актер ведет себя девиантно;

2. Влияние идеологии: люди склонны считать истинной ту («само собой разумеющуюся») точку зрения, согласно которой каждый несет личную ответственность за свои поступки. Но, к сожалению, человек не всегда несет ответственность за свои поступки. Кроме того, такую идеологию люди охотно применяют к другим, но не к себе. Но, если у индивида такая идеология стала убеждением, тогда она может вызвать основную ошибку атрибуции;

3. Особенности восприятия: действующее лицо является для наблюдателя таким объектом, который выделяется на фоне всей ситуации. Наблюдатель на этом фоне видит действия актора, а не его внутренние психические свойства и содержание его психической активности;

4. Влияние языка: на восприятие влияет язык, так как в каждом языке (и в речи индивида) существует больше слов для выражения внутриспсихических особенностей личности и ее мотивов и значительно меньше – для описания поведения и ситуации. Данную тенденцию отмечают многие психологи. Эти психолингвистические факторы могут стать причиной возникновения основной ошибки атрибуции, но следует провести еще исследования для того, чтобы понять динамику [3].

Однако следует отметить, что психологи стремятся найти подлинные причины основной ошибки атрибуции. Так, исследователи выделяют следующие причины:

1. Распределение внимания: восприятие актора и его действий с разных перспектив (позиций). Наблюдатель оценивает не одни и те же явления. Поэтому Росс и Джоунс пришли к выводу, что данный «эффект внимания» считается одной из причин появления фундаментальной ошибки атрибуции, то есть преувеличения наблюдателем личностных черт и диспозиций актора;

2. Эффект первичности: первое впечатление считается наиболее действенным. Так, в атрибутивных процессах данный эффект способствует появлению основной ошибки атрибуции, так как индивид останавливается на первом объяснении, которое пришло в голову;

3. Недостаточное использование информации о согласованности: роль этого фактора установила Макатур. Согласованность означает в какой мере другие действуют так же, как и тот человек, за поведением которого мы наблюдаем. Игнорирование фактором согласованности – следствие того, что у людей существует вера в «закон малых чисел». Смысл данного закона заключается в том, что у людей «существуют неправильные представления об основных вероятностях, которые характерны для определенных видов поведения людей, и они некритически относятся к репрезентативности своих небольших выборочных наблюдений». Так, редким поступкам люди приписывают среднюю вероятность. На основе отдельных наблюдений делаются широкие обобщения. Согласно вышесказанному, Альберт Налчаджан [3] рассматривает данный способ создания обобщений и порождения вероятностных суждений и прогнозов как одну из характерных черт *психо-логики* обычных людей, в отличие от мышления ученых. Кроме того, он полагает, что подобная *психо-логика* является одной из причин того, что несмотря на прошлый опыт и ошибки люди не извлекают уроки. То обстоятельство, что дело касается именно фундаментальных особенностей *психо-логики* обычных людей, доказывается тем, что эти «интуитивные психологи» от отдельных наблюдений приходят к общим, чаще всего необоснованным выводам, а вот обратный процесс они редко используют: от общих знаний они редко идут к объяснению конкретных поступков. Однако именно общие знания и отличаются согласованностью. В процессе взаимодействия эта неспособность как характерная черта психо-логики выражается в том, что, как отмечали Нисбетт и Боргида, у людей присутствует нежелание выводить частные формы поведения из общих. Однако в таких случаях надо говорить не столько о нежелании, сколько о неспособности. Данный недостаток мышления людей приводит к ряду практических ошибок. Например, при покупке определенных товаров, они ориентируются не на обобщения и описания специалистов (данная информация скучна), а на конкретные и эмоционально насыщенные рассказы знакомых и друзей о достоинствах и недостатках товаров. Только развитие научного мышления людей и распространение научных знаний помогут преодолеть этот недостаток обыденного мышления.

В заключение отметим, что ошибки атрибуции происходят при интерпретации событий. Так, мы недооцениваем ситуативные факторы и переоцениваем роль индивидуальных

особенностей. Кроме того, можно сделать вывод, что социально-психологическое познание атрибутивных процессов может улучшать и/или усовершенствовать навыки эффективной коммуникации, социальной рефлексии, повысить социальный статус как индивида, так и различных социальных групп.

Список литературы:

1. Андреева Г. М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Изд. 2-е. М.: Аспект Пресс. 228 с.
2. Васильев Л. Г., Неустроева С. Е. Публичное выступление. Аргументация. Диалог: Учеб. пособие. Ижевск: Алкид, 2018. 137 с.
3. Налчаджан А. А. Атрибуция, диссонанс и социальное познание. М.: Когито-Центр, 2006. 549 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2003. 705 с.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 81-26

А. С. Луговская, Л. Г. Гаврикова, Л. Г. Васильев
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОДУКТИВНОГО СТИЛЯ ОБЩЕНИЯ

Рассматривается общекоммуникативная природа и речезыковые особенности продуктивного стиля общения. Последний входит в понятие кооперативного общения, включая помимо совместно-целевого фактора фатический. Описываются манифестации нарушения постулата качества и релевантных для него смежных содержательных понятий.

Ключевые слова: продуктивное общение; кооперативность; конфронтационность; стратегии; тактики; установки.

A. A. Lugovskaya, L. G. Gavrikova, L. G. Vasilev
FEATURES OF VERBAL MANIFESTATION
OF THE PRODUCTIVE STYLE IN COMMUNICATION

The general communicative nature and verbal features of the productive style in communication are analyzed. The style is viewed as belonging to the concept of cooperative communication, including the joint-target and the phatic factors. The manifestations of violation of the Quality maxim and pertaining neighboring concepts are described.

Keywords: productive communication; co-operation; confrontation; strategies; tactics; orientations.

Продуктивный стиль общения представляет собой целенаправленный обмен репликами, который заканчивается содержательно – достижением целей коммуникантами, или же, как минимум, фатически – сохранением благожелательных отношений. Установка на продуктивность может быть рассмотрена с точки зрения стратегий и тактик, используемых коммуникантами. Само понятие ‘продуктивный стиль’ может охватывать речевые взаимодействия различных видов, поэтому и количество участников, их личностные установки, коммуникативные установки, объём знаний, опыт, локусы, нормы и порядок взаимодействия, а также другие критерии, могут существенно различаться (см. о принципах анализа этих аспектов: [1; 3]).

В процессе продуктивного речевого общения, как, впрочем, и всякого иного, также происходит постоянное изменение объёма знаний коммуникантов, их трансформация, переоценка и т. д. Именно поэтому уже ставшее традиционным понятие интеракции как обеспечения продуктивности может дать лишь первое приближение к пониманию продуктивности: концентрируясь на принципе обмена репликами, это понятие далеко не всегда задействует параметр наследования, т. е. влияние вышеназванных изменений на течение и результат диалога. Если же интеракция рассматривается не с точки зрения простого мульти-участия коммуникантов (в противовес монологизму в диадическом общении), то да, этот термин можно считать работающим – только об этом требуется упоминать отдельно.

Структурными компонентами продуктивного диалога будут выступать речевые ходы участников, состоящие из речевых шагов, которые можно соотнести с речевыми актами. Содержательную сторону коммуникации определяет коммуникативная ситуация и характеристики коммуникантов.

В коммуникативных исследованиях установлено, что практически невозможно одновременно придерживаться всех постулатов и максим общения, т. е. так называемого «коммуникативного кодекса», что будет продемонстрировано в нижеприведённом фрагменте диалога кооперативного типа. Такой эффект достигается благодаря соблюдению некоего баланса между следованием одним и нарушением других постулатов и максим вежливого речевого общения. А также на примере данного отрывка отчётливо видно отсутствие дискомфорта у участников коммуникации.

В качестве примера диалога кооперативного типа возьмём следующий коммуникативный фрагмент (Диалог № 1):

S2 (1) «*Why, bless thee, child*», said the old man, patting her on the head, (2) «*how couldst thou miss thy way?*» (3) *What if I had lost thee, Nell!*»

S1 (4) «*I would have found my way back to you, grandfather*», said the child boldly; (5) «*never fear*». (Dickens)

В данном фрагменте первая реплика не является иницирующей, это всего лишь реакция дедушки на рассказ ребёнка, Нелл, которая заблудилась по пути домой. Компоненты речевой ситуации следующие.

Статус коммуникантов: разновозрастные, приблизительно равностатусные: разговор происходит между дедушкой и внучкой – близкими людьми.

Хронотоп коммуникации – их общий дом, реакция на предыдущее событие.

Степень и ориентированность энтропии. Избыточная информация в реплике старика показывает его растерянность, недоумение и взволнованность, а избыточная информация в ответе девочки обусловлена стремлением предоставить убедительную информацию.

Особенности вербализации. Реакция дедушки содержит экспрессивные выражения, передающие удивление (*how couldst thou miss thy way?*) и обеспокоенность по поводу инцидента (*What if I had lost thee, Nell!*), а в ответе Нелл видим уверенное подбадривание (*never fear*) и, в принципе, опровержение (*I would have found my way back to you, grandfather*) страшного предположения дедушки. Структурная взаимосвязь реплик проявляется в разделении по сути условного предложения между коммуникантами – высказывания (3) и (4). Лексика (*bless thee, child*), экспрессия (выделение *you*) и общий смысл высказываний (неречевые действия (*patting her on the head*)) свидетельствуют о том, что данный фрагмент иллюстрирует кооперативный тип речевого взаимодействия.

Также классическими примерами кооперативного типа коммуникации могут послужить диалоги № 2 и № 3.

Диалог № 2.

The child remained, for some minutes, watching the deaf old man as he threw out the earth with his shovel, and, often stopping to cough and fetch his breath, still muttered to himself, with a kind of sober chuckle, that the sexton was wearing fast. At length she turned away, and walking thoughtfully through the churchyard, came unexpectedly upon the schoolmaster, who was sitting on a green grave in the sun, reading.

S1 (1) «*Nell here?*» he said cheerfully, as he closed his book. (2) «*It does me good to see you in the air and light. I feared you were again in the church, where you so often are*».

S2 (3) «*Fear!*» replied the child, sitting down beside him. (4) «*Is it not a good place?*»

S1 (5) «*Yes, yes*», said the schoolmaster. (6) «*But you must be gay sometimes – (7) nay, don't shake your head and smile so sadly*».

S2 (8) «*Not sadly, if you knew my heart. (9) Do not look at me as if you thought me sorrowful. (10) There is not a happier creature on earth, than I am now*».

Full of grateful tenderness, the child took his hand, and folded it between her own. S2 (11) «It's God's will!» she said, when they had been silent for some time.

S1 (12) «*What?*»

S2 (13) «*All this*», she rejoined; «*all this about us. (14) But which of us is sad now? (15) You see that I am smiling*».

S1 (16) «*And so am I*», said the schoolmaster; (17) «*smiling to think how often we shall laugh in this same place. (18) Were you not talking yonder?*»

S2 (19) «*Yes*», the child rejoined.

S1 (20) «*Of something that has made you sorrowful?*»

There was a long pause.

S1 (21) «*What was it?*» said the schoolmaster, tenderly. (22) «*Come. Tell me what it was*».

S2 (23) «*I rather grieve – I do rather grieve to think*», said the child, bursting into tears, «*that those who die about us, are so soon forgotten*».

S1 (24) «*And do you think*», said the schoolmaster, marking the glance she had thrown around, «*that an unvisited grave, a withered tree, a faded flower or two, are tokens of forgetfulness or cold neglect? (25) Do you think there are no deeds, far away from here, in which these dead may be best remembered? (26) Nell, Nell, there may be people busy in the world, at this instant, in whose good actions and good thoughts these very graves – neglected as they look to us – are the chief instruments*».

S2 (27) «*Tell me no more*», said the child quickly. «*Tell me no more. (28) I feel, I know it. (29) How could I be unmindful of it, when I thought of you?*»

S1 (30) «*There is nothing*», cried her friend, «*no, nothing innocent or good, that dies, and is forgotten. (31) Let us hold to that faith, or none. (32) An infant, a prattling child, dying in its cradle, will live again in the better thoughts of those who loved it, and will play its part, through them, in the redeeming actions of the world, though its body be burnt to ashes or drowned in the deepest sea. (33) There is not an angel added to the Host of Heaven but does its blessed work on earth in those that loved it here. (34) Forgotten! oh, if the good deeds of human creatures could be traced to their source, how beautiful would even death appear; for how much charity, mercy, and purified affection, would be seen to have their growth in dusty graves!*»

S2 (35) «*Yes*», said the child, (36) «*it is the truth; I know it is. (37) Who should feel its force so much as I, in whom your little scholar lives again! (38) Dear, dear, good friend, if you knew the comfort you have given me!*»

The poor schoolmaster made her no answer, but bent over her in silence; for his heart was full.

Коммуниканты: разновозрастные, разностатусные – общение место между учителем и Нелл; отношения между коммуникантами дружественные: Нелл не хочет расстраивать учителя и не сразу решается открыть ему причину своей грусти; учитель, обеспокоенный эмоциональным состоянием ребёнка, убеждает её в том, что она неправа.

Хронотоп: диалог происходит на кладбище, прямо после взволновавшей Нелл предыдущей беседы со старым сторожем, который рассказал Нелл о том, что быстрой потере духовной связи между умершими и их родственниками и друзьями.

Сотрудничество проявляется в благожелательном настрое, поддержании и сохранении контакта, достижении положительных результатов общения для обоих коммуникантов

(Нелл понимает, что была неправа, а учитель рад, что смог успокоить девочку), во время беседы речевые действия коммуникантов не вызывают чувства дискомфорта у сторон коммуникации.

Диалог № 3.

One night I had roamed into the City, and was walking slowly on in my usual way, musing upon a great many things, when I was arrested by an inquiry, the purport of which did not reach me, but which seemed to be addressed to myself, and was preferred in a soft sweet voice that struck me very pleasantly. I turned hastily round and found at my elbow a pretty little girl, who begged to be directed to a certain street at a considerable distance, and indeed in quite another quarter of the town.

S2 (1) *«It is a very long way from here», said I, «my child».*

S1 (2) *«I know that, sir», she replied timidly. (3) «I am afraid it is a very long way, for I came from there to-night».*

S2 (4) *«Alone?» said I, in some surprise.*

S1 (5) *«Oh, yes, I don't mind that, (6) but I am a little frightened now, for I had lost my road».*

S2 (7) *«And what made you ask it of me? (8) Suppose I should tell you wrong?»*

S1 (9) *«I am sure you will not do that», said the little creature, (10) «you are such a very old gentleman, and walk so slow yourself».*

I cannot describe how much I was impressed by this appeal and the energy with which it was made, which brought a tear into the child's clear eye, and made her slight figure tremble as she looked up into my face.

S2 (11) *«Come», said I, «I'll take you there».*

She put her hand in mine as confidently as if she had known me from her cradle, and we trudged away together.

Диалог №3 является ещё одним примером эффективного и благожелательного взаимодействия.

Коммуниканты: разновозрастное и разностатусные.

Хронотоп: место действия – одна из отдалённых по отношению к месту жительства Нелл улица Лондона, время – вечер. Нелл заблудилась по пути домой и обратилась к пожилому мужчине с просьбой о помощи. Мужчина удивлён, но одновременно и очарован ребёнком и соглашается ей помочь. Таким образом фатический и содержательный аспекты диалога однонаправлены: контакт установлен, цель речевого взаимодействия достигнута.

Однако при реальном общении и в художественных произведениях, где также зафиксированы диалоги, которые вполне могли бы иметь место в реальности, всё не так однозначно, как при противопоставлении конфликта и сотрудничества в теории. Бывает довольно сложно отнести диалог исключительно к кооперативному или к конфронтационному типу речевого взаимодействия, потому что коммуниканты в процессе общения, преследуя свои цели и нарушая при этом постулаты и максимы общения, могут своими речевыми действиями порождать импликатуры (т. е. неявные смыслы высказываний); некоторые из таких импликатур не «считываются» адресатами, отчего в коммуникации случаются сбои, непонимание, однако, в диалогах такого типа всё довольно просто: либо коммуниканты ищут компромисс (один из признаков кооперативного взаимодействия), либо общение перетекает в конфликт (некооперативное речевое взаимодействие).

Другое дело – диалоги, в которых нарушается постулат качества, один из основных постулатов Принципа кооперации П. Грайса [2]. Примерами таких диалогов являются диалоги № 4 и № 5.

Диалог № 4.

Her glowing cheek and moistened eye passed unnoticed by the sexton, who turned towards old David, and called him by his name. It was plain that Becky Morgan's age still troubled him; though why, the child could scarcely understand.

The second or third repetition of his name attracted the old man's attention. Pausing from his work, he leant on his spade, and put his hand to his dull ear.

S2 «Did you call?» he said.

S1 (1) «I have been thinking, Davy», replied the sexton, «that she», he pointed to the grave, «must have been a deal older than you or me».

S2 (2) «Seventy-nine», answered the old man with a shake of the head, (3) «I tell you that I saw it».

S1 (4) «Saw it?» replied the sexton; (5) «aye, but, Davy, women don't always tell the truth about their age».

S2 (6) «That's true indeed», said the other old man, with a sudden sparkle in his eye. (7) «She might have been older».

S1 (8) «I'm sure she must have been. (9) Why, only think how old she looked. (10) You and I seemed but boys to her».

S2 (11) «She did look old», rejoined David. «You're right. She did look old».

S1 (12) «Call to mind how old she looked for many a long, long year, and say if she could be but seventy-nine at last – only our age», said the sexton.

S2 (13) «Five year older at the very least!» cried the other.

S1 (14) «Five!» retorted the sexton. (15) «Ten. Good eighty-nine. (16) I call to mind the time her daughter died. She was eighty-nine if she was a day, and tries to pass upon us now, for ten year younger. Oh! Human vanity!»

The other old man was not behindhand with some moral reflections on this fruitful theme, and both adduced a mass of evidence, of such weight as to render it doubtful – not whether the deceased was of the age suggested, but whether she had not almost reached the patriarchal term of a hundred. When they had settled this question to their mutual satisfaction, the sexton, with his friend's assistance, rose to go.

... And so they parted; each persuaded that the other had less life in him than himself; and both greatly consoled and comforted by the little fiction they had agreed upon, respecting Becky Morgan, whose decease was no longer a precedent of uncomfortable application, and would be no business of theirs for half a score of years to come.

Общий характер диалога №4, на первый взгляд, можно охарактеризовать как кооперативный.

Хронотоп: диалог происходит на кладбище прямо во время выкапывания могилы.

Статус коммуникантов: разновозрастные, разностатусные первый говорящий – кладбищенский сторож, второй – Дэвид – исполняет обязанности могильщика.

Опустим начало данного фрагмента диалога и обратимся непосредственно к моменту коммуникации с нарушением постулата качества.

Первый говорящий, начиная с иницирующей реплики, говорит то, для чего у нет достаточных оснований. второй говорящий с помощью косвенного речевого акта (2),

выражает своё несогласие с точкой зрения своего собеседника, и аргументирует это тем, что своими глазами видел год рождения почившей (3), но буквально в каждой последующей реплике первый говорящий, всё так же нарушая постулат качества (9, 14), в некоторой мере нарушает и максимуму великодушия (по Дж. Личу [4]), навязывая свою позицию (5, 8, 9, 10, 12, 16). В целом же, судя по речевым действиям, о кооперации можно говорить на том основании, что второй из коммуникантов соблюдает максимумы согласия и симпатии (6, 11, 13), к которым также прибегает и первый коммуникант (8), что позволяет избежать ощущения дискомфорта у второго коммуниканта.

Таким образом, несмотря на нарушение постулатов и максимумов общения и использование импликатур, коммуниканты понимают друг друга, несмотря на то что изначально в диалоге нарушен постулат качества; самое же главное состоит в том, что коммуниканты стремятся к единой цели и, в конце концов, совместными усилиями достигают её, удовлетворённые в полной мере. Успех заключается именно в том, что коммуниканты преследуют одну и ту же цель – получить подтверждение желаемого положения вещей вместо действительного.

Диалог № 5.

Mrs Quilp departed according to order, and her amiable husband, ensconcing himself behind the partly opened door, and applying his ear close to it, began to listen with a face of great craftiness and attention.

Poor Mrs Quilp was thinking, however, in what manner to begin or what kind of inquiries she could make; and it was not until the door, creaking in a very urgent manner, warned her to proceed without further consideration, that the sound of her voice was heard.

(1) «How very often you have come backwards and forwards lately to Mr Quilp, my dear».

(2) «I have said so to grandfather, a hundred times», returned Nell innocently.

(3) «And what has he said to that?»

(4) «Only sighed, and dropped his head, and seemed so sad and wretched that if you could have seen him, I am sure you must have cried; you could not have helped it more than I, I know. (5) How that door creaks!»

(6) «It often does», returned Mrs Quilp, with an uneasy glance towards it. (7) «But your grandfather – he used not to be so wretched?»

(8) «Oh, no!» said the child eagerly, (9) «so different! (10) We were once so happy and he so cheerful and contented! (11) You cannot think what a sad change has fallen on us since».

(12) «I am very, very sorry, to hear you speak like this, my dear!» said Mrs Quilp. And she spoke the truth.

(13) «Thank you», returned the child, kissing her cheek, (14) «you are always kind to me, and it is a pleasure to talk to you. (15) I can speak to no one else about him, but poor Kit. (16) I am very happy still, I ought to feel happier perhaps than I do, (17) but you cannot think how it grieves me sometimes to see him alter so».

(18) «He'll alter again, Nelly», said Mrs Quilp, «and be what he was before».

(19) «Oh, if God would only let that come about!» said the child with streaming eyes; (20) «but it is a long time now, since he first began to – I thought (21) I saw that door moving!»

(22) «It's the wind», said Mrs Quilp, faintly. (23) «Began to –»

(24) «To be so thoughtful and dejected, and to forget our old way of spending the time in the long evenings», said the child. (25) «I used to read to him by the fireside, and he sat listening, and when I stopped and we began to talk, he told me about my mother, and how she once looked and

spoke just like me when she was a little child. (26) Then he used to take me on his knee, and try to make me understand that she was not lying in her grave, but had flown to a beautiful country beyond the sky where nothing died or ever grew old – (27) we were very happy once!»

(28) «Nelly, Nelly!» said the poor woman, «I can't bear to see one as young as you so sorrowful. (29) Pray don't cry».

(30) «I do so very seldom», said Nell, (31) «but I have kept this to myself a long time, and I am not quite well, (32) I think, for the tears come into my eyes and I cannot keep them back. (33) I don't mind telling you my grief, for I know you will not tell it to any one again».

Mrs Quilp turned away her head and made no answer.

(34) «Then», said the child, «we often walked in the fields and among the green trees, and when we came home at night, we liked it better for being tired, and said what a happy place it was. (35) And if it was dark and rather dull, we used to say, what did it matter to us, for it only made us remember our last walk with greater pleasure, and look forward to our next one. (36) But now we never have these walks, and though it is the same house it is darker and much more gloomy than it used to be, indeed!»

She paused here, but though the door creaked more than once, Mrs Quilp said nothing.

(37) «Mind you don't suppose», said the child earnestly, «that grandfather is less kind to me than he was. (38) I think he loves me better every day, and is kinder and more affectionate than he was the day before. (39) You do not know how fond he is of me!»

(40) «I am sure he loves you dearly», said Mrs Quilp.

(41) «Indeed, indeed he does!» cried Nell, (42) «as dearly as I love him. (43) But I have not told you the greatest change of all, (44) and this you must never breathe again to any one. (45) He has no sleep or rest, but that which he takes by day in his easy chair; for every night and nearly all night long he is away from home».

(46) «Nelly!»

(47) «Hush!» said the child, laying her finger on her lip and looking round. (48) «When he comes home in the morning, which is generally just before day, I let him in. (49) Last night he was very late, and it was quite light. (50) I saw that his face was deadly pale, that his eyes were blood-shot, and that his legs trembled as he walked. (51) When I had gone to bed again, I heard him groan. (52) I got up and ran back to him, and heard him say, before he knew that I was there, that he could not bear his life much longer, and if it was not for the child, would wish to die. (53) What shall I do! Oh! What shall I do!»

The fountains of her heart were opened; the child, overpowered by the weight of her sorrows and anxieties, by the first confidence she had ever shown, and the sympathy with which her little tale had been received, hid her face in the arms of her helpless friend, and burst into a passion of tears.

В этом диалоге между Нелл и миссис Квилп, которая доброжелательно относится к девочке, а Нелл, в свою очередь, так же относится к миссис Квилп, о чём прямо говорит (коммуникатнты – разновозрастные с неодинаковым социальным статусом). Хронотоп: диалог происходит в доме мистера и миссис Квилп. В этом диалоге в силу коммуникативной макроустановки на третье лицо и прямой установки на собеседника переплетаются конфронтационная и кооперативная коммуникативные составляющие. Примерами кооперации служат следующие диалогические единства.

Фрагмент № 1:

«*I am very, very sorry, to hear you speak like this, my dear!*» said Mrs Quilp. And she spoke the truth.

«*Thank you*», returned the child, kissing her cheek, «*you are always kind to me, and it is a pleasure to talk to you. I can speak to no one else about him, but poor Kit*».

Фрагмент № 2:

«*He'll alter again, Nelly*», said Mrs Quilp, «*and be what he was before*».

«*Oh, if God would only let that come about!*» said the child with streaming eyes.

Фрагмент № 3:

«*Nelly, Nelly!*» said the poor woman, «*I can't bear to see one as young as you so sorrowful. Pray don't cry*».

«*I do so very seldom*», said Nell, «*but I have kept this to myself a long time, and I am not quite well, I think, for the tears come into my eyes and I cannot keep them back*».

Фрагмент № 4:

«*I don't mind telling you my grief, for I know you will not tell it to any one again*».

Mrs Quilp turned away her head and made no answer.

Фрагмент № 5:

«*I am sure he loves you dearly*», said Mrs Quilp.

«*Indeed, indeed he does!*» cried Nell, «*as dearly as I love him*».

Кроме того, в конце разговора девочка бросается в объятия миссис Квилп, что свидетельствует о сохранении контакта между ними

Однако настоящий протагонист диалога – третье лицо, косвенный участник взаимодействия, мистер Квилп (см. о варьировании степени участия коммуникантов в общении: Васильева 2021). Миссис Квилп вынуждена расспрашивать девочку, зная, что мистер Квилп будет подслушивать разговор и впоследствии сможет как-то использовать информацию во благо себе и, вероятно, во вред девочке и её бабушке, о котором он требует расспросить девочку. Мистер Квилп – один из самых неприятных персонажей в произведении; он угрожает миссис Квилп, не обращая внимания на её просьбу: *I love the child – if you could do without making me deceive her...* Миссис Квилп поставлена в крайне неприятное положение: она любит ребёнка, но также боится и за себя, поэтому ей выходится подчиниться и поговорить с Нелл.

Характер диалога имеет вынужденный характер, и изначальные цели миссис и мистера Квилп антагонистичны, поэтому само общение с Нелл носит вторичный характер и изначально проходит в рамках конфронтационной «ауры»: миссис Квилп нарушает постулат качества несколько раз: в высказывании (6), когда говорит, что дверь постоянно скрипит, зная, что дверью скрипит мистер Квилп; в высказывании (22), когда говорит, что это ветер заставляет дверь открываться. Она также уклоняется от подтверждения того факта, что она не расскажет об этом разговоре никому (*Mrs Quilp turned away her head and made no answer*), поскольку понимает, что их уже слышит третье лицо и она не может выполнить просьбу, но и не может открыто сказать девочке об этом. Противоречивость коммуникативных установок миссис Квилп порождается речевым поведением собеседницы: слова девочки трогают миссис Квилп, что выражается как невербальными действиями (*turned away her head; said faintly; an uneasy glance towards it (door)*), так и вербально (12, 18, 28, 29). Миссис Квилп, следуя принципу симпатии и стремлению снизить результирующие риски, предпринимает попытки прекратить рассказ девочки (*but though the door creaked more than once, Mrs Quilp*

said nothing (46), однако девочка – в силу ошибочной оценки коммуникативных установок миссис Квилп – воспринимает эти знаки как поощрение и продолжает свой рассказ.

Дискомфорт же ощущает только миссис Квилп, поскольку знает, что лжёт. Цели коммуникантов: миссис Квилп – выполнить поручение мужа, выразить сочувствие девочке, поддержать; Нелли – поделиться своим горем, получить поддержку).

Таким образом, анализ стиля продуктивности в диалоге нельзя проводить, не изучив полностью коммуникативную ситуацию: когда диалог осуществляется без ориентации на третьих лиц, следует признавать наличие кооперативности, если у коммуникантов отсутствуют скрытые цели; в противном случае диалог принимает подобие фатического (так же продуктивного, но в ином отношении) общения, поскольку совершается не ради цели, которую один из собеседников принимает за искреннюю.

Список литературы:

1. Васильева М. Л. Публичное извинение в американском политическом дискурсе: приёмы содержательного анализа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2021. 18 с.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
3. Салтыкова Е. А. Описание и повествование как пространственно-временная актуализация события // Современная лингвистика: от теории к практике. Труды и материалы. II Казанский международный лингвистический саммит. Казань, 2023. Т. 2. С. 152–154.
4. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London etc.: Longman, 1983. 250 p.

Калужский филиал Московского областного финансово-юридического института (г. Ступино), Малоярославец, РФ

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 811

Е. И. Облакова, В. К. Студенникова
МЕТАФОРИЗАЦИЯ И ЕЁ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ РОК-ПЕСЕН)

В данной статье рассматривается теория метафоры, возможность её реализации в рамках языка, влияние на формирование языковой картины мира отдельно взятого народа. Актуальность исследования обусловлена тем, что недостаточное количество внимания уделено исследованию текстов рок-музыки немецкоязычных авторов. Значение работы заключается в изучении метафоры, как средства выражения системы ценностей и реалий носителей немецкого языка.

Ключевые слова: язык; языковая картина мира; культура; концепт; лингвокультурология.

E. I. Oblakova, V. K. Studennikova
METAPHORIZATION AND ITS ROLE
IN THE FORMATION OF A LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD
(USING THE EXAMPLE OF GERMAN-LANGUAGE ROCK SONG LYRICS)

This article examines the theory of metaphor, the possibility of its implementation within the framework of language, the influence on the formation of the linguistic picture of the world of a single people. The relevance of the study is due to the fact that insufficient attention is paid to the study of rock music texts by German-speaking authors. The significance of the work lies in the study of metaphor as a means of expressing the system of values and realities of native German speakers.

Keywords: language; linguistic picture of the world; culture; concept; linguoculturology.

Категория метафоричности представляет собой феномен, который онтологически связан с человеком и языком. Метафора представляет собой реализацию особой категории, в которой находят отражение мыслительные, языковые и культурные процессы. В лингвистике метафору рассматривали как стилистическое средство или как художественный прием, но крайне редко как способ создания языковой картины мира, которая возникает в результате когнитивного манипулирования имеющимися в языке значениями для того, чтобы создать новые концепты. Этот деятельный аспект метафоры самым тесным образом связан с человеческим фактором в языке. Благодаря ему все национально-культурное богатство, накопленное языковым сообществом в ходе его исторического развития, запечатлевается в языковых средствах. Это ставит проблему определения места метафоры в понятиях культуры и создает предпосылку для развития теории метафоры в лингвокультурологическом аспекте.

В качестве базовых работ по теории метафоры для данного исследования были выбраны статьи и монографии Ю. Д. Апресяна, А. П. Чудинова, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Н. Д. Арутюновой. В связи с осмыслением языковой картины мира использованы также идеи, изложенные в работах В. И. Постоваловой, Е. Е. Дебердеевой, Е. А. Уразовой.

Термин «языковая картина мира» ввел в научный оборот в начале 1930-х гг. немецкий лингвист Лео Вайсгербер – последователь теории В. Гумбольдта о языке как отражении духа

народа [5, с. 164]. Термин вписывается также в гипотезу лингвистической относительности Э. Сепира [13, с. 83] и Б. Уорфа [15, с. 158], по которой структура языка определяет мышление и способ познания мира.

Языковая картина мира включает как универсальные для всего человечества категории например: пространство, время, жизнь, смерть, так и «национально-специфичные черты», которые создают своеобразие картин мира конкретных народов. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально-специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [2, с. 351].

Нельзя не согласиться с В. И. Постоваловой, которая утверждает, что «картина мира <...> не есть зеркальное содержание мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, то есть интерпретация, акт миропонимания. Она зависит от призмы, через которую совершается мировидение» [12, с. 113].

Одним из способов познания мира и его концептуализации в языковой картине мира является метафора. Уже Ф. Ницше доказывал, что метафора – это не только лингвистическое явление, но и один из важнейших элементов познавательной деятельности [9, с. 398].

А. П. Чудинов рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет» [18, с. 6].

Исследование метафор дает некоторое представление о процессах мышления и о формировании языковой картины мира: «В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [4, с. 6]. С точки зрения Телия метафора является одним из важнейших репрезентантов образа мира в языке, поскольку дает представление о принципах, по которым человеческое сознание организует абстрактный мир по аналогии с предметным миром, который дан в непосредственных ощущениях [14, с. 173].

Согласно словарю С. И. Ожегова, метафора представляет собой оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-нибудь аналогии, сходства, сравнения [10, с. 308]. Выделяют несколько видов метафор: номинативную, состоящую в замене одного значения другим, образную, суть которой состоит в переходе идентифицирующего значения в предикатное, когнитивную, которая возникает в результате сдвига сочетаемости предикативных слов, генерализирующую, которая приводит к возникновению логической полисемии [3, с. 366].

Для нас особый интерес представляет рассмотрение текстов немецких рок-песен с точки зрения использования в них метафор как инструмента формирования языковой картины мира.

Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что в последнее время появились многие научные труды, в которых большое внимание уделяется изучению и анализу текстов рок-поэзии чаще всего русскоязычного варианта. Тексты немецкой рок-поэзии недостаточно представлены в работах отечественных исследователей. Сложившаяся ситуация и определила актуальность данного исследования, где тексты рок-песен Германии, являясь языком молодежной субкультуры, отражают систему ценностей и реалий ее носителей.

Материалом исследования являются поэтические тексты известных рок-групп «Die Ärzte», «Oomph!», «Stahlmann», «Die Apokalyptischen Reiter». В совокупности было проанализировано 80 песен.

Язык является главным средством общения людей. В современном мире идет активный процесс глобализации, который способствует смешению разных культур, языков и народов. Это приводит к тому, что представители разных культур испытывают затруднения в понимании друг друга.

Культура тесно связана с языком. С его помощью все культурные ценности, которые существуют у каждого народа, передаются из поколения в поколение. Вместе с языком его носитель усваивает и тот культурный опыт, традиции, обычаи и менталитет народа, язык которого он изучает и на котором говорит. Язык является средством формирования личности. Поэтому, когда человек осуществляет коммуникацию с представителем другого народа, то ему необходимо знать не только сам язык, но и быть знакомым с культурой этого народа [13, с. 487].

В современном мире изучение иностранных языков нацелено на развитие речевой компетенции у учащихся. Для того чтобы этого добиться важно создать такие коммуникативные условия, которые будут максимально приближены к реальному общению. Таким образом важно практиковать язык в естественных ситуациях, например, принимать участие в обсуждениях, в которых участвует носитель языка, активно заниматься переводом, читать книги на языке оригинала и так далее. Другими совами важно погрузить себя в язык и культуру того народа, язык которого изучаешь.

В процессе изучения языка у человека формируется языковая картина мира изучаемого языка. Формирование языковой картины мира происходит под влиянием многих факторов: расположение страны изучаемого языка, история народа, условия его жизни. Язык – живой организм, поэтому он адаптируется к тем условиям, в которых проживает народ-носитель.

В рамках языковой картины мира осуществляется связь языка с мышлением, окружающим миром, культурными и этническими явлениями, а также явлениями внутри самого языка. А. Ф. Лосев понимал под языком систему понимания, а точнее миропонимания. А. Ф. Лосев считает, что язык – само миропонимание [8, с. 113].

Для более эффективного процесса коммуникации между культурами нужно хорошо знать и понимать те культурные особенности, которые присущи языку носителя. Знание данных особенностей помогает понимать язык более глубоко; это способствует пониманию тех выражений, которые являются частичными или полными аналогами родного языка. Известно, что во всех языках присутствует такое явление, как метафора, и в целом мышление человека само по себе метафорично. Из этого следует то, что изучение метафор, которые есть в изучаемом языке, позволяет понять то, как мыслит представитель данной культуры, увидеть ту языковую картину, в которой существует данный народ.

Другими словами, метафора – инструмент, который позволяет показать различия между культурами, процесс восприятия действительности и особенности мышления народонаосителя. Изучение иноязычных метафор является ключом к пониманию культуры в целом.

Словарь С. И. Ожегова даёт следующее определение метафоры: метафора – это оборот речи, суть которого состоит в том, чтобы использовать слова и выражения в переносном смысле на основании аналогии, сходства и сравнения.

По мнению таких учёных как Дж. Лакоффа и М. Джонсона [7, с. 56], метафорическая система согласуется с культурными ценностями и образуют единое целое. Понятие

культурной коннотации является базой метафоры. Во многих языках через образ того или иного животного выражают качества человека, например параллель заяц – трусость, лиса – хитрость и т. д.

Данные стереотипы передаются из поколения в поколение с помощью метафоры и передают культуру народа. Каждый человек усваивает данные метафоры, а вместе с ними и культуру своего народа. Параллельно со специфическими метафорами каждого отдельного языка, которые появились в силу различных особенностей местности, климата, существуют и те, которые универсальны для многих языков, так называемые универсальные метафорические модели. В различных языках восприятие и видение мира похоже и понятно для представителей других языковых культур [7, с. 120].

Рок-лирика содержит в себе большое количество случаев использования метафор. В рок-поэзии могут содержаться как авторские, так и стертые метафоры, могут создаваться новые, переосмысленные автором метафоры, иногда весь текст может прочитываться как одна метафора. Метафоричность употребления в рок-поэзии является одной из возможностей создания экспрессии, т. к. она, как правило, связана с семантическими сдвигами, что приводит к дополнительной экспрессивной насыщенности текстов в целом.

Тексты рок-песен отражают напряжённость современной жизни и кризисность бытия в эпоху третьего тысячелетия. На первый план выдвигается нечто тёмное, мифическое, грозящее катастрофой. Герой рок-песни ощущает фатальную отверженность от мира, пытается уйти в себя в надежде обрести иллюзию единства с миром, что приводит его к состоянию хронического смятения, к чувству абсолютной бесцельности своего существования [19, с. 234].

Круг вопросов и проблем, передаваемых в поэтических рок-текстах при помощи метафор, довольно широк. Как правило, рок-музыканты не довольны сложившейся системой политических, социальных, экономических отношений в государстве, свой протест они выражают в песнях, отмечая при этом, что, если есть желание что-то менять – надо начинать с себя. Картина мира рок-поэтов существенно отличается от национального восприятия. Как правило, в рок-текстах жизнь характеризуется знаком минус, смерть – знаком плюс. Жизнь воспринимается как гнетущее явление, а смерть как счастливое освобождение от жизни.

Результаты исследования показали, что наиболее часто встречающимися в текстах рок-песен являются концепты «смерть», «свобода», «любовь», «жизнь» и «ложь». Во время анализа упор был сделан на метафоры, которые содержат концепты «Liebe», «Freiheit», «Tod», «Lüge», «Leben».

Достаточно часто встречающимся концептом является «любовь», «Liebe». В 28 текстах из 100 встречаются слова, которые описывают любовь. По словарю С. И. Ожегова любовь – это глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Тема любви всегда была привлекательной для поэтов, писателей и музыкантов. В текстах рок-музыкантов любовь в большей степени имеет негативную коннотацию. Она приносит боль, разочарование и страдание в жизнь одного из возлюбленных. Любовь предстает не тем светлым чувством, к которому все привыкли. Например, в одной из песен любовь представлена в следующем ключе: «Für ihn ist Liebe gleich Samenverlust». Возвышенное чувство любви опускается до уровня животных потребностей. Часто любовь олицетворяется и наделяется чертами и возможностями реального человека, к примеру: «Ich höre deine Liebe wie sie lacht». Любовь тесно взаимосвязана с душевной болью, муками и жертвенностью: «du bist so grausam, darum liebe ich dich». В текстах рок-песен любовь – исключительно философское понятие,

она существует на уровне идеи и мечты: **«Liebe ist nur ein Traum, Eine Idee und nicht mehr, Tief im Inneren bleibt, Jeder einsam und leer, Es heißt, dass jedes Ende»**. Для авторов любовь является синонимом боли: **«Schmerz und Liebe liegen dicht beieinander»**. Часто любовь сравнивают с диким зверем **«Die Liebe ist ein wildes Tier Sie beißt und kratzt und tritt nach mir»**, где употребленные глаголы в тексте приобретают негативную коннотацию.

Следующий концепт, который был рассмотрен, – «смерть», «Tod». Смерть, согласно словарю С. И. Ожегова, – прекращение жизнедеятельности организма и его гибель. Это второй по частоте употребления концепт, который встречается в текстах рок-песен. Смерть, в отличие от любви, имеет положительную коннотацию. Смерть своего рода освобождение от всех тягот жизни, начало нового пути, момент, когда прекращаются какие-либо страдания. Авторы песен видят смерть как способ увековечиться: **Aufgebahrt in Ewigkeit, Aufgebahrt für alle Zeit, In Schwarz und Weiß, Für alle Zeit**. Еще один пример демонстрирует то, что смерть – это своего рода освобождение от всех земных мук и путь к новой другой жизни: **«Schließ deine Augen mit mir, Und lass mich ziehen, Lass uns die Sinne befreien, Und so untergehen»**. Авторы воспевают смерть, для них она не конец всего, а лишь начало.

Концепт «свобода», «Freiheit», в рассмотренных песнях встречался не часто. С точки зрения философии свобода – возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества. В основном понятие свободы рассматривается с точки зрения освобождения от всех чувств. В контексте нескольких текстов «свобода» имеет негативную коннотацию, например: **«Träume nicht zum letzten Mal, Denn aus Freiheit, Wird Stacheldraht.»** Так же «свобода» выражается через природные явления, к примеру: **«Es weht ein Wind von Freiheit hier»**, однако данный концепт не так распространен среди авторов немецких песен в сравнении с любовью или смертью.

Другим интересным концептом является «жизнь», «Leben». Концепт «Leben» встречался в 32 текстах отобранных для анализа текстов рок-песен. Жизнь предстаёт перед авторами как нечто нестабильное, разнообразное и непредсказуемое. С одной стороны, жизнь – это что-то светлое, лишённое тоски: **«Das Leben ist kein Jammertal, Aber verrückt, Es geht auf und nieder...»**. Жизнь воспевается авторами, превозносится выше всего: **«Das Leben ist ein Lied, man muss es besingen, Aus voller Brust, mit ganzem Herz, Dann wird's gelingen»**. К жизни нужно относиться позитивно и тогда человек сможет постигнуть счастье. Большое внимание уделяется непредсказуемости жизни, неожиданным поворотам судьбы в ней: **«Das Leben will spielen und hat viel Fantasie, Es ist voller Überraschungen, Was kommt, weiß man nie, Es ist ein Abenteuer, eine Möglichkeit, Und eine Tragödie voll Schönheit»**. С другой стороны, жизнь полна страданий, боли и мучений. Лирические герои чувствуют освобождение после того, как они лишаются жизни, задаются вопросами стоили ли все те мучения, что они пережили той цены, которую пришлось заплатить: **«Hat sich das Leiden nicht gelohnt?»**. Жизнь сравнивается с чем-то отягощающим: **«Wandel ich mein Wesen, Vom Schicksal gewollt»**.

Концепт «ложь», «Lüge», встретился в 16 текстах рок-песен. Авторы раскрывают тему лжи как достаточно болезненное явление, которое приводит опять же к страданиям и мукам в жизни: **«Ich glaub nicht mehr deinen Lügen und dem ganzen Gequatsche, Weiß genau, dass deine Worte nur die Welten zerkratzen, Doch ich schwöre dir, meine findet heute Ruh»**.

В результате анализа немецкоязычных рок-песен можно убедиться в том, что явление метафоры тесно переплетается с понятием языковой картины мира, однако картина мира

авторов рок-песен имеет отличия от того привычного образа, который сложился у народа. Любовь предстаёт как нечто со знаком минус, жизнь и смерть имеют полностью противоположные оценки тем, что приняты в обществе. Смерть рассматривается как что-то хорошее, то, что избавляет от земных страданий. Жизнь в большей степени предстаёт как череда испытаний, боли и мук. Понятие свободы мало отражено в проанализированных строках, однако оно так же воспринимается как что-то гнетущее и неизвестное. Это может быть связано с тем, свобода требует ответственности за свои действия и выборы. Возможность свободно выбирать и действовать может быть привязана к ответственности за последствия этих выборов. Люди могут чувствовать вину или бремя ответственности за свои ошибки или неправильные выборы. А вот концепт лжи имеет полное соответствие реальности. Ложь воспринимается как негативное явление, которое так же, как и в жизни приносит лишь боль.

Анализируя метафоры в оригинальном текстах, мы приходим к выводу что и в немецких рок-песнях преобладают метафоры с отрицательной оценкой, за ними следуют метафоры с нейтральной оценкой, затем метафоры, выражающие положительную оценку

Ценность метафоры заключается в её яркой образности, выразительности, облачённой в лаконичную форму. Стремление авторов рок-песни к яркой эмоциональности и живой образности, желание воздействовать на слушателя проявляются в текстах, где метафора употребляется наряду с другими выразительными средствами (сравнением, гиперболой и т. п.), что делает образы ещё более запоминающимися.

Анализ немецкой рок-поэзии позволяет выделить такие устойчивые концепты как «любовь», «ложь», «смерть», «жизнь», «свобода». Все они раскрывают лингвокультурологические особенности текстов немецких рок-песен и объясняют природу их возникновения в межязыковом пространстве. Рок-культура – противоречивое и довольно сложное явление, она является самой жизнью в данный отрезок времени. Рок-культура – это творческая сила, с которой отражается в воображении или фантазии современность, это рефлексия современности. В рок-текстах можно найти отголоски политики, установки на духовные ценности, моменты отражения быта и жизни людей, присущие определенному времени, эпохе. Приведенные примеры из текстов рок-песен демонстрируют, что немецкая рок-лирика характеризуется обращением к подсознательному, чувственному и эмоциональному началу в человеке. Через метафорическое значение слов и словосочетаний авторы рок-текстов усиливают зримость и наглядность изображаемого и передают неповторимость, индивидуальность явления, проявляя при этом характер и глубину собственного видения мира.

Данные исследования позволяют говорить о концептах в немецких рок-текстах, их литературной ценности, о необходимости изучения рок-лирики и рассмотрения рок-текстов не как только временного явления современной субкультуры, а как серьезного лингвистического источника.

Список литературы:

1. Алефиренко Н. Ф. Протовербальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентации / Н. Ф. Алефиренко // Филол. науки. 202. № 5. С. 72–81.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды: интегральное описание языка и системная лексикография. В 2 т. Т. 2 / Ю. Д. Апресян. Москва: Восточная литература, 1995. 769 с.

3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. / Н. Д. Арутюнова. Москва: Наука, 1988. 896 с.
4. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / вступ. ст. и сост. / Н. Д. Арутюнова. Москва: Прогресс, 1990. 513 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. / В. Гумбольдт. Москва: Прогресс, 1984. 199 с.
6. Дебердеева Е. Е. Роль метафоры в формировании языковой картины мира в русской и английской лингвокультурах / Е. Е. Дебердеева // Вестн. ТГПИ. 2011. № 1. С. 97–101.
7. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. Москва: Издательство УРСС, 2004. 256 с.
8. Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само / А. Ф. Лосев. Москва: Издательство Олега Абышко, 2016. 576 с.
9. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле. Полн. собр. соч. Т. 1. / Ф. Ницше. Москва: Культурная революция, 1912. 480 с.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. Москва: Оникс, 2009. 1359 с.
11. Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. / Р. И. Павиленис. Москва: Мысль, 1983. 146 с.
12. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / В. И. Постовалова. Москва: Наука, 1988. 168 с.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. / Э. Сепир. Москва: Прогресс, 1993. 656 с.
14. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / В. Н. Телия. Москва: Наука, 1988. С. 173–204.
15. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. 1960. № 1. С. 151–207.
16. Уразова Е. А. Метафора в репрезентации языковой картины мира: на примере англо-американской и русской политической публицистики: специальность 10.02.19, «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Уразова Екатерина Александровна. Москва, 2019. 202 с.
17. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. / А. П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
18. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. / А. П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
19. Шинкаренкова М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: специальность 10.02.01, «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шинкаренкова Мария Борисовна. Екатеринбург, 2005. 314 с.

УДК 81

А. И. Сорокина

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК АСПЕКТ КУРТУАЗНОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье исследуется специфика и функционирование средств речевого этикета как одного из аспектов куртуазного типа личности. Рассматривается роль речевого этикета в процессе составления высказывания исследуемым типом личности. Осуществляется анализ речи куртуазной личности с целью выделения наиболее частотных способов реализации и случаев использования речевого этикета в процессе коммуникации.

Ключевые слова: куртуазная личность; речевой этикет; коммуникация; коммуникативные императивы; функции речевого этикета.

A. I. Sorokina

SPEECH ETIQUETTE AS AN ASPECT OF COURTLY PERSONALITY

The article examines the specifics and functioning of the means of speech etiquette as one of the aspects of the courtly personality type. The role of speech etiquette in the process of making a statement by the type of personality under study is considered. The analysis of the speech of a courtly personality is carried out in order to identify the most frequent ways of implementing and cases of using speech etiquette in the communication process.

Key words: courtly personality; speech etiquette; communication; communicative imperatives; functions of speech etiquette.

Процесс коммуникации, рассматриваемый в рамках антропоцентрической парадигмы, становится значимым инструментом в исследовании роли личности в познании специфики функционирования языка. Вступая в межличностную интеракцию, личность адресанта оказывает влияние на эффективность коммуникации, обусловленную рядом факторов, сопровождающих конкретный акт общения: коммуникативная ситуация, отношения между участниками коммуникации, личность адресата, социальные роли коммуникантов, мотивы и цели собеседников [5, с. 115]. В.И. Карасик указывает на существование индивидуального комплекса доминантных коммуникативных характеристик, составляющих коммуникативное поведение личности [3, с. 39]. В. Б. Кашкин говорит о возможности выделения языковых и коммуникативных средств, присущих определенному типу личности через анализ продуцируемых ее речевых произведений в процессе коммуникации [4, с. 54]. К. Ф. Седов, рассматривая типы коммуникативных ситуаций, указывает на зависимость специфики коммуникации от ее участников, представленных различными языковыми личностями. Тип языковой личности, а также средства его реализации в коммуникации, во многом определяют характер порождаемого речевого произведения. Так, куртуазная личность, предложенная К. Ф. Седовым, характеризуется как личность, представленная повышенной семиотичностью речевого поведения, что заключается в ее тяготении к использованию форм этикетного межличностного взаимодействия [10, с. 11]. Зародившись в основе рыцарского кодекса, куртуазная культура распространяется на светскую придворную жизнь, формируя нормы и правила куртуазного этикета. В основе понятия 'куртуазность' закладывается куртуазный идеал изысканного поведения, утонченных манер, служение Даме. Куртуазная культура отражала основные добродетели: доблесть, верность, учтивость, смелость [6, с. 20]. В настоящее

время в результате воздействия социально-исторических факторов, понятие куртуазность претерпевает ряд изменений.

Результаты исследования концепта «куртуазность» Е. Ю. Голодовой, указывают на значительное сближение концепта ‘куртуазность’ с концептом ‘вежливость’. Куртуазность трактуется как принципы вежливости и учтивости, тактичности и уважительности, обеспечивающие адекватное и позитивное общение. Е. Ю. Голодова приводит следующие результаты опроса, посвященного вопросу роли куртуазности в современном языковом обществе: 1. Уважительное отношение к людям. 2. Внимание к чувствам окружающих. 3. Тактичность. 4. Цивилизованное отношение. 5. Галантное поведение. 6. Демонстрация любезностей. 7. Учет мнения других [1, с. 64]. Куртуазность оказала значительное влияние на преобразование существовавших социальных и культурных аспектов жизни средневекового общества, а идеалы и ценности, заложенные в понятие, актуальны и в настоящее время. Куртуазность, воплощенная в речевых высказываниях, наделяет речь особыми, характерными маркерами, исследование которых, позволяет говорить о куртуазности как о специфичном типе речемыслительной деятельности индивида, реализуемом в процессе коммуникации.

Принимая во внимание соотнесение понятия ‘куртуазность’ с демонстрацией вежливости и уважительности, а также последующее их воплощение в речи посредством формул речевого этикета, предлагаем рассматривать речевой этикет как один из составляющих понятия ‘куртуазная личность’. И. А. Стернин рассматривает речевой этикет как «систему правил речевого поведения людей, детерминированных взаимоотношениями коммуникантов и вежливым отношением между людьми» [11, с. 4]. Этикетное взаимодействие устного общения реализуется в формулах вежливости и нормах ведения разговора. Речевой этикет отражает уровень коммуникативной этики говорящего, воплощает ее в языковой форме. Речевой этикет выстраивает формальные поведенческие границы, в которых происходит коммуникация. Это разновидность коммуникативной деятельности со своими мотивами и целями: соблюдение заданных обществом правил речевого поведения, обеспечение адекватности и успешности актов взаимодействия, поддержание благоприятной тональности общения [9, с. 42].

Формулы речевого этикета – слова и выражения, применяемые для передачи этикетной информации в типичных ситуациях общения. Владение правилами речевого этикета требует адекватное использование норм, соответствующих конкретной коммуникативной ситуации [12, с. 89].

Будучи системой стереотипных правил и норм, ритуализированных речевых действий, речевой этикет способен охарактеризовать говорящего на основе выбора им отдельных речевых элементов. Так обладая яркой национально-культурной опосредованностью, формулы речевого этикета указывают на принадлежность собеседников к определенному языковому обществу. Выбор отдельных этикетных высказываний характеризует отношения между коммуникантами, подчеркивает их социальный статус, уместность и эффективность применения данных формул, учет ситуации общения отражает уровень коммуникативной компетенции собеседников, возрастные, гендерные и другие аспекты.

Владение речевым этикетом требует адекватное использование норм, соответствующих конкретной коммуникативной ситуации, а также умение подстраивать коммуникативное поведение, переходить к другим нормам речевого этикета, в соответствии с происходящими ситуативными изменениями. В. Е. Гольдин, в своем исследовании, посвященном речевому этикету, указывает на присутствие в речи обязательных элементов,

обуславливающие этикетных характер речевых высказываний [7, с. 47]. Фразы, выражения, обороты речи, необходимые для построения высказывания, соответствующего нормам этикетного общения относятся к группе коммуникативных императивов. Как правило это стереотипные речевые формулы, обязательные речевые реакции, это приветствия, демонстрация сочувствия, благодарности, представления собеседника, согласие, поздравление и т.п.

Исследование способов реализации этикетных формул и норм в речи куртуазной личности, в рамках данной статьи, осуществляется посредством анализа речи Н. М. Цискаридзе в серии передач «Сегодня вечером»: «К юбилею Елены Прокловой», «Родной для всех: Роман Мадянов», «Наташе Королевой – 50! Юбилей в кругу друзей», «Дачный урожай».

Рассмотрим следующие коммуникативные императивы, встречающиеся в речи куртуазной личности:

Приветствие сопровождается демонстрацией вежливости и доброжелательности.

– *Татьяна Николаевна, я очень счастлив, что благодаря этой программе, мы с вами все-таки встретились.*

Формулирование собственной точки зрения допускает несогласие со стороны собеседника. Этикетное общение характеризуется отсутствием категоричности. Уточняющие вопросы, подчеркивающие субъективность фразы, предоставляют возможность возразить или предложить иную точку зрения.

– *Как важно кто исполнит песню. Правда?*

– *Но, мне кажется, что даже если бы не было этих песен, хотя, без них представить этот фильм невозможно, все равно этот фильм был бы любим.*

Категоричные высказывания допускаются только при передаче позитивных смыслов, выражении согласия, освещении положительных сторон обсуждаемой темы.

– *Эта работа бесподобно сделана. Это тоже фильм на века. Можно пересматривать и пересматривать.*

Регулярное выражение согласия с собеседником посредством поддерживающих позитивных реплик.

– *Конечно, а как может быть без «Обыкновенного чуда». Гениальный спектакль, абсолютно гениальный.*

– *Ой, Наташа, как я тебя понимаю. И мороженое, и пампушки, и борщ – все хочется!*

Несогласие выражается в смягченной форме, в форме вопроса.

– *Это не так, вы считаете?*

Для выражения благодарности используются более интенсивные, многословные и эмоциональные средства.

– *Но, для меня это был большой урок, спасибо, Ирина Александровна.*

– *Я вам низко кланяюсь, я кланяюсь всем своим педагогам.*

Выражение одобрения слов, мыслей, действий собеседника.

– *Какая интересная вообще мысль. И, действительно, это же для слуха очень важно.*

– *Но, что Андрей сказал сейчас замечательного, что палочки есть, тропинка есть и все-таки он надеется, что вы пройдете вместе.*

Значительную роль в установлении гармоничной, доброжелательной атмосферы общения играет комплимент. Комплимент представляет разновидность риторического жанра и характеризуется умением искусного построения общения [2, с. 178]. Цель комплимента заключается в позитивном изменении эмоционального и психологического состояния

партнера по общению, а также в формировании положительных эмоций в отношении говорящего.

– *Но, вы так органичны в этом кадре, вам золото идет.*

– *Вообще, на самом деле, у тебя диапазон фантастический.*

Мы можем выделить следующие функции речевого этикета, реализуемые в процессе интеракции ведущего и приглашенных гостей.

Установления контакта с собеседниками. Средства речевого этикета направлены на привлечение внимания гостей, побуждение к вступлению в разговор, знакомство с гостями.

– *Лео Антонович, я очень счастлив, что вы сегодня со своей супругой, с Ольгой Александровной, сегодня с нами.*

– *Вы знаете, я очень благодарен вам всем, что вы сегодня пришли.*

Поддержание контакта между собеседниками. Этикетные формы направлены на поддержание отношений, получение сведений, поддержание беседы без углубления в обсуждаемую тему. Уточняющие вопросы, вопросы о семье, друзьях, здоровье помогают участникам беседы точнее изложить свои мысли, демонстрируют заинтересованность, подтверждают понимание.

– *Марина, я знаю, вы очень любили балет, и вы очень хотели поступить когда-то в эту школу.*

– *Ир, я знаю, что ты сама напросилась на роль.*

Демонстрация вежливости и дружелюбия по отношению к собеседнику.

– *Я думаю, что мы сегодняшним вечером проведем с большим наслаждением, радостью, а главное с любовью.*

– *Прекрасная, очаровательная, всегда юная – Елена Проклова!*

Эмоциональная функция заключается в поддержке чувств и эмоций адресата, выражение сочувствия, демонстрация собственных чувств и эмоций. Допускается отклонение от строгого следования нормам.

– *Замечательно, ну дай бог чтобы все сбылось.*

– *Кошмар!*

– *Боже, это что?*

– *Ой как хорошо!*

Нормы речевого этикета в значительной степени влияют на выбор формы обращения. В рамках речевого этикета, выбор обращений осуществляется в регистре вежливого общения, в соответствии с нормами, принятыми в обществе и характером коммуникативной ситуации. Специфика этикетного общения определяется типом коммуникативной ситуации. Телевизионная передача «Сегодня вечером» относится к полуофициальному типу общения, что находит отражение в размытости норм речевого этикета, наблюдается сочетание норм официального общения с дружескими, коллективными. Такого рода вариативность типов общения реализуется в разности регистров общения. Регистр общения понимается как манера общения, выбор которой обусловлен представлениями адресанта о характере отношений с адресатом, которые необходимо установить и поддерживать в конкретной ситуации общения [11, с. 53]. Рассматривая типы общения, реализуемые Н.М. Цискаридзе мы выделяем нейтрально-вежливый и дружеский-неофициальный регистр.

К нейтрально вежливому регистру мы относим обращения на вы и обращения по имени-отчеству. Обращение на вы, как и обращение по имени-отчеству, характерно для

мало знакомых собеседников, находящихся в официальных отношениях, подчеркивает разность в возрасте, выражает нейтрально-вежливые, подчеркнуто-сдержанные отношения.

– *Сергей я знаю, что вы тоже очень дружите со своим коллегой.*

– *Лев Валерьянович, вы готовитесь, по-моему, к поездке?*

Обращения на ты, краткие формы и уменьшительно-ласкательные формы обращений характерны для дружеского-неофициального регистра. Это высокая степень знакомства, эмоциональное, дружеское общение.

– *Гена, ты растрогался даже.*

– *Аня, я очень рад, что вы сегодня с нами.*

– *Леночка, наверно, звонили миллионы, да?*

К формулам обращения близки и формулы привлечения внимания. Наиболее встречаемое в речи Н. М. Цискаридзе обращение – «Дорогие друзья!» – также относится к дружескому-неофициальному регистру.

– *Дорогие друзья, я вас поздравляю!*

– *Дорогие друзья, сегодня какой-то волшебный вечер!*

Рассмотрев случаи употребления средств речевого этикета в куртуазной личности посредством анализа речи Н. М. Цискаридзе, мы можем говорить о речевом этикете как одном из составляющих принципов понятия куртуазная личность и непосредственном влиянии типа личности на выбор элементов речевого этикета. Средства речевого этикета используются для создания дружелюбной атмосферы общения, установления и поддержания контакта, привлечения внимания, трансляции уважительного и вежливого отношения к собеседникам. Значительное место отведено поддерживающим и позитивным репликам, уточняющим вопросам, вопросам поддержания контакта. Compliments, одобрение и согласие с собеседником сопровождаются эмоционально-экспрессивными средствами. Наделение речи выразительностью, эмоциональной окрашенностью, образность представляет инструмент ораторского искусства, усиленного речевого воздействия, обогащает арсенал используемых средств, обеспечивает фиксацию внимания и интереса собеседника, усиливает впечатление, затрагивая не только рациональную, но и эмоциональную сторону реципиента [8, с. 15].

Этика общения подкрепляется владением общей культурой речи, избеганием грубых ошибок в ударении и форме слов, слов с крайне негативной коннотацией, сниженной лексики. В зависимости от степени знакомства, возраста, социального положения, говорящий осуществляет коммуникацию в нейтрально-вежливом и дружески-нейтральном регистре, что отчетливо проявляется в выборе формы обращения.

Техника комплимента предполагает совершение ритуальных речевых действий, а значит нуждается в знании норм речевого этикета.

Список литературы:

1. Голодова Е. Ю. Рыцарский кодекс поведения: динамика лингвокультурных ценностей (на материале английского языка): Дис. ...канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2015. 197 с.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

4. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
5. Коноваленко М. Ю., Коноваленко В. А. Теория коммуникации: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 415 с.
6. Косиков Г. К. Средние века и ренессанс. Теоретические *проблемы*: Учеб. пособие. М., 2001. С. 8–39.
7. Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 42–52.
8. Ленько Г. Н. Выражение категории эмотивности в художественных произведениях французских, английских и немецких авторов конца XX – начала XXI веков: автореферат дис. ... на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва, 2011. 18 с.
9. Леонтьев А. А. Психология общения. 3-е изд. М.: Смысл, 1999. 365 с.
10. Седов К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. Вып. 26. С. 8–14.
11. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж: ВОИПКРО, 1996. 123 с.
12. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. Москва: Высш. шк., 1989. 156 с.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 81.25

Д. М. Терентьева
КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ ЛИЧНОСТИ:
ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье рассмотрено понятие ‘когнитивный стиль личности’ как альтернатива существующим способам оценки интеллектуальной деятельности. Представлена классификация когнитивных стилей, дополненная современными выявленными формами когнитивных стилей, с краткой характеристикой каждого стиля. Рассмотрен феномен расщепления полюсов, делающий понятие когнитивного стиля не биполярным, а квадрупольным измерением. Приведены краткие результаты когнитивно-стилевых исследований в области психологии и лингвистики.

Ключевые слова: когнитивный стиль; когнитивно-стилевой подход; психологические и лингвистические исследования.

D. M. Terentyeva
COGNITIVE STYLE OF A PERSONALITY: REVIEW AND ANALYTICAL STUDY

The article considers the concept of ‘cognitive style of a personality’ as an alternative to existing methods of assessing intellectual activity. A classification of cognitive styles, supplemented by modern identified forms of cognitive styles, with a brief description of each style, is presented. The phenomenon of pole splitting is considered, making the concept of cognitive style not a bipolar, but a quadripolar dimension. Brief results of cognitive-style research in the field of psychology and linguistics are given.

Key words: cognitive style; cognitive-style approach; psychological and linguistic researches.

Одна из главных проблем современной психологии заключается в выявлении индивидуальных психических различий субъектов, закономерностей поведения конкретных индивидуумов. Понятийный аппарат, существующий в рамках общей психологии, не предназначен для изучения особенностей психической деятельности отдельного человека. В связи с этим представляют интерес понятия и подходы, которые могли бы определить и описать феномен индивидуальной психической деятельности. Для выполнения этой задачи в систему психологических терминов было введено понятие «когнитивного стиля» как характеристики уникальной, своеобразной, неповторимой формы понимания реальности каждого человека.

Когнитивные стили (далее – КС) – это «индивидуально-своеобразные способы переработки информации» на основе индивидуальных различий интеллектуального поведения: восприятия, анализа, обработки, структурирования и оценивания поступающей информации [7, с. 16]. С одной стороны, КС отражает индивидуальные различия в мышлении людей, а с другой – служат для объединения людей в группы в зависимости от типа их когнитивной деятельности.

Статус феноменологии КС определяется рядом принципиальных факторов: (а) КС является показателем индивидуальных различий интеллектуальной деятельности, что отличает его от показателей успешности интеллектуальной деятельности (IQ-различий),

выявляемых на основе психометрических тестов интеллекта; (б) КС, в отличие от индивидуальных особенностей традиционно описываемых познавательных процессов, оценивается как форма интеллектуальной активности более высокого порядка, поскольку его главная функция состоит не в получении и переработке информации о мире, а в организации и регулировании познавательных процессов; (в) КС как характеристика познавательной сферы отражает проявление личностной организации в целом, так как индивидуальные способы обработки информации тесно связаны с потребностями, мотивами, аффектами; (г) КС как параметр взаимодействия субъекта с окружающей действительностью оказывает влияние на индивидуальные адаптационные процессы.

С появлением понятия КС в области когнитивных психологических исследований произошла радикальная перемена представлений относительно природы интеллектуальных различий субъектов и критериев оценки интеллектуальной деятельности. Так, испытуемые, которые получают низкие оценки при решении стандартных задач, в теориях интеллектуальных способностей признаются несостоятельными, в то время как в теориях КС любая мера выраженности стилевого полюса служит показателем эффективности того или иного способа интеллектуальной адаптации человека. Другими словами, когнитивно-стилевой подход пытается ввести безоценочный взгляд на интеллектуальные способности человека. Таким образом, теория КС делает акцент на индивидуальности (уникальности) человеческого разума и признает за каждым человеком наличие индивидуально-своеобразных способов организации познавательных контактов с окружающей средой [7, с. 41].

В современной зарубежной и отечественной литературе представлено описание около двадцати различных КС, образующих фундамент феноменологии когнитивно-стилевого подхода.

Г. Уиткин использовал понятие КС в рамках гештальт-психологической концепции о поле и поведении в поле (предметно-социального окружения). В результате его исследований было установлено, что на разных людей фактор поля оказывает влияние в разной степени. Обнаружено два типа поведения: (а) полезависимый, в большей степени подчиненный полю, и (б) поленезависимый, подверженный влиянию поля в меньшей степени, более ориентированный на внутреннюю активность.

Выявленный КС 'полезависимость / поленезависимость' характеризует степень психологической дифференциации разных форм опыта, меру выделения «Я» из своего социального окружения и выбор специализированных защит по отношению к травмирующему опыту. Поленезависимый КС отличается артикулированным подходом к полю: успешным преодолением сложного контекста, тенденцией действовать более автономно в ситуациях межличностного взаимодействия (имперсональная ориентация), использованием процессов интеллектуализации, изоляции и проекции в качестве механизмов психологической защиты. Полезависимый КС отличается глобальным подходом к полю: затрудненным преодолением сложного контекста, предпочтением ситуаций общения ситуациям уединения (интерперсональная ориентация), использованием негативизма и вытеснения в качестве механизмов защиты. Выявлено, что показатель зависимости от поля наиболее высок в детском возрасте, а по мере взросления личности снижается, из чего следует, что поленезависимое восприятие характерно для более высокого уровня психического развития.

Другая психологическая школа, занимавшаяся исследованием КС, связана с именами Дж. Клейна, П. Хольцмана, Р. Гарднера и Г. Шлезингера, которые ввели понятие когнитивных контролей – структурных константы в когнитивной сфере личности, являющихся

посредниками между потребностно-аффективными состояниями и внешними воздействиями. Под когнитивными контролями понимаются, во-первых, структурные сдерживания по отношению к аффективным побуждениям (влияние на регуляцию потребностей и аффектов различий в восприятии одной и той же ситуации разными людьми), а во-вторых, факторы координации психических возможностей и требований ситуации (формирование адаптивного поведения индивидуума). Когнитивные контроли представляют собой индивидуальные способы анализа, понимания и оценивания происходящего, это индивидуальные стандарты адекватности познавательного отражения внутри конкретной личности. Поскольку каждый человек сам выбирает адаптационную стратегию при взаимодействии со средой, когнитивные контроли отражают разные адаптивные подходы к реальности.

Р. Гарднер и его соавторы подчеркивали, что нельзя судить о личности по одному определенному когнитивному контролю. Следует принимать во внимание комплекс когнитивных контролей, который был обозначен термином КС. Таким образом, КС – это комбинация когнитивных контролей, поэтому он более независим от специфических ситуативных требований, а также обеспечивает основу для предсказания индивидуального поведения, которое не может осуществляться на основе отдельных когнитивных контролей. Выявлено шесть КС, представленных далее.

КС ‘узкий / широкий диапазон эквивалентности’ характеризует индивидуальные различия в особенностях ориентации на черты сходства или черты различия объектов. Люди с узким диапазоном эквивалентности разделяют объекты на большое количество групп, имеющих малый объем, т. е. характеризуются более детализированной категоризацией впечатлений и обладают более высокой степенью понятийной дифференциации, что позволяет говорить о более точной оценке ими различий объектов. Люди с широким диапазоном эквивалентности, напротив, классифицируют объекты, образуя сравнительно небольшое количество групп, имеющих большой объем, т. е. проявляют менее детализированную категоризацию, что позволяет делать вывод о менее точной оценке различий объектов. В работах отечественных авторов этот стилевой параметр получил название ‘аналитичность / синтетичность’. Под аналитичностью понимается склонность фокусироваться на выявлении различий объектов, а под синтетичностью – склонность ориентироваться на выявление их сходств.

КС ‘узость / широта категории’ в некоторой степени близок по смыслу к предыдущему описанному стилю, но не является тождественным. Если диапазон эквивалентности позволяет судить о степени дифференциации объектов на основе множества понятийных категорий (например, «большие», «синего цвета»), то широта категории характеризует степень дифференциации содержания одной категории (разные варианты значения «большой», разные оттенки синего цвета). Узкие категоризаторы ограничивают область применения определенной категории, в то время как широкие – подводят под одну категорию большое число примеров.

КС ‘ригидный / гибкий познавательный контроль’ показывает степень субъективной трудности в смене способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта. Ригидный контроль указывает на трудности в переходе от вербальных функций к сенсорно-перцептивным вследствие низкой степени их автоматизации, а гибкий – на легкость такого перехода в связи с высокой степенью их автоматизации.

КС ‘толерантность / нетолерантность к нереалистичному опыту’ проявляется в ситуациях неопределенности. Толерантность к нереалистичному опыту означает принятие

индивидом впечатлений, которые не соответствуют имеющимся у него представлениям о правильности и очевидности. Толерантность предполагает оценивание опыта по фактическим свойствам без применения по отношению к нему характеристик «обычный», «известный», «ожидаемый». Нетолерантность проявляется в сопротивлении тому познавательному опыту, который противоречит наличному знанию индивида.

КС 'фокусирующий / сканирующий контроль' указывает на индивидуальные особенности распределения внимания, а именно: степень широты охвата разных аспектов предъявленной ситуации, степень учета ее релевантных и нерелевантных признаков. Испытуемые, характеризующиеся полюсом широкого, или сканирующего, контроля оперативно распределяют внимание на множество аспектов ситуации, выделяют ее объективные детали. Испытуемые с узким, или фокусирующим, полюсом контроля отличаются поверхностным, фрагментарным вниманием и фиксируют явные, наиболее выделяющиеся характеристики ситуации.

КС 'сглаживание / заострение' характеризует особенности хранения в памяти запоминаемого материала. У людей, обладающих сглаживающим КС, сохранение материала сопровождается упрощением, потерей деталей и некоторых фрагментов. Для людей с заостренным КС, напротив, характерно акцентирование внимания на специфических деталях запоминаемого материала.

Дальнейшее изучение КС связано с именем Дж. Кагана, который предложил теорию когнитивного темпа (скорости принятия решения). Изучая основания сходства при объединении объектов, он выделил три основных способа категоризации: (а) аналитико-описательный: группировки, сформированные на основе сходства конкретных признаков объектов или отдельных их деталей; (б) тематический: группировки на основе ситуативных или функциональных отношений объектов; (в) категориально-закрывающий: группировки, формирующиеся на основе некоторого обобщающего суждения. Полученные результаты позволили Дж. Кагану обозначить еще один КС – 'импульсивность/рефлексивность', который характеризует индивидуальные различия в скорости принятия решений. Наиболее ярко он проявляется в условиях неопределенности, когда требуется сделать выбор из множества альтернатив. Импульсивные личности быстро реагируют в условиях множественного выбора и не подвергают анализу все возможные альтернативы. Рефлексивные личности характеризуются замедленным темпом реагирования, проверяют и многократно уточняют все возможные альтернативы, принимают решение на основе тщательного предварительного анализа.

Впоследствии когнитивные теории личности исследуют О. Харви, Д. Хант, Г. Шродер в теории понятийных систем и Дж. Келли в теории личностных конструктов. Основная идея когнитивных теорий личности состоит в том, что объяснять личностные черты и индивидуальное поведение следует исходя из особенностей восприятия, понимания и объяснения человеком происходящего. С этой точки зрения было важно разграничить содержательные и структурные аспекты познавательной сферы. Содержательные компоненты представляют собой комплекс знаний, умений и убеждений личности об элементах своего окружения (что человек думает). Структурные компоненты – это комплекс регулятивных мер, отвечающих за комбинирование, селективное, организацию представлений (как человек думает).

О. Харви, Д. Хант и Г. Шродер считали, что основным посредником между ситуационными воздействиями и личностными чертами является концепт, или понятие. Они рассматривают понятие как некоторую категориальную схему, с помощью которой происходит

оценка, кодировка или преобразование любого поступающего впечатления. По определению ученых, понятие – это некоторый субъективный эталон, предопределяющий характер познавательного отношения личности к происходящему; это устройство, фильтрующее опыт, благодаря чему суждения об окружающем мире дифференцируются и интегрируются, и в итоге мир выстраивается в представлении человека во множестве релевантных граней. Отдельные понятия формируют систему понятий. Соотношение процессов дифференциации и интеграции определяет уровень структурной организации понятийной системы личности, что в свою очередь указывает на конкретный или абстрактный стиль концептуализации происходящего.

КС ‘конкретная / абстрактная концептуализация’ характеризует психологические процессы дифференциации и интеграции понятий. Личности с полюсом конкретной концептуализации проявляют незначительную степень дифференциации и интеграции понятий. Для них характерны следующие качества: стереотипность принимаемых решений, зависимость от статуса и авторитета, непринятие неопределенности, ситуативный характер поведения. Личности с полюсом абстрактной концептуализации проявляют высокую степень дифференциации и интеграции понятий. Для них характерны такие качества: склонность к риску, независимость, стремление опираться на внутренний опыт, свобода от свойств ситуации, креативность.

В рамках той же теории когнитивной личности Дж. Келли выдвигает теорию персональных конструктов. По его мнению, человек оценивает и прогнозирует действительность на основе организованного определенным образом субъективного опыта, представленного в виде системы конструктов [9]. Уровень организации системы конструктов определяет КС ‘когнитивная простота / когнитивная сложность’. Когнитивная сложность характеризуется высокой степенью дифференцированности и интегрированности сознания личности, способностью создавать многомерную модель реальности с множеством взаимосвязанных аспектов. Когнитивная простота отражает фиксацию ограниченного набора сведений об окружающей действительности, понимание и интерпретацию происходящего в упрощенной форме.

Важно отметить, что КС – это не всегда биполярное измерение. Исследование КС привело к открытию феномена «расщепления» полюсов. «Расщепление» полюсов означает, что респонденты, принадлежащие к одному полюсу КС, могут быть разделены на две субгруппы; в этом случае КС становится квадрупольным измерением с четырьмя субгруппами испытуемых. Для КС ‘когнитивная простота / сложность’ в полюсе когнитивной простоты выделяют субгруппы: «обобщающие» (обладающие сложноорганизованной категориальной системой) и «недифференцированные» (имеющие глобальную форму организации категориального опыта); в полюсе когнитивной сложности – группы: «многомерные» (испытуемые с большим количеством разнокачественных субъективных измерений, объединенных разнообразными вариативными связями) и «компартиментализаторы» (испытуемые с большим количеством субъективных измерений, которые обладают слабыми связями или вообще не связаны между собой). Для КС ‘конкретная / абстрактная концептуализация’ на полюсе конкретности выделяют лица «собственно конкретные» (чье поведение полностью определяется ситуацией) и «негативисты» (проявляющие интеллектуальный нонконформизм); на полюсе абстрактности – «манипуляторы» (демонстрируют адаптивные стратегии взаимодействия с другими людьми) и «собственно абстрактные» (проявляют стратегию совладания при взаимодействии с окружением и обобщенной понятийной

концептуализацией). В КС ‘полезависимость / полenezависимость’ полюс полезависимости расщепляется на фиксированных и мобильных полезависимых, а полюс полenezависимости – на фиксированных и мобильных полenezависимых. В КС ‘импульсивность / рефлексивность’: на полюсе импульсивности выделяют быстрые/неточные и быстрые/точные импульсивные лица, на полюсе рефлексивности – медленные/неточные и медленные/точные рефлексивные лица. В КС ‘узкий/широкий диапазон эквивалентности’: на полюсе узости диапазона – детализаторы и дифференциаторы, на полюсе широты – категоризаторы и глобалисты. КС ‘узость/широта категории’: на полюсе узости категории – спецификаторы и узкие категоризаторы, на полюсе широты категории – нейтрализаторы и широкие категоризаторы. КС ‘ригидный/гибкий познавательный контроль’: полюс ригидного контроля – ригидные и интегрированные лица, полюс гибкого контроля – гибкие и неинтегрированные лица. В целом феномен расщепления полюсов нивелирует эффект мобильности КС (при котором использование разных методик, диагностирующих один и тот же стиль, может привести к тому, что респондент перемещается из одного полюса в другой) и эффект крайних значений КС (отражающий предел выраженности стилевого свойства, при котором рост степени выраженности КС не сопровождается ростом выраженности психологических показателей).

Целесообразно добавить несколько слов о современном состоянии стилевых исследований. Феноменология когнитивно-стилевого подхода активно расширяется за счет выявления и описания новых форм КС, к которым стали относить такие психологические характеристики, как:

‘физиогномичность/буквальность’ – отражает особенности восприятия объектов: эмоционально-экспрессивное или фактическое, учитывающее его семантическое значение;

‘вербализация/визуализация’ – характеризует предпочтение вербальных или образных стратегий в процессе переработки информации;

‘внешний/внутренний локус контроля’ – тенденция опираться на внешние или внутренние факторы при объяснении причин происходящего;

‘холистичность/сериалистичность’ – предпочтения в учебной деятельности общим предположениям с большим количеством данных или изучение материала с ориентацией на отдельные аспекты задачи;

‘конвергентность/дивергентность’ – аналитический, логический или синтетический, ассоциативный способы мышления при решении проблем;

‘адаптивность/инновативность’ – предпочтение уже сложившихся или изобретение новых способов решения задач;

‘ассимилятивный/исследовательский стиль’ – способы решения проблем в границах ранее усвоенного опыта или поиск новых решений;

‘быстрое/медленное течение психического времени’ – индивидуальные различия субъективной оценки течения физического времени: мотивация достижения или мотивация избегания;

‘дискурсивность/интуитивность’ – интерпретация ситуации с опорой на рассуждения или спонтанные чувства;

‘интегральность/дифференциальность’ – целостное или фрагментарное восприятие окружающей действительности [8].

В современной науке сформировалось два подхода к исследованию КС: 1) психологический и 2) лингвистический. Работы в рамках психологического подхода выявляют зависимость психологических характеристик (таких как стратегии решения творческих задач,

особенности самоопределения и идентичности, процессы принятия решений) от КС. Так, выявлено, что высказывания когнитивно сложных личностей отражают личный полюс идентичности, а когнитивно простых – социальный полюс идентичности [6]; носители КС ‘полнезависимость’ характеризуются высокой мотивацией достижения а носители КС ‘полнезависимость’ – мотивацией избегания [4]; носители КС ‘импульсивность’ характеризуются высокой готовностью к риску и интуитивностью, а носители КС ‘рефлексивность’ – слабой готовностью к риску и рациональностью, основанной на суждении [3]. Работы в рамках лингвистического подхода исследуют особенности аргументативного дискурса в зависимости от КС. Так, выявлено, что в дискурсе когнитивно сложных личностей преобладают распространенные предложения, активные конструкции, единицы с узкой сферой референции, а в дискурсе когнитивно простых – нераспространенные предложения, пассивные конструкции и единицы с широкой сферой референции [1]; носители КС ‘абстрактная концептуализация’ характеризуются способностью интерпретации ситуации множеством альтернативных способов, в отличие от носителей КС ‘конкретная концептуализация’ [2]; полнезависимые личности используют в дискурсе предикаты рациональности, глагольные формы со значением динамичности, распространенные предложения с причастными и деепричастными оборотами, а полнезависимые – предикаты визуальности, статичные предикаты и нераспространенные предложения [5].

Подводя итог, следует отметить, что исследование КС является одним из перспективных направлений современной науки. Однако существует ряд проблем в данной области исследования. Одна из них – фрагментарность: представленные результаты более поздних изысканий являются изолированными, т. е. не учитывают достижений, выявленных в более ранних работах. Другая проблема – неравномерность исследования КС: сравнительно большое количество работ представляет результаты исследования КС ‘полнезависимость / полнезависимость’ и относительно малое количество работ посвящено изучению других КС. Перспектива дальнейших исследований КС представляется в междисциплинарной направленности, в частности, в направлении когнитивной лингвистики.

Список литературы:

1. Беседина Е. В. Аргументативный дискурс когнитивно сложных и когнитивно простых личностей: дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2011. 153 с.
2. Зайцева В. Ю. Аргументативный дискурс носителей когнитивного стиля ‘конкретная / абстрактная концептуализация’: дис. ... канд. филол. наук. Калуга: Калужский гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2012. 181 с.
3. Семичева Н. В. Когнитивно-стилевая детерминация принятия решений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Курский гос. мед. ун-т, 2010. 25 с.
4. Семяшкин А. А. Соотношение когнитивных стилей и индивидуально-психологических особенностей личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2010. 24 с.
5. Степанова И. А. Особенности аргументативного дискурса носителей когнитивного стиля ‘полнезависимость / полнезависимость’: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2022. 177 с.
6. Федорова Е. В. Взаимосвязь идентичности и когнитивной сложности личности: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004. 239 с.

7. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
8. Шкуратова И. П. Когнитивный стиль и общение. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1994. 156 с.
9. Kelly G. A. The psychology of personal constructs (Vols. 1 and 2) New York: Norton. 1955.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 809.362 + 362.2.32

**К. Ф. Адиширинов
ДРАМАТУРГИЯ И САТИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА
ЛЮТФАЛИ ГАСАНОВА**

В статье исследуется драматическое и сатирическое прозаическое творчество Лютфали Гасанова, жившего и творившего в 40-70-е годы XX века в литературной среде Шеки и долгие годы возглавлявшего литературный кружок (меджлис) «Сабухи». Идейная актуальность пьес драматурга «Человек без опоры», «На братской земле», «Смерть за смерть», «Главврач», «Гюнешь», рассказов «Беспокойной человек», «Заместитель директора», «Просьба», «Сыновняя любовь», «Зарринтадж» и других, а также патриотизм, человеколюбие, гуманизм, душевная чистота, честность, правдивость, ненависть к войне, которые писатель хотел довести до читателя, привлекают в ходе процесса анализа исследователя. В пьесе «Человек без опоры» оживляются недостатки в хозяйственной системе колхоза, самодовольство председателей колхоза, презрительное отношение к труду колхозников во времена, когда господствовали советские законы. Автор в своем произведении называет председателя колхоза безопорным человеком, так как он лишён основной душевной опоры, такой как народная любовь. Идея, поставленная драматургом в пьесе «Главврач», очень важна: врачи должны быть верны клятве Гиппократова, иметь душевную чистоту и чистую совесть, служить здоровью общества. Писатель обобщил эти качества на лице главврача Мурадова. Пьеса «На земле брата» посвящена дружбе между азербайджанским и русским народами, совместной борьбе против фашизма. В пьесе «Гюнешь» писатель ещё более углубил идею дружбы и патриотизма народов в борьбе против фашизма. Могущественный представитель азербайджанской и мировой поэзии, близкий друг писателя Бахтияр Вагабзаде высоко оценил произведение с точки зрения художественных особенностей, идейной и композиционной целостности.

Недостатки в обществе в открытой форме критикуются в рассказах «Беспокойный человек», «Заместитель директора», «Просьба». В рассказе «Сыновняя любовь» изображается роль детей в формировании здоровой семьи на фоне отцовской любви к своему дитя.

Ключевые слова: драматург; проза; литературная среда; драматическое произведение; пьеса; тип; рассказ; писатель; сатирическая проза; сюжет.

**Kamil Fikrat Adishirinov
DRAMA AND SATIRIC PROSE OF LUTFALI HASANOV**

In the article, there are being investigated drama and prose of Hasanov who wrote and created works in Sheki literary atmosphere in 40-70th years of XX century and led the literary council of «Sabuhi» for a long time. The human ideas like the topicality of thoughts, patriotism, humanism, spiritual purity, honesty, uprightness, hate to war in the plays of playwright such as «Unsupported man», «In the land of brother», «Death to death», «Chief physician», «The sun» and in the stories such as «Troubled man», «Deputy manager», «The request», «Love for the son», «Zerrintac» and etc. Are remarkable issues that the researcher wants to convey to the readers in the process of analyze. In the play of «Unsupported man» there had been revived the shortcomings in the

collective farm system, the arbitrariness of kolkhoz chairmen, and their abusive attitude to labor of collective farmers at the time of soviet laws dominated. In the work the author called the chairman of kolkhoz an unsupported because he was deprived of main spiritual support – people's love. The idea of «Chief physician» has a human character. The loyalty to Hippocratic Oath of doctors serving the health of society, their spiritual purity and honesty are moral qualities for doctors in all over the world. The writer generalized these qualities in the image of chief physician Muradov. The play of «In the land of brother» had been dedicated to the friendship between Azerbaijan and Russian people, joint fight in the war against fascism. The writer even more deepened the friendship and patriotism ideas of people in the fight against fascism in the play of «The sun». The powerful representative of Azerbaijan and world poetry, the close friend of writer Bakhtiyar Vahabzadeh highly appreciated the work in terms of artistic features, idea and compositional completeness.

Deficiencies of society were openly criticized in the stories like «The request», «Troubled man», «Deputy manager» which include to the prose of writer. In the story of «Love for the son», there had been elucidated the role of child for the formation of sustainable family in the background of father's love for his son.

Keywords: playwright; prose; literary atmosphere; play; drama; type; story; writer; satirical prose; plot.

Введение

Известно, что уровень развития национальной литературы зависит от изучения литературы региона. С этой точки зрения центр древней культуры город Шеки сыграл огромную роль в области развития поэзии, прозы и драматургии азербайджанской литературы XX века. В статье были исследованы проза и драматургическое наследство Лютфали Гасанова, который был одним из ярких представителей Шекинской литературной среды XX века. Долгие годы он руководил литературным меджлисом «Сабухи» в редакции газеты «Шекинский рабочий». Сегодня быть носителем мультикультурных ценностей означает стать фундаментом политики каждой страны, независимости от границ, потому что человечество может жить в мирных условиях тогда, когда между народами существуют дружеские отношения, отсутствует религиозная и национальная неприязнь. Несмотря на то, что герои произведений Гасанова – русские, немцы, азербайджанцы и грузины – представляют разные народы, они друзья и братья. В произведениях драматурга эта линия привлекает внимание.

Постановка задач

Лютфали Гасанов – самый плодовитый мастер в области драматического творчества литературной среды Шеки XX века. Его драматический фонд богат. Сюда входят такие законченные по сюжету и содержанию произведения, как «Мечь», «Человек без опоры», «Главврач, или Вернётся ли он?», «Гюнешь», «Смерть за смерть, или На земле брата», «Человек в чёрной оправе», «За океаном».

В пьесе «Мечь» события протекают в одном из фашистских лагерей. В произведении драматург в лице двух женщин: Хураман и Елены – обобщил трагедию более 200 пленных женщин. В пьесе Хураман изображается как бесстрашная девушка. Она вместе со своей подругой Еленой сблизилась с немецкими офицерами Краузе и Шульцом, подавила в них страсть и отравила их ядом, который спрятала в ухе. Произведение производит глубокое чувство патриотизма, и драматург смог в полной мере донести до читателя события в обстановке гестапо [9].

Тема пьесы «Человек без опоры» взята из жизни колхоза и деревенского быта. Произведения написано на основе реалистических наблюдений. Главный отрицательный герой произведения – председатель колхоза Муршудов. Его жизненный идеал – самовольность и самодовольство. Муршудов как остаток старого мира не любит новшеств, не прислушивается к предложениям молодого агронома колхоза, специалиста с высшим образованием, не действует во имя развития колхоза и благосостояния колхозников. Из-за невнимательности Муршудова колхозники нарушают трудовую дисциплину. Дочь председателя Малахат не может терпеть самовольности отца. Обращаясь к помощнику отца Бахтияру по поводу этих задач, она говорит: «Бойтесь! Это не уважение к председателю, а культ и подхалимство» [2]. Эти слова легко раскрывают истинное лицо Муршудова. В произведении Муршудов изображается в то же время как трусливый человек. Он обвиняет молодого Бахтияра в том, что тот хочет занять его место, и от этого ему не спится по ночам. Автор даёт его в разных психологических состояниях, особенно во время встреч с другими героями. Как он говорит, перед колхозниками он похож на «тигра», а перед новым партийным руководителем производственного управления превращается в покорного раба. На приёме у Халилова Муршудов клеветает в адрес молодого агронома Бахтияра, стараясь лишить его расположения Халилова.

Судя по совести, Муршудов, будучи председателем колхоза, не разорял колхозное имущество. По его словам, «у него нет ничего, кроме отцовского дома» [2]. Но у него нет опоры. Он потерял настоящую опору – опору народа. В конце пьесы читатель знакомится с его замаскированным обликом. Во время болезни к нему на помощь приходит сельская больница, строительству которой он когда-то противостоял. Наконец-то он понял, что уже прошло время работы старыми методами. Поэтому он хочет уйти с работы сам, это лучше, чем его уволят. В конце произведения дочь Муршудова Малахат – агроном с новыми мыслями – была избрана председателем колхоза. В конце произведения вызывает большой интерес слова Муршудова, направленные автору: «Вы писатель, вы должны сочинять. Уходи, дитя, уходи! Оставь меня в покое. Пройдут года, вернёшься и увидишь, в каком состоянии колхоз, созданный мною» [2]. Интересное обобщение. Произведение было написано в 1964 году. Откуда же знал Лютвали Гасанов, что настанет время, когда изображённая им колхозная система с гнилым фундаментом развалится и останется только на страницах истории?

В произведении в ряду положительных образов особое место занимают секретарь первой партийной организации Салим, молодые агрономы Бахтияр и Малахат. Салим дан в произведении в эпизодическом плане. Он всегда встречается с несправедливыми упрёками Муршудова. Ни в каких делах Муршудов с ним не считается. Положительная герой произведения Бахтияр стоял на перепутье, потому что любил дочь Муршудова Малахат ханум. Он не в силах говорить об ошибках Муршудова ему в лицо, не хочет завоевать его ненависть.

Старуха Масма, претворяя в жизнь свои дурные поступки, опирается на Муршудова. Её слова, обращенные к Муршудову: «Живите тысячу лет. Если хоть один день не было бы вас, то всё переполошилось бы. Пойдём, муж, за нами стоит такая гора, как Муршудов» [2], – вызывают у читателя и зрителя чувство ненависти к ней.

Одним из ценных произведений драматического творчества Лютвали Гасанова является пьеса «Главврач» [3]. Главный положительный герой произведения – главврач Мурадов. Действия происходят в одной из больниц района. Отношением к больной с парализованными ногами по имени Манзар раскрывает внутренний мир образов. Автор посредством

центральных образов, таких как Мурадов, Тарана, Аршад, Рустам, Шакир и другие, показывает секреты врачебной профессии. С первых же страниц произведения привлекает внимание читателя полюс отрицательных и положительных образов. На положительном полюсе стоят престарелый врач, любимец всех больных Мурадов и молодой врач Тарана. Несмотря на молодость, Тарана талантлива и хорошо знает новые достижения медицинской науки. Она дочь профессора Наджафзаде, который является опорой талантливых, врагом необразованных. Тарана с большой надеждой смотрит на неизлечимое горе больной Манзар, вызывает в ней желание жить. В этом деле ее опорой и советчиком является главврач больницы Мурадов. Но мир не без завистливых и плохих людей. Богатое знание, врачебная способность беспокоили тупоумного, необразованного Шакира, которого выгнали из аспирантуры и кафедры, где он работал, и он приехал в район, покинув город, чтобы перебиваться. Он не только необразованный, но и злоречивый, недостойный и безнравственный человек. Чтобы раскрыть настоящее лицо этого типа, автор в произведении пользуется разными ситуациями. Вот что Шакир говорит о Манзар: «Я уверен, что Манзар калека на всю жизнь. Таких больных нельзя оставлять в отделении, делать укол, открывать дыры в теле, наконец, увеличивать искусственный процент смертности» [3], – вызывают у читателя неприязнь к нему не только как к врачу, но и как морально бедному человеку.

Шакира беспокоят удачи, приобретённые молодым исследователем Таран. Чувство зависти не дает ему спокойствия. Пользуясь полномочиями, он клеветает на молодого врача. Он угрожает Таран в том, что она убила молодого парня, который умер в больнице. Эти события изводят Таран. Сообщив об этом Мурадову, она хочет уйти с работы. Мурадов успокаивает её, призывает быть боевой и сдержанной.

Шакир завидует Таран не только как сотрудник, он вмешивается в её личную жизнь. Рустаму, любящему Таран, он наговаривает на Таран. А ещё Шакир не повинуется нормативам больницы. Ограничивает выдачу больным лекарственных препаратов, предназначенных для них. Узнав о том, что Таран назначает больным уколы по правилам, он выходит из себя и, пользуясь своими полномочиями, оскорбляет её. Шакира с его гадкими поступками не любят не только в коллективе, но и в семье. Он изменяет своей семье и приходит к решению расстаться с супругой Мехрибан. Так завершается первая картина произведения.

Вторая картина начинается с беседы Рустама и Таран во время их дежурства в больнице. Главврач Мурадов призывает Таран быть бдительной. В конце картины доводится до внимания зрителя омерзительный поступок Шакира. Он нагло объясняется в любви к Таран.

Вторая часть произведения начинается с диалога Мурадова и Шакира. За свои поступки Шакир был представлен товарищескому суду. В нём уже проснулась совесть.

Драматург создал в произведении такие образы, как Рустам и Кейбала, которые честную, светлую, чистую любовь ставят превыше всего. Кейбала любит Манзар. Его любовь чиста. Читатель видит это в его словах, сказанных о Манзар: «Манзар – звезда, выпавшая на мою долю. Я принимаю её, если даже она слепая или даже плешивая» [3]. Вторая часть произведения завершается оптимистической концовкой: Манзар стала ходить.

В третьей части драматург представляет читателям Шакира уже очищенным человеком. В лаборатории больницы происходит сильный пожар. Шакир спасает ценное оборудование лаборатории. В итоге он сильно обгорает. Драматург изображает его в больнице. Супруга, которая была в доме у своего отца, уже рядом с ним. Читатель видит, что события в пьесе идут, постепенно показывая сдержанность и мудрость Мурадова. Но, к сожалению, этот положительный идеал уходит их жизни. Он умирает. Этот драматургический ход не

случаен. Все мечты у Мурадова уже сбылись. Шакир, который в начале произведения запомнился своими отрицательными качествами, совершенно изменяется и возвышается до духовно зрелого человека. Очень интересно, что смерть Мурадова изображается в объятиях Шакира.

Несмотря на то, что это произведение не было опубликовано, в 1966 г. оно было поставлено на сцене в Кировабаде (нынешний Гянджа) и в настоящее время есть потребность в его инсценировке. Произведение по своему языку и построению производит законченное впечатление. Автор умело использовал в произведении пословицы и поговорки, а также стихотворные отрывки в диалогах.

В драматическом творчестве Лютфали Гасанова важное место занимает пьеса «Вернётся ли?», имеющая 4 действия и 11 картин и посвященная жизни и деятельности врачей. Эта пьеса производит впечатление первого варианта пьесы «Главврач», потому что персонажи произведения – люди одинаковой должности и одинакового имени. В произведении привлекает внимание новые образы Парвин и Джамал.

Произведение драматурга «Смерть за смерть», написанное на тему Великой Отечественной войны, можно считать самым удачливым произведением. Сначала произведение было написано под названием «На братской земле», а затем автор изменил его название. Пьеса была опубликована в 6-ом номере журнала «Азербайджан» – органе Союза Писателей Азербайджана [8, с. 110–156].

Пьеса «На братской земле» посвящена дружбе между азербайджанским и русским народами, их совместной борьбе в войне с фашизмом. Наряду с героями – азербайджанцами, такими как Поладов, здесь представлены образы представителей других национальностей: Негов Александр Сергеевич, Волков Адольф Вилфович, Степан Рудник, Гортруда, Карл, Хаусман, Зуммер, Оксана, Кнеллер, Фангельски.

В ряду драматических произведений Лютфали Гасанова самым интересным является его пьеса «Гюнешь» [10]. Это произведение принесло автору большую удачу, с успехом была поставлена на сцене Кировобадского (нынешний Гянджа) государственного драматического театра. В связи с удачей и актёрским составом спектакля поэт Бахтияр Вагабзаде писал: «Гюнешь – главная героиня произведения. Эту ответственную роль играет народная артистка Азербайджана Рамзия Вейсалова. Гюнешь – Р. Вейсалова – образ героической девушки. Её сердце, душа – большая непоколебимая любовь к родине, народу. Р. Вейсалова глубоко поняла, смогла усвоить суть исполненной ею роли.

В произведении «Гюнешь» второй запоминавшийся образ – это образ Азер. Эту интересную роль играет талантливый артист Керим Султанов. Азер – Керим Султанов – Краусти – начальника правления гестапо. Здесь он именуется не Азер, а Шнейдер. Умелый артист в совершенстве сыграл эту роль, а ещё он с большим мастерством оживлял мощь советского разведчика, за что зрители многократно аплодировали Азеру – К. Султанову. Образ Салманова в спектакле, исполненный М. Джафаровым, тоже интересный образ. Народный артист республики М. Бурджалиев в драме «Гюнешь» играет начальника управления гестапо Каусти. Но, надо сказать, что этот образ он ради смеха довёл до такой легкомысленности, что вызывает недовольство у зрителя. Хорошо выступают народный артист республики А. Юсифзаде в роли Рубанова, заслуженный артист С. Мустафаева в роли Бановша, артист С. Мустафаева в роли Тарлан.

Режиссёр спектакля, заслуженный деятель культуры Гусейн Султанов хорошо понял идею произведения, подошёл к молодому автору с заботой, длительное время работал с ним, и в итоге возник интересный спектакль.

Музыка композитора Ш. Ахундовой, написанная на спектакль, подходит настроению произведения [1].

В драматический фонд писателя входят произведения «Человек в чёрных очках», «За океаном», которые требуют широкого исследования. За исключением «На братской земле» (отметили, что это произведение было опубликовано в журнале «Азербайджан» от 6 июня 1956 года) другие произведения хранятся в рукописной форме дома у писателя, и мы верим, что в будущем эти произведения найдут своё место в ряду успешных произведений азербайджанской драматургии.

В XX веке в целом, как и в азербайджанской литературе, в произведениях писателей широко распространён жанр рассказа. Эта маленькая форма художественной прозы занимала широкое место в творчестве Лютфали Гасанова, как и других молодых литераторов Шекинской литературной среды. Глаза писателя видели все стороны общества, различали её недостатки. Большую роль в развитии прозы автора сыграла газета «Шекинский рабочий» и её бесстрашный и правдивый журналист Махьяддин Аббасов. Рассказы писателя, отражающие типовых слоёв общества с отрицательной и положительной точки зрения, больше всего доводились до зрителя со страниц газеты «Шекинский рабочий». Его рассказы с тематической и содержательной стороны можно разделить на две части: 1) Рассказы сатирического содержания; 2) Бытовые рассказы. «Беспокойный человек», «Задача создать семью», «В учреждении и дома» («На работе и дома»), «Понял ошибку», «Вопрос», «Желание», «Новый директор», «Цены и лица», «Боль в глазах», «Усердие», «Просьба», «Заместитель директора», «Кто убил его» и другие рассказы писателя сатирического содержания.

В рассказе «Беспокойный человек» писатель в образе начальника Алемдарова создал самодовольного, упрямого чиновника. Этот тип, равнодушно относящийся к благосостоянию трудящихся, руководит Жилищно-эксплуатационным управлением. Алемдаров равнодушно принимает людей, приходивших к нему, месяцами продливает их важные задачи, которые должны разрешиться. В рассказе автор короткой сюжетной линией представляет читателю льстивое лицо Алемдарова. Не зная личность приходившего к нему на приём человека, Алемдаров не принимает его, а когда узнаёт, что этот «беспокойный человек» министр, то «превратился в зайца с опущенными ушами. Приходивший был министр. Алемдаров превратился перед ним в покорного слугу» [4]. Писатель показал произвол и подхалимство директоров управлений, характерные для его времени.

В рассказе писателя «Замдиректор» благодаря образу Баламмедова автор реалистически доводит до современного человека свое видение разжиревших торговщиков в 50-60-е годы XX века. Автор выпукло обрисовывает образ Баламмедова как заместителя, отличающегося от других «искренностью», «добротой», «верностью» и «заботливостью»: Баламмедов за счет этих качеств продвигается вперёд. Руководство Районного Исполнительного Комитета предлагает поставить его директором торгового предприятия. Мягкое кресло, обслуживающая его «Победа», желание жены затуманили ум. Он, перешагнув через свои полномочия, уволил с работы нового назначенного заместителя за честность. Это увольнение с работы усугубило трагедию Баламмедова. Ревизионная комиссия, приходившая в управление, увольняет его с работы: «Роскошный кабинет, очень любимая женой машина, ключи – все это вышло из рук Баламмедова» [5].

Важное место в сатирической прозе писателя занимает рассказ «Просьба» [6]. В нем мишенью критики является начальник управления Голайзаде. Автор, создавая портрет этого типа разноцветными красками, пишет: «Когда Сефтералы, приоткрыв дверь кабинета с мягкой кожей, высунулся внутрь, то увидел круглолицего, с толстым затылком, с этажным подбородком Голайзаде, который сидел так вытянуто, что смотрившие издали уподобили бы его аисту, у которого в горле осталась кость» [6]. Это изображение достаточно, чтобы читатель смог определить личность Голайзаде. Такие жалкие люди, как Сефтералы, создают условия, чтобы он эксплуатировал, проводил сытую жизнь. Диалог между Голайзаде и Сефтералы Лютфели Гасанов даёт с писательским дарованием. В одной стороны – самодовольный, власть имущий повелитель, а с другой – трусливый, беспомощный человек, подхалим, который умоляя зовёт Голайзаде домой к себе в гости, накрывает ему роскошный стол с яствами, которые не ели ни он сам, ни его дети. Сатира Лютфали Гасанова неисчерпаема. В лучах его сатиры по-своему отражены все слои общества, в котором он живёт.

Большинство же в прозаическом творчестве писателя составляют рассказы, отражающие жизнь самоотверженных людей, быт трудящихся. Идею о возвышении человека своим трудом, что только труд является славой и честью, автор оживил в образах Сардар киши и его сына Мухтара в рассказе «Отец и сын». Мухтар – сын Сардар киши. За высокие заслуги тракториста ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В рассказе «Зарринтадж» автор изобразил тяжёлую жизнь трудящихся Южного Азербайджана на фоне жалостной жизни девушки под именем Зарринтадж.

В рассказе «Сыновняя любовь» Лютвели Гасанов в образе экономиста Надира показал судьбу людей, которые встречаются с опасностью потери семейного счастья под воздействием посторонних. Надир женился и создал семейную жизнь с девушкой под именем Саадат на основе взаимной любви. Он живёт счастливо. Родился сын под именем Рашад. Но с уездом Надира в Кировабад за работой положение изменяется. На предприятии, где он работает, он знакомится с экономисткой Санубар. Существование семьи оказывается под угрозой. Надир стоит на перепутье. Он должен или бросить семью, или же работу и вернуться в Шеки, в свою семью. Сыновняя любовь превосходит всё. Надир меняет место работы и возвращается к семье [7].

В рассказах «Долг», «Настоящий друг», «Его судьба», «Гудрет заболел», «Две боли», «Спаситель», «Разбитое сердце», «Пылкая любовь», «Ах, это ночь», «Убежали», «Впечатление», «Не получилось», «Было замечательно», «Фальшивая любовь», «Чем закончилось?», «Автобиография», «Обручальное кольцо возвратилось» и в других десятках таких рассказах были изображены разные стороны общества.

Заключение

В итоге надо отметить, что произведения писателя, входящие в драматический и прозаический фонд, отображающие различные стороны жизни, обладают большой художественной ценностью. Одна часть рассказов и пьеса писателя были опубликованы на страницах газеты «Нухинский рабочий», а большая часть драматических произведений в рукописной форме хранятся в личном архиве – дома у писателя, и мы верим, что в будущем эти произведения найдут своё место в ряду успешных произведений азербайджанской драматургии и прозы.

Список литературы:

1. Вагабзаде Б. Рассуждение о пьесе «Гюнешь» // Газета «Нухинский рабочий», Нуха, 1973, 20 января.
2. Гасанов Л. А. Человек без опоры: пьеса // Личный архив (рукопись).
3. Гасанов Л. А. Главврач: пьеса // Газета «Нухинский рабочий», Нуха, 1966, 16–18–20 января.
4. Гасанов Л. А. Беспокойный человек: рассказ // Газета «Шекинский рабочий», Шеки, 1973, 24 ноября.
5. Гасанов Л. А. Заместитель директора: рассказ // Газета «Нухинский рабочий», Нуха, 1959, 18–21 января.
6. Гасанов Л. А. Просьба: рассказ // Газета «Шекинский рабочий», Шеки, 1971, 27 февраля.
7. Гасанов Л. А. Сыновняя любовь: рассказ // Газета «Шекинский рабочий», Шеки, 1972, 19 марта.
8. Гасанов Л. А. На братской земле // «Азербайджан», 1956, № 6. С.110–156.
9. Гасанов Л. А. Месть: пьеса // Личный архив (рукопись).
10. Гасанов Л. А. Гюнешь: пьеса // Газета «Нухинский рабочий», Нуха, 1970, 20–22–24–26 декабря.

Национальная академия наук Азербайджана, Шекинский региональный научный центр, Шеки, Азербайджан

УДК 82.091

С. В. Жилияков
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА

В статье на примере русской и зарубежной прозы XIX века (рассказ «Падение дома Ашеро́в» Э. По, романы «Захудалый род» Н. С. Лескова и «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина) рассматривается разнообразие представлений о генеалогической (родословной) памяти. Оно определяется в первую очередь общепринятой регрессивной (традиционной) концепцией, для которой характерна репрезентация постоянного умаления человеческого рода, а значит, и деградации его генеалогической памяти («Падение дома Ашеро́в» и «Господа Головлевы»). Вместе с тем анализ текстов показывает, что уже в романе Н. С. Лескова «Захудалый род» демонстрируется не вписывающаяся в указанную традиционную парадигму циклическая концепция генеалогической памяти, соотносящаяся с принципом перманентной экзистенции, первоначальное представление о которой встречается в христианской гомилетике, а также в ветхозаветной «Книге Екклесиаста». Обращение к иудео-христианскому источнику, формирующему «неклассическое» (антирационалистическое) представление о генеалогии человека и соответствующей ему памяти, может свидетельствовать о переходной природе творчества писателя, реконструирующего и тем самым деконсервирующего средневековое мироощущение, которое выступает в качестве теоретической предпосылки подготовки модернизма.

Ключевые слова: генеалогическая память; роман; экзистенция; рассказ; репрезентация родовой памяти.

S. V. Zhilyakov
REPRESENTATION OF GENEALOGICAL MEMORY
IN THE FICTION OF THE XIX CENTURY

In the article, using the example of Russian and foreign prose of the 19th century (the story «The Fall of the House of Usher» by E. Poe, the novels «The Shabby Family» by N. Leskov and «The Golovlevs» by M. E. Saltykov-Shchedrin), the diversity of ideas about the genealogical (pedigree) memory is considered. It is determined primarily by the generally accepted regressive (traditional) concept, which is characterized by the representation of the constant belittling of the human race, and hence the degradation of its genealogical memory («The Fall of the House of Usher» and «The Golovlevs»). At the same time, the analysis of the texts shows that already in the novel by N. Leskov's book «A seedy family» demonstrates the cyclical concept of genealogical memory that does not fit into the specified traditional paradigm and is consistent with the principle of permanent existence, the initial idea of which is found in Christian homiletics, as well as in the Old Testament «Book of Ecclesiastes». An appeal to the Judeo-Christian source, which forms a «non-classical» (anti-rationalist) idea of the genealogy of a person and the corresponding memory, may indicate the transitional nature of the writer's work, reconstructing and thereby deconserving the medieval worldview, which acts as a theoretical prerequisite for the preparation of modernism.

Keywords: the genealogical memory; the novel; existence; the story; representation of ancestral memory.

Известно, что литература как часть культуры обладает способностью накапливать и сохранять, а затем и передавать свои артефакты, которая называется памятью. Генетическая память литературы [1] – это одновременно и универсальный инструмент ее самосохранения (перманентная апелляция к традиционным образам, приемам, сюжетам, жанрам¹) и т.д.). В то же время в фокусе внешней интенции генетическая память литературы есть феноменальный способ ее существования посредством «выставления» вне себя (в пространство культуры) своего образа (эйдоса), называемого проекцией, которая осуществляется переносом архитектоники смысла на материальную основу, придающего ей, литературе, видимые онтологические черты. Фактически речь идет во втором случае о продуцировании словесного здания литературы. Одним из самых плодотворных жанров, которому была доверена эта функция, является стихотворный «памятник», традиция которого, общеизвестно, восходит к Древнему Египту – знаменитому «Прославлению писцов»² и Горациевой оде III, 30 «Eхegi monumentum...» («Создал памятник я...»). Производной от генетической является генеалогическая (родословная) память, она соотнобразуется с направлением родословной динамики и функционирует в зависимости от вектора его развития.

Концепция генеалогической памяти в своем историческом развитии обретает два прямо противоположных вектора – прогрессивный, связанный с увеличением объемного «вещества» памяти, последующим улучшением человечества и регрессивный или регрессивный (традиционный), обусловленный уменьшением с течением времени мнемонической энергией, так сказать, ее рассеиванием и утратой. Оба направления генеалогической памяти представлены в Библии. Прогрессивная генеалогическая память репрезентируется так: «И сказал Господь Авраму, после того как Лот отделился от него... и сделаю потомство твое, как песок земной; если кто может сосчитать песок земной, то и потомство твое сочтено будет...» (Быт 13:14-16). Или: «Сделаю имя Твое памятным в род и род; посему народы будут славить Тебя во веки и веки» (Пс 44:18), – говорит Господь. В «Теогонии» Гесиода (VIII – VII вв. до н.э.) мысль о деградации человеческой истории, а значит и генеалогической памяти подробно развертывается в первую европейскую концепцию философии истории. Согласно ей, человечество обречено на постоянное ухудшение своего существования, проходящего четыре стадии потери благосостояния от «золотого» до «железного» века.

Таким образом, генеалогическая память измеряется в первую очередь такими показателями, как количество ее носителей в будущем относительно определенного рода, пространственной широтой ее распространения и величиной незабвенного ресурса прошлого, сохраненного для грядущего.

Разумеется, что не только поэзия, но и проза уделяет большое внимание общечеловеческой теме генеалогической памяти в разных проявлениях и интенциях. Активно проникая в литературу XVIII века и способствуя разрушению, а потому и обновлению, устоявшейся классицистической системы жанров, роман как «нежанровый жанр» (М. М. Бахтин) вынужден строить свою историю развития. Для этого ему, как и другим формам художественной литературы, чтобы обрести свое подлинное существование, приходится обращаться к памяти. В результате уже в XIX веке получает широкое представительство семейный роман, романский цикл и проч. объемные разновидности жанра. Не отстает от романа и другой

¹ В отношении к жанру рефлексивная способность воспроизведения его основных атрибутивных свойств, по М. М. Бахтину, называется «памятью жанра».

² «Имена их [писцов – С. Жилияков] исчезли вместе с ними, / Но писания заставляют / Вспомнить их...» [8, с. 104].

неканонический жанр – рассказ, который начиная с эпохи романтизма соперничает с ведущими жанрами поэзии и прозы на протяжении всего XIX и XX веков. Рассказ в какой-то мере выступает в роли спутника романа. Во-первых, непритязательность романа в отношении способа отражения и представления жизненно-тематического разнообразия, отпечатывающаяся на хаотичности структуры и нарратива, компенсируется сбалансированной структурой рассказа, которая «зиждется на взаимодополнительности оформляющей способности «чужого» и «своего» высказываний в деле ценностного «оплотнения» изображаемой действительности вокруг героя» [4, с. 11]. Во-вторых, рассказ своей художественно-коммуникативной двойственностью («анекдотическое» истолкование и «притчевое» восприятие) [10, с. 408] вскрывает типичную роль случая в человеческой жизни, истории, тем самым являясь показателем (маркером) социально-культурных тенденций и идеологических устремлений.

Культивирование романа и рассказа совпадает по времени с повышенным интересом к философии истории, к генеалогической памяти, которая, как уже было сказано, по-разному концептуализируется и воспринимается. В частности, было написано несколько художественных произведений, в основе своей содержащих идею умаления человеческого рода с течением времени, отражающую общее пессимистическое настроение социума, оказывающееся во второй половине XIX столетия на пороге нигилизма и эпистемологического тупика. Первое – рассказ американского писателя Э. А. По «Падение дома Ашеров» (1839). «Экзистенциалитика» смерти рода открывается на первых страницах текста галереей inferнально-хтонических образов, словно подготавливая весь последующий ужас: «Весь этот нескончаемый пасмурный день, в глухой осенней тишине, под низко нависшим хмурым небом, я одиноко ехал верхом по безотрадным, неприветливым местам – и наконец, когда уже смеркалось, передо мною предстал сумрачный дом Ашеров. Едва я его увидел, мною, не знаю почему, овладело нестерпимое уныние. Нестерпимое оттого, что его не смягчала хотя бы маленькая толика почти приятной поэтической грусти, какую пробуждают в душе даже самые суровые картины природы, все равно, скорбной или грозной. Открывшееся мне зрелище – и самый дом, и усадьба, и однообразные окрестности – ничем не радовало глаз; угрюмые стены... безучастно и холодно глядящие окна... кое-где разросшийся камыш... белые мертвые стволы иссохших деревьев... от всего этого становилось невыразимо тяжело на душе...» [7, с. 71].

Описание рассказчиком окрестностей и экстерьера дома Ашеров претворено нескончаемым потоком «элегизмов» – узнаваемых жанровых атрибутов элегии, среди которых уныние, смерть, тоска, печаль, холод, одиночество и т.д. Отрицательная вегетативная семантика, окружающая дом, предопределяется духовно-нравственным и физическим декаденсом рода Ашеров, движением его «бытия-к-смерти» (М. Хайдеггер), с которым резонирует оскудение родовой памяти – результирующий итог тотальной омертвелости («Мне почудилось, что самый воздух здесь полон скорби»), инфицированной предопределением: «...как ни стар род Ашеров, древо это ни разу не дало жизнеспособной ветви; иными словами, род продолжался только по прямой линии, и, если не считать пустячных кратковременных отклонений, так было всегда...» [7, с. 73].

Естественно, что смертность оказывается распространенной на портрет одного из оставшегося в живых представителя рода Ашеров – Родерика: «Больше всего изумили даже ужаснули меня ставшая поистине мертвенной бледность...» [7, с. 75]. Проклятие рода, инициируемое страхом, который в свою очередь продуцирован воздействием ветхой энергетики

дома на него, превратило жильца в «живой труп». Атмосфера старинного дома, постоянно подпитываемая страхом его последних жильцов – Родерика и сестру, артикулирована в жанровой вставке часто напеваемой хозяином баллады, сюжетно ускоряющей приход к ним смертного часа, что само по себе симптоматично – ведь перформатив жанра обусловлен тревогой, исходящей от враждебности внешнего мира [13, с. 118–123]. И действительно, роковыми, предвосхищающими ожидание смерти, а заодно и разрушение всей линии родовой памяти оказываются такие слова баллады: «Но духи зла, черны как ворон, / Вошли в чертог, – / И свержен князь (с тех пор он / Встречать зарю не мог. / А прежнее великолепье / Осталось для страны / Преданием почившей в склепе / Неповторимой старины» [7, с. 75]. Балладная тревога, словно навеянная пением, не заставляет себя долго ждать, вселяясь в душу самого рассказчика, обустроивает соответствующий жанру хронотоп: «И наконец сердце мое стиснул злой дух необъяснимой тревоги... стал прислушиваться – сам не знаю почему, разве что побуждаемый каки-то внутренним чутьем – к смутным глухим звукам, что доносились неведомо откуда... Мною овладел как будто беспричинный, но нестерпимый ужас...» [7, с. 83].

Материальная конституция дома и его атмосфера предполагают растянутый во времени крах семейной хроники, а чтение книг Родериком, связанных с погребальным церемониалом, – требник «*Vigiliae Mortuorum Secundum Chorum Ecclesiae Maguntinae*» («Бдения по усопшим согласно хору магунтинской церкви»), ассоциирующийся с реквиемом, только подготавливает заупокойный церемониал по роду Ашероу и еще в большей степени способствует ускорению его декаданса. По сути, рассказ представляет собой кладбищенскую элегию в прозе, характеризующуюся линейно-регрессивным (традиционным) представлением генеалогической памяти, согласно которому изначальная энергия человеческой экзистенции с течением времени иссякает, формы ее воплощения – как материальные, так и духовные разрушаются. Симпатично, что рассказ, содержательно отражающий жанровую «концепцию человека» вообще, в которой «внимание фиксируется на одном решающем появлении нового качества» [2, с. 73] во взаимодействии человека со средой, как раз показывает универсальный уровень деградации человеческого рода, развернутый в типическом аспекте.

В «Господах Головлевых» (1875 – 1880) М. Е. Салтыкова-Щедрина выхолащивается духовная сущность человека, унося жизненную энергию рода. Мера оскудения последней определяет остаточное состояние духовности генеалогии помещиков Головлевых, анонсирует в целом деградацию «помещичьего» сословия. Ёмкость генеалогической памяти прочно взаимосвязана с духовной составляющей генеалогической линии, которая с течением времени истрачивается, полностью нивелируется. Между этими компонентами (генеалогическая память и духовность) нарратива складывается прямо пропорциональная зависимость, возвращающая к одной из самых распространенных концептуальных представлений – деградации рода человеческого, происходящая с течением времени. Процесс «омертвления» родословной с течением времени, соотносящийся с одной из двух самых распространенных концепций темпоральной эволюции (деградации) человечества, приобретает более развернутый характер по сравнению с «Падением дома Ашероу» по причине продолжительного нарратива в рамках большого масштаба в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

Все повествование романа проникнуто смертью, которая преследует героев и внутренне – экзистенциально и с наружной стороны – смерть других напоминает о своей близкой

реальности: «Отовсюду, из всех углов этого постылого дома, казалось, выползали "умертвия". Куда ни пойдешь, в какую сторону не повернешься, везде шевелятся серые призраки» [9, с. 287]. Характерно, что смерть в отношении членов рода совершается в их отчужденном состоянии, которые к этому изначально были предопределены, словно куски тех владений, которые в качестве наследства оставляла сыновьям мать Арина Петровна. Старший сын балбес (Степан Владимирович Головлев) с самого начала стал жертвой этой брошенности материю. Несвязанный с ней духовными узами Степан постепенно превращался в существо, которое в силу занятости ведением дел по управлению поместьем, было мало замечаяемо матерью Ариной Петровной: «Она совсем потеряла из виду, что подле нее, в конторе, живет существо, связанное с ней кровными узами, существо, которое, быть может, изнывает в тоске по жизни» [9, с. 54]. Отдаление от семейных связей приводит Степана к постепенной деградации, усугубляемой пропойным образом жизни. В результате смерть его наступает в виде полного погружения в темную бездну, именно таковым экзистенциальным ощущением показывается умирание: «Казалось, он весь погрузился в безрассветную мглу, в которой нет места не только для действительности, но и для фантазии. Мозг его вырабатывал нечто, но это нечто не имело отношения ни к прошедшему, ни к настоящему, ни к будущему» [9, с. 57]. Парадоксально, но ощущение этого состояния имеет не только экзистенциальное, но и онтологическое измерение и сходно с «небытием» Парменида, которое не имеет даже хотя бы предположительного места для существования, поскольку о нем нельзя помыслить: «Есть лишь "Быть", а Ничто – не есть...»; «Ибо ничем нельзя убедить, что Не-бытное может / Быть...» [15, с. 179].

Смерть второго сына Павла помещицы Арины Петровны, наступившая в результате продолжительной болезни, описана автором как страх, длящийся в его ожидании, имеющий глубокие экзистенциальные корни: «Павел Владимирович всматривался-всматривался в угол, и ему почудилось, что там в этом углу, все вдруг задвигалось. Одиночество, беспомощность, мертвая тишина – и посреди этого тени, целый рой теней» [9, с. 84]. Страх этот сопровождается потерей материального благосостояния – имения, которое цинично выторговывает у него родной, самый младший брат, Иудушка (Порфирий Владимирович). Очевидно, деградация рода Головлевых проявляется в умирании (уменьшении количества) членов и материально-имущественном перераспределении ресурсов внутри него, которое в конце концов предопределено тоже к исчезновению. Перелицованный сказочный сюжет о трех братьях в романе достигает апогея в эпизоде смерти Иудушки, который совершил самоубийство: такая развязка предугадывалась в его имени, следуя классическому: «*Nomen est omen*» (лат. «Имя есть предзнаменование»).

Придерживаясь позиции деградации человеческой истории и ее неотъемлемой составляющей – генеалогической памяти, вызванной духовно-нравственным разложением общества, показанным на примере «помещичьего» рода, Салтыков-Щедрин, возможно, скрыто полемизирует с создателем оригинального учения Н. Ф. Федорова («Философия общего дела»), заключающегося, напротив, в идее тотального воскрешения предков с помощью благоговейного отношения к их памяти (постоянная и безусловная актуализация памяти через все элементы культуры), получившего распространение как раз во время написания романа в среде русской интеллигенции.

Н. С. Лесков, романы которого имеют всегда непосредственное соотношение с современной исторической действительностью, в заключительной части трилогии «старгородских хроник» помещает роман «Захудалый род. Семейная хроника князей Протозановых»,

впервые появившийся в номерах «Русского вестника» за 1874 год. Первый предтекстовый элемент композиции – эпитафия, взятый из первой главы «Книги Екклесиаста»: «Род проходит и род приходит, земля же вовек пребывает» (Еккл 1:4), функционирует в качестве маркера конвенции между автором и читателем, уже на «пороге» сюжета вместе с заголовком «Захудалый род. Семейная хроника» настраивает на восприятие текста, повествующего о непредвзятой истории (в первую главу первой части вставляется историческая, а во вторую – биографическая справки, вносящие стилистику документализма) генеалогической динамики. Вводя вторую уточняющую жанровую дефиницию – (Из записок княжны В. Д. П.), автор как бы предвосхищает читательскую установку на произведение как мнемонический текст, воспроизводящийся мемуарным способом, в основе которого лежит стратегия воспоминания, или «мнемонический дискурс» [6]. Несчастливый семейный финал заранее также предполагается номинацией первой части с самоназывным эпитетом «*Старая княгиня и ее двор*», а также постепенным вхождением в тему смерти: в третьей главе убивают мужа главного героя, «старой княгини», Льва Яковлевича.

В продолжении романного нарратива автор прибегает к всяческим способам привлечения внимания со стороны читателя. Так, некоторые авторские отступления и вставки в контексте всего композиционного целого служат для поддержания основного мнемонического замысла произведения, предназначенного «для памяти» потомков генеалогической линии: «Разъяснения всех этих негодований и пророчеств впереди; их место далеко в хронике событий, которые я должна записать на память измельчавшим и едва ли самих себя не позабывшим потомкам древнего и доброго рода нашего» [5, с. 404]. Кроме того, из цитированного эпизода шестнадцатой главы видно, что такая забота о поддержании родовой памяти, соотносящейся с последовательным духовно-нравственным оскудением, продиктована ее неизбежным и прогнозируемым вырождением. Казалось бы, все идет к тому, чтобы применить классическую концепцию развития процесса истории с ее пессимистическим финалом, отвечающую как раз предсказуемой повествовательной линии «устаревания» и «умирания», предназначенной «на память измельчавшим потомкам», однако автор переворачивает все с ног на голову. Вследствие чего в дальнейшем ходе сюжета прослеживается обратная зависимость между временной последовательностью изложения событий и родовым вектором развития. Данную закономерность особенно ярко раскрывает вторая (заключительная) часть романной хроники семантически нагруженной номинацией «*Старое старится – молодое растет*». Во-первых, взаимосвязь старого и нового (традиции и преемства) снимает классическую однонаправленность генеалогической эволюции, которая ранее репрезентируется названием первой части «*Старая княгиня и ее двор*». Во-вторых, в названии с точки зрения общего смысла просматривается главная идеологическая составляющая произведения – вегетативный рост молодого поколения расширяет («растет») его потенциальные возможности в будущем с помощью скрытой аллюзии на матриархат.³ Вдобавок этому на семантико-фонологическом уровне нивелируется разница между собственно

³ Большинство персонажей, как и главных действующих лиц романа, а также субъект повествования, имеет принадлежность к женскому роду. Участники нарратива романной хроники мужского рода либо выступают в качестве прямых реминисценций (о них вспоминается, когда речь заходит о генеалогической линии), сугубо относящихся к «пассивной» ретроспективе, либо в качестве второстепенных действующих лиц. «Матриархальная» установка предполагает наличие более древнего («доклассического») циклического мироотношения, присущего материнской культуре (об этом писал И. Я. Бахофен в известной работе «Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира в соответствии с ее религиозной и правовой природой», 1861).

устареванием и омоложением. Все дело в антифрасисе (фраза и ее конверсия после знака тире), который использован в самой формулировке номинативе. Он одновременно включает антифон (звучание и противозвучие), то есть применяет аллитерационно-палиндроматический принцип строения (*старое – растет*), в результате чего всей фразой как бы дан исчерпывающий ответ, формально и содержательно воспроизводящий буквально следующий метаболический⁴ смысл – «старое растет». Так, семантическое оборотничество приобретает вид циклического возврата и экстенционала, и интенционала: «старое» фактически получает импульс своего продолжения в молодом потенциале (поколении), поскольку оно «растет», получает вегетативную энергию от последнего.

В дополнение к этому знаковым событием, окончательно оформляющим альянс «старого» и «нового» и тем самым возвращающим все, как по Екклесиасту, «на круги свои», является сюжетный эпизод брака между графом Василием Александровичем Функендорфом и княжной Анастасией, который семиотически примиряет обе темпорально-онтологические сферы (редуцированные в старшем и младшем поколениях), как бы свидетельствует о равнозначности и постоянстве их в жизни, подтверждает непрерывность и единство человеческого существования. Данный циклический «перманентизм», имплицированный на сюжетно-образном, семантико-звуковом уровнях, высвечивает круговой (поступательно-реверсивный) способ восприятия времени. Ощущение этого усиливается, если сопоставить редуцированную форму «*старое старится*» с генетическим лейтмотивом екклесиастского прецедента «*суета сует*», которые словно мультиплицируются в самом эпиграфе «*Род проходит и род приходит...*», вдвойне увеличивая повторение однокоренных (родственных⁵) форм каждого словосочетания, а в совокупности – даже воспроизводят их численное равенство.

Можно предположить, что Лесков выступает здесь как «неклассический» классик – не столько в своей действительно периферийной роли в литературе, отведенной ему современниками, но сколько – как автор, реанимирующий антирационалистическую (неклассическую, точнее до-рационалистическую) модель восприятия истории человеческого рода, которая вопреки своему стремлению к постепенной деструкции, оскудению (вспомним концепция сменяемости эпох от «золотого» до «железного» века в «Теогонии» Гесиода), приобретает отнюдь нелинейное, а циклическое представление, согласно которому в вековечности онтологической круговерти все всегда по необходимости возвращается к своему обновлению / омоложению.

Аллюзивное следование екклесиастскому воззрению на перманентную цикличность бытия расширяет контекст и согласуется с целостным представлением индивидуального и коллективного опыта человека на жизнь как божественный дар, названный современным исследователем «византизмом “оправдание жизни”» [14, с. 5] – феноменом, который зародился в Средневековье и воздействовал на культурные традиции, возбуждая в них новое мироотношение. Данное явление можно считать художественным открытием, которое совершил Лесков, часто обращаясь к византийской и древнерусской культурным традициям, позволившим писателю объективно осознаваться как «неклассическим» классиком вопреки художественно-эстетическим установкам большинства его современников, с одной

⁴ Последнее слово, противоходом возвращаясь к начальному с помощью палиндроматизма, уравнивается с ним в практическом тождестве значения, перескакивая через опосредованные цепочки связей.

⁵ Еще более показательно и вместе с тем симптоматично в контексте сказанного и в целом всей проблематики статьи звучит грамматический термин ‘родственный’.

стороны, а с другой, считаться предтечей модернизма. Ведь модернизм мировоззренчески «ориентирован... на русское и западное средневековье» [11, с. 261] и выступает за его переосмысление (мнемонический реверс), акцентируя эстетическое внимание в большей степени на поиске в ушедшей эпохе новых идеалов.

Таким образом, по-модернистски новый, не вписывающийся в прежний общепризнанный в отношении к осмыслению динамики истории и генеалогической памяти подход, позволил Лескову нащупать поворот в художественных культурно-исторических циклах (направлениях, течениях), определить точку «рождения» неклассической русской литературы. Помимо высокохудожественных достоинств сочинений, личности Лескова принадлежит заслуга в открытии заново и представлении циклической концепции родовой памяти, первоисточником и мнемоническим прецедентом которой явился Библейский текст «Книги Екклесиаста, или проповедника». Циклическое представление генеалогической памяти, присущее тотальному повторению жизни, при котором в человеческом «мире нет никакого восходящего движения, есть только вечно повторяющийся круг» [12, с. 55], где только и делается из поколения в поколение, что «старое старится – молодое растет», в этическом плане находит единственное правильное решение – смирение перед ним. Это и пытается до читателя донести автор, который в своем творчестве «постоянно следовал мысли о том, что литература не может быть противопоставлена жизни, истории, у них общие цели и идеалы, литератор же является только посредником между ними» [3, с. 259].

Таким образом, роман и рассказ как прозаические жанровые формы имеют возможность с помощью нарратива вместить переложенные на художественный лад основные социокультурные изменения и выявить динамику развития концепции личности и человека в целом, способны отразить ведущие мировоззренческие тенденции, распространенные в обществе. Одним из существенных представлений в XIX веке об исторической судьбе человека является понимание прогресса или регресса генеалогической памяти, составляющей экзистенциальную сущность человеческого рода. Художественное понимание родовой памяти как маркера социокультурной динамики и происходящей на ее фоне онтологических и эпистемологических изменений вписывается и соотнобразуется с основными векторами развития философии истории – как прогресса, регресса и перманентизма. Понимание истории человеческого рода как прогресса, характерного в большей мере для Просвещения XVIII века, переосмыляется и в XIX веке фактически не воспроизводится, что нельзя сказать о двух других концепциях. Доминирующей из них становится концепция человеческой истории, представляющая постепенный и неизбежный регресс, отраженная в «Падении дома Ашеров» Э. По и «Господах Головлевых» М. Е. Салтыкова-Щедрина. В то же время согласующаяся с библейским мироощущением о жизни человека как неизменном феномене концепция перманентизма, оперирующая идеями циклической динамики истории и памяти, представлена в «Захудалом роде» Н. Лескова. Своим художественным воплощением выбивающаяся из традиционных представлений она может свидетельствовать о «неклассическом» (модернистском) подходе писателя к генеалогической памяти и в целом к истории развития человечества.

Список литературы:

1. Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012. 341 с.
2. Головки В. М. Герменевтика литературного жанра: учебное пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2015.

3. Гуминский В. Органическое взаимодействие (От «Леди Макбет...» к «Соборянам») // В мире Лескова: Сб. статей. М.: Советский писатель, 1983. С. 233–260.
4. Кудрина М. В. Жанровая структура рассказа: дис. ... автореф. канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2003.
5. Лесков Н. С. Соборяне; Захудалый род: Романы. М.: Правда, 1986.
6. Нюбина Л. М. Память, воспоминания и текст // Известия Смоленского государственного университета, 2008. № 4. С. 12–28.
7. По Э. А. Падение дома Ашероф: рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021.
8. Поэзия и проза Древнего Востока // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 1. М.: Художественная литература, 1973.
9. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в десяти томах. Том VI. М.: Правда, 1988.
10. Теория литературы: Учеб. пособие в 2 Т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. Т.1: Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
11. Теория литературы. Том IV. Литературный процесс / Под ред. Ю. Б. Борева. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001.
12. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
13. Тюпа В. И. Генеалогия лирических жанров // Жанр как инструмент прочтения: Сб. статей. Ростов н/Д: НП «Инновационные гуманитарные проекты», 2012. С. 104 – 130.
14. Хвостова К. В. Византизм «оправдание жизни» (проблемы византийской цивилизации) // Византийский временник, 1998. Т. 55. Ч. 2. С. 5–14.
15. Эллинические поэты VII – III века до н.э.: Эпос, элегия, ямбы, мелика / Отв. Ред. М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999.

Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета, Старый Оскол, РФ

УДК 82

В. А. Зубарева, Е.А. Балашова
ДОМ КАК ПРЕДМЕТ ИЗОБРАЖЕНИЯ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ В. Т. ШАЛАМОВА

Данная статья посвящена разбору поэтического творчества В. Т. Шаламова на примере сборника «Колымские тетради». Целью исследования стал образ дома, возникающий в стихотворениях поэта как в положительной, так и в отрицательной коннотации. Объектом анализа является образ дома как предмет изображения в стихотворениях писателя. При исследовании был использован сравнительно-типологический метод. Образ дома показан, с одной стороны, как реальное бытовое пространство, реализующееся в системе антитез «свой» – «чужой», «тепло» – «холод», «жизнь» – «смерть». С другой стороны, возникает и изображение «дома-мечты», наполненного мифологическими и символическими значениями.

Ключевые слова: русская поэзия XX века, В. Т. Шаламов, предмет изображения в лирике, образ дома.

V. A. Zubareva, E. A. Balashova
HOUSE AS A SUBJECT OF REPRESENTATION
IN THE POEMS OF V. T. SHALAMOV

This article is devoted to the analysis of V. T. Shalamov's poetic creativity on the example of the collection «Kolyma Notebooks». The research aim is the image of the house appearing in the poet's poems both in positive and negative connotations. The object of analysis is the image of the house as a subject of image in the writer's poems. The comparative-typological method was used in the study. The image of the house is shown, on the one hand, as a real domestic space, realised in the system of antithesis *own – alien, heat – cold, life – death*. On the other hand, there is also the image of a «dream house» filled with mythological and symbolic meanings.

Keywords: russian poetry of the twentieth century; V. T. Shalamov; subject of image in lyrics; image of the house.

В истории русской литературы вряд ли найдется судьба столь трагическая, как у Варлама Шаламова. Его поэтическое наследие, по замечанию В. Есипова, насчитывает «свыше 1200 стихотворений» [1, с. 5]. Рассмотрим один из ключевых образов, встречающихся в этих стихах, – образ дома. Прежде всего отметим стихотворения сборника «Колымские тетради», состоящего из шести разделов (тетрадей): это «Синяя тетрадь», «Сумка почтальона», «Лично и доверительно», «Златые горы», «Кипрей», «Высокие широты». Время появления этих текстов связано у Шаламова с пребыванием на каторге. Как известно, сначала поэта обвинили в контрреволюционной деятельности и приговорили к трем годам исправительно-трудовых лагерей в Вишере Пермской области. В 1937 году его вновь арестовали и сослали на Колыму.

Создание «Колымских тетрадей» было сопряжено для Варлама Шаламова с огромными трудностями «как физического и психологического, так и творческого порядка» [1, с. 10]. Многолетний отрыв от культуры, долгая жизнь в голоде, холоде, «у рассудка на краю», не могли не сказаться на характере его искусства, и прежде всего это коснулось

«поэтической ипостаси как наиболее чувствительной к чудовищной дисгармонии, в которой ему пришлось пребывать» [1, с. 10].

Каторга оставила значительный отпечаток в жизни и творчестве писателя. Особенно это видно благодаря частотному образу дома, возникающему в разных интерпретациях. Прежде всего этот дом связан с воспоминаниями детства и доарестанской жизни. Это реальный дом, наполненный предметами; бытовое пространство. Оно реализуется в системе антитез: «свой» – «чужой», «тепло» – «холод», «жизнь» – «смерть».

«Свой» – родной, дом, где были прожиты счастливые детские годы:

И вот я – дома, у калитки,
И все несчастья далеки... [2, с. 178].

«Чужой» – это тоже реальный дом, но вправду чужой, в нем приютили героя; поначалу он холодный, но он стал родным. Этот дом тоже материален, у него есть стены, окна, он может стать преградой на пути невзгод и непогоды:

Переживаем дождь
В тепле чужого дома...
Летят из всех щелей
Обрывы конопатки.
Мигает все быстрее
Зажженная лампадка... [2, с. 202].

К сожалению, в эти «дома» невозможно вернуться, они разрушены:

Я вспоминал свой старый дом,
Уже разрушенный давно,
Как было жизнью суждено.
Но много лет в моих ночах
Мне снился тлеющий очаг... [2, с. 353].

Однако вернуться в былой дом лирический герой не смог бы еще и потому, что сам изменился до неузнаваемости. Наступает осознание своей бездомности, неприкаянности; «реальный» дом вследствие этого уступает место дому-мечте, наполняется мифологическими и символическими значениями:

Мы несчастье и счастье
Различаем с трудом.
Мы бредем по ненастью,
Ищем сказочный дом,
Где бы ветры не дули,
Где бы крыша была,
Где бы жили июли
И где б не было зла... [2, с.152].

Мировоззрение поэта таково, что подобное описание скорее проявление минутной слабости: видеть сказочный дом было бы не только нереально, но и нечестно.

На основании своего колымского опыта Валам Шаламов пишет о пространстве, вынужденно называемом «домом» – это барак. Выход из него возможен в том случае, убеждает поэт, если ты мертв. Вот как во всей полноте и подлинности выглядит страшное будущего живущего в страшном «мертвом доме» Колымы:

Похороны

Под Новый год я выбрал дом,
Чтоб умереть без слез.
И дверь, оклеенную льдом,
Приотворил мороз.

И в дом ворвался белый пар
И пробежал к стене,
Улегся где-то возле нар
И лижет ноги мне.

Лохматый пудель, адский дух,
Он изменяет цвет;
Он бел, как лебединый пух,
Как новогодний дед.

В подсвечнике из кирпича,
У ночи на краю,
В углу оплывшая свеча
Качала тень мою.

И всем казалось – я живой,
Я буду есть и пить,
Я так качаю головой,
Что собираюсь жить.

Сказали утром наконец,
Промерзший хлеб деля:
Быть может, – он такой мертвец,
Что не возьмет земля!

Вбивают в камни аммонал,
Могилу рыть пора.
И содрогается запал
Бикфордова шнура.

И без одежды, без белья,
Костлявый и нагой,

Ложусь в могилу эту я,
Поскольку нет другой.

Не горсть земли, а горсть камней
Летит в мое лицо.
Больных ночей, тревожных дней
Смыкается кольцо [2, с. 173–174].

В одном из стихотворений лирический герой заглядывает в «забытый дом», где с друзьями находит «одинокий рваный том». Не случайно этот дом «забытый», а не заброшенный. Это делает образ близким к «дому стихов». И название отсылает нас к поэту XIX века. Только вместо Музы там живут «вдохновленные стихи»:

Баратынский

Робинзоновой походкой
Обходя забытый дом,
Мы втроем нашли находку –
Одинокий рваный том.

Мы друзьями прежде были,
Согласились мы на том,
Что добычу рассудили
Соломоновым судом.

Предисловье на сигарки,
Первый счастлив был вполне
Неожиданным подарком,
Что приснится лишь во сне.

Из страничек послесловья
Карты выклеил второй.
Пусть на доброе здоровье
Занимается игрой.

Третья часть от книги этой –
Драгоценные куски,
Позабытого поэта
Вдохновленные стихи.

Я своей доволен частью
И премудрым горд судом...
Это было просто счастье –
Заглянуть в забытый дом [2, с.110].

Даже когда герой находил реальный дом, где можно было остановиться, он не испытывал столько счастья, сколько после посещения «забытого дома». Это можно объяснить тем, что именно в творчестве поэт чувствует себя защищенным, находит спокойствие, уют и гармонию, которую мы обретаем, находясь дома:

На свете нет блаженной мига
Дерзання дрогнувшей руки –
Листать теплеющие книги,
Бесшумно трогать корешки... [2, с.339].

Стихи – это боль, это скорая помощь,
Чужие, свои – все равно...

Боль возникает потому, что описываемые события или состояния души правдивы. В своем творчестве поэты передают читателям ту реальность, с которой они столкнулись:

Стихи – не просто отраженье
Стихий, погрязших в мелочах.
Они – земли передвиженья
Внезапно найденный рычаг...
Они всегда – заметы детства,
С вчерашней болью заодно.
Доставшееся по наследству
Кустарное веретено [2, с.248].

Погружаясь в чтение произведений, герой забывает о собственных переживаниях:

И колют мне грудь, угрожая простудой,
Весенние сквозняки.
И я вечерами, как будто на чудо,
Гляжу на чужие стихи... [2, с.344].

Волнуют вновь чужие страсти
Сильней, чем страсть, чем жизнь своя.
И сердце рвут мое на части
Враги, герои и друзья.
И что мне голод, мрак и холод
В сравненье с этим волшебством,
Каким я снова сыт и молод
И переполнен торжеством [2, с.339].

Именно творчество становится для Шаламова домом-крепостью, «скорой помощью». Чужое спасает от собственных проблем, свое помогает справиться с трудностями, возникающими на жизненном пути, погрузиться в тот мир, «где все несчастья далеки». Поэзия была для Шаламова, по собственному его комментарию... «религией, верой» – именно

благодаря ей он выжил в лагере и «сохранил себя для лучших дел». Он черпал силы в этом «магическом искусстве всю жизнь...» [1, с. 7].

В поэтическом дневнике, прятавшемся от чужих глаз на Колыме, Шаламов записывал стихи, в которых последовательно и весьма настойчиво складывался образ поэта и поэзии. В дальнейшем эти образы в ореоле интертекстуальности формируют поэтологические тексты Шаламова:

Светотени доскою шахматной
Развернула в саду заря.
Скоро вы облетите, зачахнете,
Клены светлого сентября.

Где душа? Она кожей шагреновой
Уменьшается, гибнет, гниет. Песня?
Песня, как Анна Каренина,
Приближения поезда ждет... [2, с. 246].

Или:

Весь лес так прозрачен, как сеть птицелова,
Он сам, как ловушка для робких дроздов,
Что кружатся здесь над скамейкой садовой,
И каждый довериться лесу готов.

Берёзки стоят, уцепясь за скамейку,
Не смеют ни слова ещё прошептать.
Повадки так робки, ладошки так клейки,
Но ясно, что жить им – одна благодать.

Им надо бы всыпать берёзовой каши
За этот побег непослушных ребят,
Пока своё платье берёза-мамаша
Меняла на свежий, на майский наряд.

Но время пройдёт и поднимутся крошки,
Прославят берёзку на сотни ладов,
Как ту, что когда-то росла на обложке
Есенинских книжек двадцатых годов [2, с.504].

Логично появление в лирике Шаламова «мертвого» дома, связанного с образами смерти, могилы, холода и одиночества. В таком доме умирают птицы и умирает Муза.

Появляется устойчивое сопоставление природы с домом («Стихи в честь сосны» (2, с.352), «Я жаловался дереву...» (2, с.118)). Акцентируется свобода природы и несвобода, ограниченность дома, отсюда пристальное внимание автора к птицам как части природного свободного пространства и к камню, каменному дому. Дом у Шаламова обычно каменный.

Нет в таком доме семьи, тепла, света. Часто образ дома возникает в ночи, что еще более отталкивает, наводит на страх.

Дорогой трудной, незнакомой
Я в дом стихом вошел в ночи... [2, с.115].

Или:

Невеселая келья
Холодна и темна.
Здесь его новоселье
Без огня и вина... [2, с.152].

Обычно в таких ситуациях мы хотим спрятаться в своем доме. Но лирический герой Шаламова не стремится туда, чтобы укрыться от внешнего ужаса:

Свой дом родимый брошу,
Бегу, едва дыша... [2, с.263].

Ему тяжело находиться в каменных стенах. Настоящее спокойствие возможно только с природой. Ей герой может рассказать все, открыть свои душевные переживания, и она поймет «знаками и взглядами», с ней можно быть искренним и честным. Теперь природа становится «домом»:

Но нам у мира на краю
Вдвоем не хуже, чем в раю... [2, с.353].

Или:

Пусть не велик окна квадрат,
Перекрещенный сталью,
Мне в жизни нет милей наград,
Чем эта встреча с далью...
Она, как счастье мое,
За каменной стеною
На постоянное житье
Прописана со мною... [2, с.346].

Это духовное воссоединение с природным миром дается герою легче, чем общение с близкими людьми. Отсюда возникает антитеза: искренность – молчание:

В дому кирпичном, каменном
Я б слова не сказал,
Годами бы, веками бы
Терпел бы и молчал... [2, с.118].

Я откровенней, чем с женой,
С лесной красавицей иной... [2, с.352].

Если из дома бежит герой, то и Муза там не остается. Она хозяйка «дома стихов», еще одного метафорического дома в поэзии Шаламова. Если раньше она посещала дом стихов, то теперь перемещается в «дом Горгон» и умирает:

Но дом Горгон находит Муза,
И – безоружная – войдет,
И поглядит в глаза Медузе,
Окаменеет – и умрет [2, с.189].

Этот опустевший, без Музы, дом стихов не может оставаться пустым, и герой входит в него. Примечательно, что входит он «туда» ночью и украдкой:

Я положил на стол тетрадку
И молча вышел за порог.
Я в дом стихов входил украдкой
И сделать иначе не мог... [2, с.116].

Дорога «домой» «трудная» и «незнакомая». Теперь «дом стихов» мертвый, потому что муза его не посетила:

Так тихо было в мертвом доме,
Темно – ни лампы, ни свечи... [2, с.115].

Под Новый год я выбрал дом,
Чтоб умереть без слез...
И без одежды, без белья,
Костлявый и нагой,
Ложусь в могилу эту я,
Поскольку нет другой... [2, с.173].

Я сплю в постелях мертвецов
И вижу сны, как в детстве.
Не все ль равно в конце концов,
В каком мне жить соседстве... [2, с.101].

Таким образом, если сложить «векторную» направленность стихотворений Шаламова о доме, то увидим, насколько динамичен образ: от реального дома к дому-природе, дому-могиле и дому стихов. По-видимому, каким бы ни был последний из перечисленных домов, «уютно» поэту только в нем – даже без Музы. Этот дом спасает, пусть без «вдохновения», пусть далеко от поэтической восторженности, главное – укрыться от страшной правды жизни. Этот дом нельзя разрушить, пока жив поэт.

Список литературы:

1. Есипов В. В. Стихи после Колымы (поэтический дневник Варлама Шаламова) // Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. В. В. Есипова. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020. 591 с. (Новая Библиотека поэта). С. 5–70.
2. Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. В. В. Есипова. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020. 591 с. (Новая Библиотека поэта).

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 82-3

И. А. Каргашин
О «РОДОВОМ СТАТУСЕ» ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
БОРИСА ЗАЙЦЕВА

В статье анализируется феномен прозы Б. К. Зайцева. В частности, рассмотрена родовая природа его рассказов и повестей. Показано, что «лирическая составляющая» – важнейший компонент неповторимого стиля писателя. Намечена родовая типология зайцевской прозы: собственно лирика, лирический эпос, эпическая лирика, пограничные и переходные явления.

Ключевые слова: Борис Зайцев; лирическая проза; родовая природа; типология.

I. A. Kargashin
ABOUT «GENERIC STATUS» OF BORIS ZAITSEV'S LYRICAL PROSE

In the article analyzing phenomena of Boris Zaitsev's prose. In particular, looking generic nature of his novels and stories. Shown that «lirical element» is the important component of writer's unique style. The generic typology of Zaitsev's prose is outlined: directly lyrics, epic lyrics, borderline and transitional phenomena.

Key words: Boris Zaitsev; lyrical prose; generic nature; typology.

Общее положение, справедливо утвердившееся в литературной критике и литературоведении: Зайцев – мастер лирической прозы (подобные суждения высказывались как первыми читателями и почитателями таланта писателя, среди которых были В. Брюсов и Г. Иванов, Г. Адамович и К. Бальмонт, Ю. Айхенвальд, – так и современными исследователями).

Вместе с тем само понятие «лирической прозы», как и природа «лиризма» у Зайцева, не раз становились предметом литературоведческого изучения, и это не случайно. Действительно, «феномен» Зайцева, его неповторимая манера письма, его «неотменимое» место в отечественной художественной литературе – это прежде всего его – «только зайцевская» – лирическая проза. Но какова родовая природа такой прозы?

Вначале стоит отметить, что в целом, разумеется, творчество писателя крайне разнообразно, в том числе и с точки зрения жанровой и родовой определенности его произведений [2]. Так, в ряду его творений мы находим и образцы собственно *эпических* произведений – так называемый «чистый эпос» – произведения с «безличным» повествователем, то есть субъектом сознания, исключаяющим фразеологическую точку зрения (рассказы «Кассандра», «Елисейские поля», «Маша» и т.п.). С другой стороны, это могут быть и образцы *драматического эпоса* – то есть повествование, организованное чужой речью, непосредственно воплощающее неавторское сознание (см. «Грех», «Жемчуг», сказовый текст «Легкое бремя» и т.п.). Но в том-то и дело, что не эти и подобные им произведения можно назвать собственно «зайцевскими»! Конечно же, Зайцева делает неповторимым автором «лирическая составляющая», «лирический компонент» его повестей и рассказов. Какова роль лирики, лирической системы в его прозе? Этот вопрос стоит рассмотреть подробнее.

1. Собственно лирика. Несколько забегаая вперед, следует заметить, что, как правило, традиционно понятие «лирическая проза», с точки зрения ее «родового статуса», обозначает

двуродовое образование, а именно: *лирический эпос*, то есть тип произведения, органично совмещающего признаки и *лирического*, и *эпического* родов (об этом специально – ниже). Однако в ряду «лирической прозы» Зайцева можно выделить произведения, строго говоря, являющиеся «чистой» *лирикой*! Так, «Призраки», как известно, – эпитафия (собственно лирический жанр), посвященная племяннику писателя, трагически погибшему в первый день Февральской революции. Особое внимание следует обратить на многочисленные именно *лирические* фрагменты-вставки в самых разных (даже и сугубо эпических) произведениях писателя. Нередко у Зайцева подобные «лирические вложения» выделяются автором и композиционно: например, как начало/конец текста, либо – отдельная глава, раздел и т.п. Отсюда, кстати, обычно крайне своеобразное, прихотливое графическое оформление его прозы. Например, обратимся к тексту рассказа «Вечерний свет», см. здесь выделение в отдельный абзац коротких предложений:

Я глубоко передохнула. Так вот где, в Нерви!

Это была Катя.

Сеня умчал их в Рапалло, где они сели, наконец, в поезд.

Пусть пошлет Господь ее и мне.

Да и трудно ему будет признать во мне мать.

Счастье – дар Божий. Пусть сойдет этот дар на Леечку, Катю, Розу, Мариетту...

и т.п.

Сравним также графическое оформление рассказа «Республиканец Кимка» – более свойственное собственно лирическому, а не эпическому прозаическому тексту, и многочисленные подобные примеры.

Кроме того, отметим, что собственно лирическое начало в прозе Зайцева нередко «поддерживается» традиционно соотносимым с лирическим родом стиховым началом, – непривычно интенсивным использованием в прозе (!) как первичных, так и (особенно часто) вторичных стихообразующих факторов: ритма, метра и рифмы [3].

2. Лирический эпос. Это, безусловно, самый распространенный «тип письма» у Зайцева, самый типичный вариант его лирической прозы. Более того: как уже отмечалось, обычно понятия «лирическая проза» и «лирический эпос» используются как синонимы (в частности, в системно-субъектном методе Кормана и его школы). В самом деле, как правило, узнаваемая, неповторимая «зайцевская» проза и есть *лирический эпос*. Повесть или рассказ, формально организованные как эпическое произведение (повествование, осваивающее пространственно-временные отношения), фактически являют читателю, выражают непосредственные эмоции, оценки, точки зрения, видение конкретного индивида – то есть осваивают сферу «живого» – личностного, субъективного сознания. Именно потому произведение оказывается двуродовым образованием, ибо в этом случае *лирический род*, лирическое начало пронизывает всю ткань рассказа или повести у Зайцева.

При этом – обратим внимание! – лирическая проза Бориса Зайцева парадоксальным образом как бы «безразлична» к конкретному типу повествования, «не зависит» от выбранного писателем способа субъектной организации текста. Так, казалось бы, «лирическая проза» естественно требует персонифицированного повествования. И действительно, у Зайцева есть произведения, написанные от первого лица, которые органично воплощают субъективный мир сознания самого повествующего (см. например, «Сестра», «Лето», «Вечерний

час», «Полковник Розов», «Тихие зори» и т.д.). Однако вовсе не такого рода тексты составляют основной корпус произведений его «лирической прозы». Более того, «Я-повествование», персонифицированная форма, нередко накладывает ограничения на создание собственно «лирической прозы» писателя. Связано это, в частности, с тем, что в литературе нового и новейшего времени «разошлись» «Я» и лирика (ср. понятия «ролевое стихотворение», «драматическая лирика»), в то время как лирическая проза (лирический эпос) призвана воплощать сферу личного сознания, так или иначе близкого к собственно авторскому.

С другой стороны, – именно здесь мы и наблюдаем «механизм» создания, становления двуродового образования – произведения, формально выстраиваемые как будто «эпически» (не от субъективного «Я», а с точки зрения «безличного» повествователя), естественно и органично в прозе Б. Зайцева включают в себя сферу личностного сознания того или иного субъекта. Это могут быть видение, ощущения, «эмоциональный тон» одного героя (объекта авторского изображения), или – разных героев поочередно или, наконец, самого повествователя, вдруг выходящего из роли беспристрастного, «безличного» субъекта повествования и являющего нам свои – суть лирические! – переживания и ощущения. Именно таким образом организовано повествование во многих лучших, на наш взгляд, рассказах писателя («Миф», «Молодые», «Заря», «Деревня». «Аграфена» и другие). Сравните образец субъектной организации текста в рассказе «Молодые».

Начало текста – традиционное эпическое («безличное») повествование: «Глашка подхватила Горбатого за ногу, вправила за постромку и тронула борону сильным, ровным ходом. Борона зашуршала, из-под ней задымилась сентябрьская земля и полетели комья. Сзади пошла бархатная полоса, атласистая, влажная».

Однако далее текст выстраивается как «зона героя» – в «безличное» повествование включаются видение, ощущения самих персонажей. Например: «Солнце, внутренняя прелесть распустила их рожи в улыбку, молодой жар захватил, а Гаврилины глаза близко-близко, весь он тут, сильный, молодой ярила.

– А, попалась птица!

Где же тут уйти, да и куда уйдешь от дорогих темных губ, – только замрешь вся, бормочешь, а он целует, целует, и лошади смиренно стоят – ждут, пофыркивают, да пахнет земля, солнце теплеет из-за облачков.

– Измял всю, идол, насилиу вырвалась!

Но глаза пьяно блистают, и легкой рысью гонит Глашка лошадей, она побежала б, помчалась с ними в светлом скаку, да тяжело беднякам с боронами, да и полдни скоро, надо в усадьбу. Вон как солнышко уже высоко».

Заметим: лирическая проза предполагает близость-единение точек зрения, позиций автора, субъекта повествования и героя. Именно такого рода «солидаризацию» – вплоть до неразличения, невозможности однозначно определить: чья точка зрения, чье видение – автора, субъекта повествования или героя? – и демонстрирует проза Б. Зайцева.

3. Эпическая лирика. По-видимому, оригинальная проза Б. Зайцева способствует уточнению, углублению в целом наших представлений о природе, феномене (в том числе «родовом статусе») лирической прозы. Как уже упоминалось, Б.О. Корман однозначно определял лирическую прозу как лирический эпос. Художественная практика Зайцева, кажется, позволяет расширить это традиционное толкование. По крайней мере очевидно, что зачастую зайцевские произведения правомерно определять, как *эпическую лирику* (в прозе!). Речь идет о таких рассказах и повестях писателя, которые, в отличие от произведений

лирического эпоса, с точки зрения формально-субъектной выстраиваются как собственно *лирические* – то есть весь текст произведения принадлежит одному субъекту, который прямо выражает свои переживания и оценки тех или иных явлений и является объектом читательского внимания, – но при этом осваивают какие-либо события в их пространственно-временной определенности и, соответственно, включают в себя повествовательный момент.

Разумеется, достаточно непросто (иногда – невозможно?) провести четкую границу между образцами *лирического эпоса* и *эпической лирики*, однако в целом ясны принципиальные отличия [1]. А именно: если в произведениях лирического эпоса главным предметом изображения-освоения оказывается окружающий субъекта *мир* («объективная действительность» или иллюзия её), хотя и явленный сквозь призму личностного, субъективного сознания, то в творениях эпической лирики (потому-то она и лирика!) воплощается в первую очередь как раз *сфера индивидуального субъективного сознания*, сквозь которую «проглядывает», проступает и окружающая нас действительность.

Именно такой «механизм» субъектно-объектных отношений и задействован, например, в таких теперь уже «хрестоматийных» произведениях Бориса Зайцева, как «Улица Св. Николая» или «Разговор с Зинаидой». Очевидно, что первостепенным объектом читательского внимания становится здесь не столько *образ героя* (будь это улица или конкретный человек), сколько – настоящее (сиюминутное, сейчас творимое) *осознание–осмысление–переживание* этого образа! Отсюда – так присущие «лирической прозе» (и еще резче выраженные в произведениях эпической лирики, чем в образцах лирического эпоса) редуцирование характера героя и ослабление, вплоть до упразднения, фабульного элемента; в целом – вытеснение предметно-смысловых связей субъективными авторскими оценками. Например, в «Разговоре с Зинаидой»:

«Тебя Давно уже нет. Это ничего не значит. Вижу тебя и слышу, и вот говорю с тобой, какую ты была много лет назад, полоумной девчонкой в деревне, позже другом на чужбине.

Вот и слушай, что я скажу: прямо передо мной, под Распятием на стене, два маленьких металлических образка: св. Серафим Саровский и Христос Вседержитель, – это ты нам оставила – помнишь? – вечную память о себе, о России: в смертный час тебе передал это русский солдат, умиравший у тебя на руках. Знаю руки эти, знаю сердце твое. «Неизвестный солдат» снял нательные образки и тебе передал – как сестре, истинной сестре, и не ошибся. Твои зелено-мокрые глаза смотрели на него. Он не ошибся. Передал, кому надо. И на скромных образках тайно запечатлелась кровь мученическая. Чувствую тебя, Россия. Безымянная и безответная Россия.

Слезу твой путь, Зинаида. Вижу тебя в госпитале, такую же бурную, неукротимую, как на коне, как в беседе <...>».

4. «Пограничные явления», переходные формы. Как уже было отмечено, вообще непросто бывает обозначить четкую грань между такими двуродовыми образованиями, как лирический эпос и эпическая лирика. В нашем случае, то есть при анализе «лирической прозы» Зайцева, это сделать особенно трудно. Все дело в том, что в произведениях Зайцева (в художественных и художественно-биографических, мемуарных) в рамках одного текста обычно свободно и органично – «по-зайцевски» – выделенные жанрово-родовые варианты прозы совмещаются, – «перетекают» друг в друга, так что, действительно, о каком-либо «едином» типе текста говорить не приходится. Для прозы Зайцева это совершенно естественно, если учесть, что «лирические фрагменты», «лирическая стихия» в его поэтике способны вдруг возникать в самых «неподходящих» эпизодах и пронизывать «эпические»

произведения. Например, прихотливое совмещение разнородных повествовательных структур в рассказе «Белый свет»:

«Бедная жизнь, малая жизнь, что о тебе сказать, чем порадовать? Не сердись и не обижайся. Будем скромней. Ведь в тебе несусь, ты принимаешь, и снежок зимний на Арбате зимнем посыпает и меня, да и тебя, ветер завывает и уносит, всё уносит, рады мы, или не рады.

*Ты хотела б быть пышной, нарядней, и могущественней. Может быть, и я бы пре-
взошел себя.*

Но есть Судьба. Тебе и мне. Хочешь не хочешь, её примешь. Я уж принял <...> Заповеди счастья:

1. Помни о печке. Сложи каменную. Не забудь о дымоходе, полюби дрова, знай смысл полена. Если нет дыма и тепло, то ты в преддверии <...>.

Снег, пушисто на Арбате. Мягкий скрип саней, автомобиль несется. «Чайная-столовая», «Гастрономия Н», папиросы и пирожные. «Есть свежие булочки». «Извозчик, на Солянку!» «Полтинник, барин».

Галифе с дамой румяною, в многомиллионном палантине катят. У стены политики газету поедают <...>».

С другой стороны, следует иметь в виду своего рода «пограничные явления» – то есть случаи, когда один и тот же фрагмент текста допускает возможность и различных «прочтений» (непосредственных читательских восприятий), и различных литературоведческих дефиниций: что же перед нами – мир чувствований автора или героя, субъекта повествования или персонажа? И в целом – что же доминирует, что является организующим центром, авторской установкой изначально? Слово Зайцева рисует предстоящий его сознанию мир (и тем самым «выдает» субъективное авторское видение) или же прежде всего выражает непосредственное переживание, осознание этого мира?

Такого рода «пограничные ситуации», когда слово «работает» на выражение авторской экспрессии, но одновременно и отражает, воссоздает предметно-смысловые, пространственно-временные отношения – так что текст перестает быть «чисто» эпическим или лирическим (а точнее – оказывается и тем и другим), – крайне характерны для феномена зайцевской «лирической прозы». Яркий образец подобного «типа письма» мы находим уже в первом опубликованном произведении писателя (см. «В дороге»). Сравните в рассказе «Деревня»:

«А когда Крымов с дедом едут назад, по грязи тянутся подводы, телеги с пьяненькими с ярмарки. Пьяненькие орут, вспоминается запах кумача, слегка темнеет уж; хмурый сумрак дышит, подводы сливаются, кажется, что по всей дороге сплошь ползут бесконечные обозы, везут народ куда-то; <...> Дома же Крымов опять лежит в полутемных комнатах и прислушивается к чему-то; ему кажется, будто он слышит грубую работу в усадьбе: доят молоко, мычат коровы...

В груди крепкой и грубо сделанной деревенской земли идет тоже работа, и эту работу Крымов тоже как будто чувствует. Вот стоят живые плотные деревья, по хлюпающей грязи лошадь с трудом везет в горку бочку с водой из пруда, и земля раздается под колесами как живая, а рядом падают листья с клена.

Но как будто он начинает и дремать, будто он прислонился уже головой к тому, на чем покоится вся эта земля, чему она близка; бочка с водой въезжает в дерево, деревья наполняются пьяненькими с ярмарки. Крымов погружается в крепкий, горячий деревенский сон».

И это свойство поэтики Зайцева глубоко содержательно: не существуют дня него отдельно – «порознь» – ни так называемый «объективный мир», ни, конечно, самодовлеющий мир собственного сознания (какие бы то ни было формы эгоцентризма совершенно чужды и Зайцеву-человеку, и творческой манере писателя). Поэтическая реальность Зайцева – «человеченный мир», то есть обращенный к человеку, одушевленный, наделенный (во всех его проявлениях!) смыслом, *сознанием* воспринимающего его человека!

Подобное мироощущение, на наш взгляд, чрезвычайно роднит Зайцева с другой ярчайшей фигурой русской литературы и религиозным философом – В. Розановым. Не случайно порой мы наблюдаем поразительное сходство, переключку текстов (в рамках именно «лирической прозы») этих в общем-то разных художников. Известное суждение Розанова: «...всякое ощущение беспросветно, темно дня человека, непроницаемо в своем смысле, пока оно не будет возведено к смыслу чего-то, уже ранее присутствовавшего в духе... Мы должны понимать явления внешней природы как только повторения процессов и состояний своего первичного сознания» (в его работе «Идея рационального естествознания») – как нельзя лучше «объясняет» и природу лирической прозы Б. Зайцева.

Таким образом, выяснение «родового статуса» произведений писателя позволяет не только глубже почувствовать, понять феномен зайцевской лирической прозы, но и уточнить наши представления о лирической прозе как таковой. Можно сказать, что Борис Зайцев и был одним из зачинателей русской лирической прозы в современном её состоянии и понимании.

Список литературы:

1. Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения. Ижевск, 1977; Практикум по изучению художественного произведения. Лирическая система. Ижевск, 1978; литературоведческих терминов // Содержательность форм в художественной литературе. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь Межвузовский сб. Куйбышев, 1990.
2. Кормана Б. О. Родовая природа рассказа Паустовского «Телеграмма» (К вопросу о специфике лирической прозы) // Жанр и композиция литературного произведения. Калининград, 1976; Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж, 1964. С. 289–299.
3. Специально вопрос о стиховом начале в прозе Б. Зайцева рассмотрен нами в докладе на Первых Зайцевских чтениях. См. в сб. Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева. Калуга, 1998.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 821.161.1-32

Д. А. Молчанова
ПОЭМА «МЦЫРИ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
КАК НАРРАТИВНЫЙ ПАЛИМПСЕСТ

В статье с опорой на разработанную В. И. Тюпой концепцию нарративного палимпсеста поэма «Мцыри» рассматривается как «гипертекст» (в значении «текст во второй степени», предложенном Женеттом) по отношению к «гипотексту» – поэме Пушкина «Кавказский пленник». На примере сопоставления двух поэм показывается, как новый слой в палимпсесте трансформирует сюжет текста-предшественника, сохраняя его мотивную структуру.

Ключевые слова: палимпсест; нарративный палимпсест; мегатекст; «кавказский текст»; кавказский мегатекст; «Мцыри».

D. A. Molchanova
THE POEM «Mtsyri» BY M. Y. LERMONTOV AS A NARRATIVE PALIMPSEST

In the article, based on the concept of narrative palimpsest developed by V. I. Tyupa, the poem «Mtsyri» is considered as a «hypertext» (in the meaning of «text in the second degree» proposed by Genette) in relation to the «hypotext» – poem «The Prisoner of the Caucasus» by A. S. Pushkin. Comparing two poems, it is shown how a new layer in the palimpsest transforms the plot of the pre-text, preserving its motivic structure.

Key words: palimpsest; narrative palimpsest; megatext; «caucasian text»; caucasian megatext; «Mtsyri».

Термин «палимпсест» пришел в науку о литературе из области палеографии и источниковедения, где он обозначает рукопись или роспись, выполненную на материале, с которого стерт, смыт, вытравлен первоначальный текст (или изображение), при этом в некоторых случаях с помощью определенных технических средств текст-предшественник может быть восстановлен. В литературоведение термин был введен Ж. Женеттом и оказался весьма востребованным, о чем свидетельствует активное его использование в литературоведческих исследованиях [2; 3; 8–10; 14; 15].

Ж. Женетт в книге «Палимпсесты. Литература во второй степени» выделяет пять типов транстекстуальных (межтекстовых) отношений: интертекстуальность – отношения присутствия между двумя или несколькими текстами, которые выражаются в виде цитаты (с кавычками или без), плагиата или аллюзии; паратекстуальность – отношение текста к заглавию, подзаголовку, названиям глав, предисловию и послесловию, примечаниям, вступлению, иллюстрациям и иным рамочным элементам; метатекстуальность – отношение критического текста к критикуемому; архитектстуальность – отношения жанровой принадлежности; гипертекстуальность – отношения между более поздним текстом В (гипертекстом) и более ранним текстом А (гипотекстом), на основе которого создан текст В. Внимание Женетта в работе о палимпсестах сосредоточено на отношениях гипертекстуальности, которые он для начала определяет, отталкиваясь от метатекстуальности: текст В не «говорит» о тексте А, однако без своего претекста вовсе не мог бы существовать. Гипертекст «будит» представления о гипотексте, не упоминая его напрямую и не прибегая к цитатам, тем самым

отношения между ними отличаются от интертекстуальных.

Гипертекст возникает в результате двух в корне различных процессов: трансформации и имитации. При трансформации из гипотекста заимствуется определённая схема действий и отношений (*a pattern of actions and relationships*), т. е. сохраняется мотивная структура претекста (категория уровня объектной организации), при имитации же заимствуется жанровая модель, стиль (*a model of generic competence; a style*) [16, с. 6], т. е. имитируется субъектная организация текста-предшественника. Далее Женетт предлагает классификацию гипертекстуальных практик (которых он выделяет шесть), основанную на следующих критериях: отношения между гипотекстом и гипертекстом (трансформация или имитация) и модальность этих отношений (игровая, сатирическая или серьёзная).

В. И. Тюпа, в свою очередь, ввел в научный обиход терминологическое сочетание «нарративный палимпсест» и предложил следующее определение: «“Палимпсестной” может именоваться словесная ткань, сквозь которую, как сквозь поверхностный слой, проступают система персонажей, мотивная структура или отдельные существенные мотивы, имена, некоторые иные характерные особенности другого текста (претекста)» [13, с. 114]. Он также указал на возможность рассмотрения т. н. локальных (топосных) текстов в качестве структур палимпсестного типа.

Это позволяет нам рассмотреть поэму «Мцыри» (1840) [4] М. Ю. Лермонтова как «гипертекст» («текст во второй степени») по отношению к «гипотексту» поэме «Кавказский пленник» (1822) [11] А. С. Пушкина. Общность поэм проявляется как на уровне «словесной ткани», так и на более глубинном уровне хронотопов, организованных локусом Кавказа.

Ю. В. Манн в монографии «Русская литература XIX века. Эпоха романтизма» указывает на то, что именно в южных поэмах Пушкина сложилась устойчивая структура конфликта, унаследованная затем самим жанром романтической поэмы [5, с. 48]. По мысли Б. М. Эйхенбаума, «“Демон” и “Мцыри” закончили собою историю русской романтической поэмы, ведущей свое происхождение от Жуковского и Пушкина» [5, с. 236]. По нашему убеждению, между поэмой «Мцыри» и «Кавказским пленником» Пушкина можно проследить не только связи жанровой преемственности, но и более непосредственные интертекстуальные связи, именуемые палимпсестными, поскольку сквозь словесную ткань поэмы «Мцыри» просматривается мотивная структура «Кавказского пленника», при этом поэма Лермонтова как бы комплементарна поэме Пушкина, словно дополняет ее, что и порождает смысловое напряжение между ними.

Если «Кавказский пленник» организован мотивом плена, то «Мцыри» – мотивом побега; если сюжет поэмы Пушкина в крайне упрощенном виде можно представить как «<бегство> – плен – жизнь в плену – побег – свобода», то сюжет «Мцыри» инвертирован: «жизнь в плену – побег – жизнь на свободе – возвращение в плен – <смерть>». Если герой Пушкина бежал из родной стороны в чужую, эксплицируя внутреннее отчуждение, то Мцыри бежит из чуждого плена на поиски родной стороны, и ситуация бегства оборачивается ситуацией возвращения.

Лермонтов в своем произведении пренебрегает некоторыми типичными для романтической поэмы компонентами конфликта: в тексте «Мцыри» не упоминается о каком-либо решающем событии, послужившем толчком к отчуждению, – скажем, об отвергнутой любви, измене или коварстве друзей и т. д.; плен в поэме Пушкина наглядно проявляется в образе цепей, оков, в то время как в поэме Лермонтова он интериоризован: романтическая ситуация узничества и заточения присутствует в тексте имплицитно, без очевидных

проявлений гнета; резкость отчуждения Мцыри даже сглаживается: *Но после к плену он привык, / Стал понимать чужой язык...* Ю. В. Манн отмечает даже комплексы покоя и защиты в поэме, проявляющиеся, в частности, в образе монастыря – «доброй» тюрьмы [5, с. 243–244].

Наконец, если герой Пушкина отправлялся на *поиски* (*Свобода! он одной тебя / Ещё искал в пустынном мире...*), не имея четкого представления о пункте назначения (*...Покинул он родной предел / И в край далекий полетел / С веселым призраком свободы*), то герой Лермонтова предпринимает попытку *возвращения*, устремляясь в относительно конкретное место – *на родину*, эксплицированную образом Кавказских гор. Иначе говоря, устремления пушкинского героя направлены к некоему ценностному центру, расположенному не только вне поля зрения самого героя, но и вне действия поэмы; устремления Мцыри, наоборот, локализованы. У мира, в который пытается вернуться Мцыри, есть пространственно-временные координаты (с точки зрения пространства, этот мир расположен на востоке, с точки зрения времени – в прошлом). С точки зрения ценностной архитектоники, этот чаемый мир имеет отчетливо идиллические черты: родной аул – это идиллический хронотоп, в котором все события жизни прочно связаны с местом. В этом мире единство места обеспечивает и единство поколений, от которого Мцыри был насильственно отстранен. Время в идиллическом хронотопе циклизированное, а жизнь индивида органично вплетена в жизнь многих поколений, что ослабляет роль смерти.

Заменяя центральный для поэмы Пушкина мотив плена мотивом побега, тяжкие оковы – «доброй» тюрьмой (инверсия характерна для поэтики палимпсеста [9, с. 277]), локализуя цель устремлений героя в идиллическом мире, Лермонтов вносит изменения в самую центральную ситуацию поэмы: если у Пушкина основополагающей была ситуация поиска, то у Лермонтова во главу угла выносятся ситуация потери.

Поскольку мы имеем дело с героем-беглецом, при этом пунктом назначения является некий далёкий таинственный край, а импульсом к бегству является стремление обрести гармонию, то на мифопоэтическом уровне перед нами попытка героя вернуться в утраченный рай. В поэме Пушкина можно рассмотреть лишь намек на мотивный комплекс ‘утраченного рая’ – в самом бегстве героя на юг выражается его стремление найти гармонию в мире, где не властны современные «европейцу» законы цивилизации, – в мире прошлого. Лермонтов же в своей поэме разворачивает этот мотивный комплекс в виде трехчастной схемы: нахождение в состоянии гармонии в рае-Эдеме (детство Мцыри) – утрата гармонии и отпадение от рая (жизнь в плену) – попытка возвращения в рай (побег).

Вместе с тем мотивный комплекс ‘утраченного рая’ поддерживается элегическим и идиллическим «претекстами» романтической поэмы как жанра. Главное событие в поэме – «испытание героя и в результате – преодоление границ его кругозора: с одной стороны, – узнавание чужого мира (и как чуждого, и как утраченного своего), а с другой – новое видение мира привычного» [12, с. 180], при этом в поэмах «Кавказский пленник» и «Мцыри» акцент лежит «на драматизме чаемого приобщения к чужому миру (биографически и исторически утраченному, ставшему чужим)» [12, с. 181]. «Чаемый мир» изображается с привлечением комплекса мотивов ‘земного рая’ (от идиллии «Кавказский пленник» Пушкина наследует вертикальное время с идеализируемым прошлым, образ пастуха, в роль которого «вживается» пленник), который драматически оборачивается ‘раем утраченным’ – миром, которому герой внутренне чужд вследствие произошедших с ним изменений.

Используя комплекс представлений о рае, просвечивавший сквозь поэму Пушкина,

Лермонтов усложняет сюжетную схему «Кавказского пленника» (потеря – поиск – обретение): обретение героем рая (в монастыре, в божьем саду или после смерти) оказывается двойственным событием – обретение таит в себе отчуждение, встреча – утрату.

Поскольку «Мцыри» относится к «кавказскому» мегатексту (асинтагматической семантической структуре палимпсестного типа, в рамках которой эстетически завершенные тексты, разнородные в жанровом отношении, являются вариантом по отношению к инварианту – комплексу архетипических мотивов; более подробно и мегатексте в целом и «кавказском» мегатексте в частности см. наши статьи «К вопросу о природе политекстуальных комплексов в литературе», «К вопросу о соотношении кавказского и сибирского «текстов» русской литературы» [6; 7]), художественный мир поэмы, подкрепленный на мифотектоническом уровне образом мирового древа, имеет трехчастное членение, что позволяет Лермонтову умножить сюжетную ситуацию «утраты» рая.

Разработка образа рая шла в христианской традиции по трем направлениям: Рай как сад, Рай как город и Рай как небеса [1], благодаря чему различные локации в поэме воспринимаются как ипостаси рая: родной аул – райский сад; монастырь – райский город; вершины Кавказа, курящиеся как алтари, – рай небесный. Также воплощениями рая являются «божий сад», в котором себя обнаруживает Мцыри после побега, и монастырский сад, в котором он желает быть похороненным. Всё это многообразие реализаций рая в поэме выстраивается в трехчастную модель: 1) ретроспективный ‘рай как сад’, Эдем до грехопадения людей (родной аул, располагавшийся *в ущелье*); 2) ‘земной рай’, реализуемый как сад или как город, (также утроен: монастырь и прилегающий к нему сад; цветущий «божий сад», так схожий с дантовским Земным раем; мир грузинки, повторяющий в деталях мир детства Мцыри, но не являющийся им); 3) проспективный ‘рай на небесах’ (представлен горными вершинами). И каждое из воплощений рая, кроме самого первого и наиболее желанного – родного аула, отвергается Мцыри. Во-первых, он покидает монастырь, где, казалось бы, должен пребывать в гармонии с Богом (ничто в поэме не указывает на то, что в монастыре с ним жестоко обращаются, вынуждая тем самым к бегству); во-вторых, уходит из божьего сада, где обнаруживает себя после побега; в-третьих, отказывается от возможности «взойти» в саклю, где живет грузинка. Наконец, отвергает *рай и вечность* (ожидающие его после смерти), т. е. ‘рай небесный’.

Вертикальный мир Кавказа, таким образом, позволяет Лермонтову воплотить несколько вариантов рая (в ущелье, на земле и на небесах; в прошлом, в настоящем и в будущем). Последовательно отвергая предложенные ему варианты, Мцыри в рамках своего путешествия-побега спускается всё ниже. Мы усматриваем в этом мифологический код катабасиса (нисхождения в нижний мир), значимый для «кавказских» текстов в смысле пути, предшествующего анабасису – восхождению в горный мир, однако направление движения Мцыри лишено инфернальных коннотаций, поскольку в художественном мире поэмы ущелье – это локализация утраченного рая (обиталищем злых духов в поэме назначена ужасная *бездна, пропасть*, но не *ущелье*). Поскольку мифологема мирового древа сообщает «кавказскому» хронотопу вертикальное время, движение вниз воспринимается как попытка движения по оси времени в прошлое.

Теперь, когда мы указали на наличие в поэме Лермонтова мифопоэтического комплекса представлений о рае, от анализа мотивной структуры и сюжетной схемы двух поэм перейдем к рассмотрению системы персонажей. Наиболее существенным изменением здесь является, конечно, замена героя-русского героем-кавказцем. У Пушкина «русский»

представлен как мертвый, «охладевший» герой, не по своей воле попадающий в загробный мир (*И вдруг пред ними на коне / Черкес. Он быстро на аркане / Младого пленника влачил*) и претерпевающий там страдания, – т. е. в поэме вокруг него разворачивается «вегетативный» вариант циклического протосюжета (в описаниях пленника можно также заметить элементы вегетативного, растительного божества: *и прошлых дней воспоминанье / в увядшем сердце заключил; я вяну жертвою страстей* и др.). Лермонтов же помещает в центр мира поэмы активного героя с пылающим сердцем (*Знай, этот пламень с юных дней, / Таяся, жил в груди моей...*), который по своей воле отправляется в иной мир, где к тому же вступает в битву с чудовищем, – следовательно, предполагается развертывание солярного варианта того же протосюжета.

Русский пассивно переживает неволю на Кавказе, затем воскресает (не без помощи черкешенки) и покидает ужасный край. Мцыри, бежав из монастыря, проводит три дня на воле, путешествуя в божьем мире, проходит испытание (схватка с барсом), однако вопреки сюжетным ожиданиям его путешествие завершается смертью (утрата сознания и как бы повторное пленение эквивалентны смерти). По нашей мысли, предел возможностям героя кладут «реликты» вегетативного сюжета, поскольку растительный бог-герой укоренен в «кавказском» палимпсесте глубже, нежели солярный вариант. Поэма Пушкина имеет своим претекстом элегическую традицию создания героя [10, с. 115–116], поэма Лермонтова эту традицию наследует. Силы преемственности заставляют Лермонтова наделять героя типично элегическим качеством преждевременного увядания, и потому «в тюрьме воспитанный цветок» (неслучайный вегетативный образ) гибнет на воле от палящих лучей солнца.

Говоря далее о системе персонажей, нельзя не сравнить два женских персонажа – грузинку и черкешенку. На первый взгляд, между цепочками событий с их участием не так много общего: черкешенка играет весьма существенную роль в сюжете – она и оживляет пленника, и предлагает ему свою любовь, и, наконец, освобождает русского, организуя его побег; грузинка же, кажется, вовсе не взаимодействует с Мцыри, проходит мимо него набрать воды в кувшин и скрывается в сакле, в которую юноша «взойти не смел». Однако образ грузинки имеет в тексте поэмы двойника, наделенного более значительной сюжетной функцией.

В портрете грузинки несложно отметить некоторые специфические – хтонические по своей мифопоэтической природе детали: *золотой* цвет и связанные с ним *зной, мрак, глубину* (*Летние жары / Покрыли тенью золотой / Лицо и грудь ее; и зной / Дышал от уст ее и щек. / И мрак очей был так глубок...*); ее движения, обозначенные глагольной формой «скользя», похожи на движения змеи. Действительно, появляющиеся в строфе 22 *желтая змея* и особенно – *рыбка с золотой чешуей* в строфе 23 удивительным образом рифмуются с образом прекрасной грузинки: *если змея всего лишь «сверкая желтою спиной, / как будто надписью золотой / покрытый донизу клинок, / браздя рассыпчатый песок, / скользила бережно»* (*Грузинка узкою тропой / Сходила к берегу. Порой / Она скользила меж камней*), то рыбка покрыта *золотой чешуей*, взгляд ее глаз *нежен и глубок* (в портрете грузинки: *И мрак очей был так глубок, / Так полон тайнами любви*), наконец, «*Ее серебристый голосок / Мне речи странные шептал, / И пел, и снова замолкал*» (ранее Мцыри пел «*грузинки голос молодой*», а затем ее песню повторял *незримый дух*). Грузинка, змея и рыбка, таким образом, являются тремя ипостасями женского начала.

Однако отнести грузинку в частности и женское начало в целом к нижней сфере (миру мертвых) не позволяет ряд деталей: ее голос – «*безыскусственно живой*»; она *сходит* к

берегу, то есть спускается сверху; ее жилище находится не на дне ущелья, но *приросло к скале*. Желтая змея резвится в *божьем мире*:

...Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
<...> Лишь змея,
<...>
Скользила бережно...

Наконец, золотой (желтый) цвет амбивалентен и может быть связан не только с нижним миром, но и с верхним, символизируя солнце. Мы полагаем, что три ипостаси – грузинка, змея и рыбка – соотнесены с тремя мирами: верхним, средним и нижним соответственно. Не случайно, следуя за грузинкой, Мцыри не решается не просто зайти, но *взойти* в саклю. Так, по нашему мнению, каждая из трех женских ипостасей является для Мцыри проводником в один из трех миров: прячется, как змея меж камней, Мцыри попадает в божий сад; грузинка показывает ему путь наверх; рыбка манит вниз. Перейдем к сопоставлению лермонтовской грузинки с пушкинской черкешенкой.

Черкешенка Пушкина постоянно вызывает русского к жизни, пробуждает его ото сна:

Очнулся русский. Перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка младая...

Пленник «...ловит жадною душой / Приятной речи звук волшебный», который оказывает на него поистине живительное воздействие:

Он чуждых слов не понимает;
Но взор умильный, жар ланит,
Но голос нежный говорит:
Живи! и пленник оживает.

О. А. Проскурин, со ссылкой на Дж. Эндрю, отмечает, что в данной сцене в поэме Пушкина явственно просматривается христианский подтекст, и женская любовь может быть интерпретирована как акция, способная возродить умирающего и даже воскресить его; кроме того, Пушкин усиливает христианские коннотации мотивом евхаристии (черкешенка угощает пленника кумысом и лепешками, словно причащая его) [10, с. 117].

Нельзя не отметить, что с грузинкой, змеей и рыбкой связан, наоборот, мотив *сна*: Мцыри видит грузинку *во сне*; змея появляется, когда мир божий *спит*; рыбка навевает на Мцыри *сон* вплоть до забытья. Выше мы уже отмечали, что палимпсестный текст может инвертировать подсистемы трансформируемого текста, что и происходит в поэме Лермонтова, поэтому функция женского персонажа изменяется с оживляющей, пробуждающей на усыпляющую.

Заметим также, что черкешенка и грузинка, пользуясь терминологией Ю. М. Лотмана, неподвижные персонажи, являющиеся функцией кавказского пространства, о чем говорит

неспособность женского персонажа пересечь границу (черкешенка отказывается покинуть «ужасный край» вместе с русским; грузинка также тесно связана с местом, поэтому при перемещении между планами изменяется и ипостась женского персонажа). По нашей мысли, функция женских персонажей в «кавказских» текстах заключается в их способности «приобщать» героя к месту, «натурализовать» его на Кавказе (черкешенка – пленнику: *Склонись главой ко мне на грудь, / Свободу, родину забудь!*; рыбка (двойник грузинки) – Мцыри: *...Дитя мое, / Останься здесь со мной; О милый мой! не утаю, / Что я тебя люблю, / Люблю как вольную струю, / Люблю как жизнь мою...*). Здесь также наблюдается характерная для палимпсеста инверсия: черкешенка обучает русского языку, оживляет его, как бы предуготовляя ему возможность воскрешения (как мы показывали в параграфе, воскрешение пленника было бы невозможным без артикулированной исповеди, спровоцированной черкешенкой); грузинка и рыбка погружают Мцыри в сон, в свою очередь подготавливая его не к воскрешению, но к смерти.

Отказ Мцыри «взойти» в саклю, где живет грузинка, также объясняется через обращение к «претексту». Дело в том, что Пушкин, как убедительно показал О. А. Проскурин, воспользовался сюжетной схемой «Бедной Лизы» Карамзина, чтобы сообщить поэме необходимый эпический каркас [10, с. 120–121]. Вследствие этого отношения русского пленника и черкешенки окрашиваются в «идиллические» тона (пленник, к слову, занимается в плену тем, что пасет стада, – Пушкин отводит ему, по выражению Проскурина, роль «пасторально-идиллического героя, кавказского Дафниса» [10, с. 121]). В «Кавказском пленнике» в сравнении с сентименталистской повестью изменяется мотивировка целомудрия героев – это душевное омертвление русского, его охладевшее сердце. Наконец, невозможность брака русского и черкешенки весьма интересно подкрепляется «райским» подтекстом, актуализируемым событием воскрешения пленника (если придерживаться мысли, что пребывание русского в плену равносильно его очищению, после чего перед ним открывается путь к вечности): «В воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как ангелы божи на небесах» (Матф. 22:30).

В поэме «Мцыри» любовный конфликт как таковой отсутствует, однако отказ юноши «взойти» в саклю вслед за грузинкой имеет статус сюжетного события именно за счет соотношения с аналогичным эпизодом в поэме Пушкина. При этом соблюдается закон инверсии: если пленник не мог отвечать на чувства черкешенки из-за душевного холода, то Мцыри не дает покоя *пламенная страсть*, уводящая его от сакли на поиски *потерянного рая*.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что и у Лермонтова, и у Пушкина «память» романтической поэмы трансформирует элегический и идиллический претексты, при этом поэма Лермонтова актуализирует комплекс представлений о рае, залегающий на мифотектонической глубине «кавказского» мегатекста, где Кавказ – вариация на тему мировой горы, соединяющей три вертикально организованных мира. Побег Мцыри в таком случае, на первый взгляд представляющийся «отпадением» ангела от рая, при ближайшем рассмотрении оказывается фазой прохождения испытаний (Ю. В. Манн отмечал, что грузинка и рыбка-русалка воплощают препятствия на пути героя [5, с. 244–245]; имеет место и индивидуальный подвиг – битва с барсом), позволяющих преодолеть отчуждение (горизонтальную оппозицию «свое – чужое») и вступить на путь вечности – приобщиться к вертикальному хронотопу сверхличного бытия, что и происходит в финальной, 26-ой строфе поэмы.

Пресуппозицией нашего исследования выступал тот факт, что поэмы «Кавказский пленник» и «Мцыри» объединены геосоциальной локализацией и комплексом

архетипических мотивов (на мифотектоническом уровне обеих поэм прослеживается протосюжет путешествия в загробный мир), что позволяет отнести их к одному мегатексту (интертекстуальному комплексу). Как видим, данная семантическая структура имеет немалый исследовательский потенциал. На примере рассмотрения поэмы «Мцыри» мы стремились показать продуктивность палимпсестного прочтения художественных текстов, связанных в поле русской литературы особыми интертекстуальными связями вертикального порядка.

Список литературы:

1. Аверинцев, С. С. Рай // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. С. 363–366.
2. Крюкова Е. В. Из истории концепции литературного палимпсеста: теория «белого знания» и «Б-пространства» у Терри Пратчетта // Новый филологический вестник. 2020. № 2(53). С. 48–57.
3. Крюкова Е. В. Прием контаминации в реализации принципа палимпсеста (на материале произведений Т. Пратчетта) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 94–102.
4. Лермонтов М. Ю. Мцыри // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Поэмы. СПб: Издательство Пушкинского Дома, 2014. С. 424–445.
5. Манн Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М., 2007. 518 с.
6. Молчанова Д. А. К вопросу о природе политекстуальных комплексов в литературе // *Studia Litterarum*. 2021. №3. С. 40–55.
7. Молчанова Д. А. К вопросу о соотношении кавказского и сибирского «текстов» русской литературы // Новый филологический вестник. 2022. №1 (60). С. 68–76.
8. Николаев С. И. Русский литературный палимпсест XVIII века: перспективы исследования // Труды отделения историко-филологических наук 2007. РАН. Отд. историко-филологических наук / отв. ред. академик А. П. Деревянко. М., Наука, 2009. С. 462–467.
9. Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении. Коллективная монография / под ред. В. И. Тюпы. М.: Intrada, 2014.
10. Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
11. Пушкин А. С. Кавказский пленник // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3. Поэмы, Сказки. С. 87–119.
12. Тамарченко Н. Д. ПОЭМА // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Intrada, 2008. С. 180–182.
13. Тюпа В. И. Палимпсестное прочтение художественного текста // «Учености плоды»: сб. к 70-летию профессора Ю. В. Шатина / под ред. С. Ю. Корниенко и О. С. Ласкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 10–22.
14. Фатеева Н. А. Поэт и проза: книга о Пастернаке. М., 2003.
15. Шатин Ю. В. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина в русской исторической беллетристике первой половины XIX века. Новосибирск, 1987.
16. Genette G. *Palimpsests: Literature in the Second Degree*, University of Nebraska Press, 1997.

УДК 82

Д. В. Петрова
**СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ТАНКОВА**

В статье рассматриваются стихотворения современного петербургского поэта Александра Танкова. Целостный анализ поэтической системы позволяет определить, что доминирующими способами субъектной организации лирического текста в творчестве Танкова являются лирический герой и диалогизированная лексика.

Ключевые слова: субъектная организация; лирический герой; диалогизированная лексика; современная поэзия; Александр Танков.

D. V. Petrova
SUBJECT ORGANIZATION OF LYRICAL WORKS BY A. TANKOV

The article analyzes poems by modern poet Aleksandr Tankov from Saint Petersburg. The holistic analysis of the poetic system discovers that the lyrical subject and the dialogized speech are prevailing methods of subject organization of lyrical works by Tankov.

Key words: subject organization; lyrical subject; dialogized speech; modern poetry; Aleksandr Tankov.

Александр Танков – ныне живущий петербургский поэт, руководитель ЛИТО А. С. Кушнера. Стихотворения Танкова получили признание и высокую художественную оценку со стороны знаковых фигур отечественной литературы (Т. Бек, Ю. Колкера, А. Кушнера, Е. Невзглядовой), были удостоены поэтической премии имени Анны Ахматовой (2004) и премии поэтического конкурса имени Бродского (2014), публиковались в отечественных, международных и зарубежных журналах и переводились на другие языки. Несмотря на это, творчество Александра Танкова широкой аудитории не известно, и в этой статье мы постараемся частично ликвидировать это, без сомнения, упущение.

Согласно нашим изысканиям, в поэтической системе Танкова присутствуют два вида субъектной организации – лирический герой и диалогизированная лексика.

Прежде чем говорить о лирическом герое в поэзии Танкова, обозначим, какой именно смысл мы вкладываем в понятие ‘лирический герой’, так как в его толковании существуют расхождения.

Мы опираемся прежде всего на работы Л. Я. Гинзбург и Б. О. Кормана, а также на ёмкую, но точную и глубокую статью И. Б. Роднянской в КЛЭ. Названные исследователи сходятся во мнении, что лирический герой – это такая форма выражения авторского сознания, при которой личность является «не только субъектом, но и объектом произведения, его темой, которая раскрывается в самом движении поэтического сюжета» [5, с. 159]. Согласно Корману, в облике лирического героя прослеживается некое единство, прежде всего внутреннее, идейно-психологическое: «В разных стихотворениях раскрывается единая человеческая личность в её отношении к миру и самой себе» [6, с. 57].

И Корман, и Гинзбург считают, что «с единством внутреннего облика *может* (курсив наш. – Д. П.) сочетаться единство биографическое» [6, с. 57], и «настоящий лирический герой *чаще всего* (курсив наш. – Д. П.) зрительно представим», то есть обладает наружностью

[5, с. 162]. В лирической же системе Танкова его биография и внешность представлены крайне слабо. Сведения, собранные нами по крупицам, факультативны: мы знаем только, что автор курит, имеет, возможно, еврейские корни и принадлежит к питерской интеллигенции.

Однако это положение требует уточнения. Согласно Н. Александровой, написавшей статью об Александре Танкове в энциклопедическом словаре о современных литераторах Санкт-Петербурга [1], поэтика Танкова тесно связана с поэтикой Мандельштама. Хотя у Мандельштама собственная личность «не была средоточием поэтического мира» [5, с. 365], авторское восприятие проявлялось настолько ярко и самобытно, что позволило исследователям говорить о лирическом герое Мандельштама без поиска сходений биографического автора и субъекта сознания в лирике. И в этом, на наш взгляд, Танков и Мандельштам похожи: хоть в поэзии Танкова и нет ярких биографических черт, мировоззрение его проявляется столь пронзительно, что есть основания для описания лирического героя в лирике поэта.

Для лирического героя Танкова характерно стремление из нематериального сделать осязаемое, материальное. Рассмотрим это на примере стихотворения «Ах, наверное, нас научил Фома...»:

Ах, наверное, нас научил Фома
Грозовому неверью ночной реки.
Как на ощупь можно сойти с ума,
Темноту, как птицу, кормя с руки.
Я уже не тот, за кого меня
Принимают камни, трава, кусты,

У ночной грозы попросив огня,
В темноту, как в рану, вложив персты.
И покуда время журчит в ночи
И деревья учат язык дождя,
Об одном и том же навзрыд молчи,
В темноту, как в воду, по грудь войдя [8, с. 108].

На первый взгляд это стихотворение кажется символистским: из образов ночной грозы, у которой можно попросить огня, сумасшествия «на ощупь», темноты, настолько плотной, что в неё можно войти как в воду, складывается семантическое поле казней египетских. Согласно книге Исход (Исх. 7–12), из десяти казней, которые бог наслал на египтян из-за неповиновения фараона, седьмая представляла собой гром, молнии и огненный град (Исх. 9:23–24) [<https://azbyka.ru/biblia/?Ex.9&t>], девятая – тьму, столь густую, что она сковывала движения египтян (Исх. 10:22) [<https://azbyka.ru/biblia/?Ex.10&t>]. Об одном и том же «молчать навзрыд» может еврейский народ, веками подвергавшийся гонениям и притом не привыкший роптать на судьбу. Имя «Фома» также отсылает нас к Библии и укладывается в ряд библейских отсылок, которыми насыщен данный текст.

С другой стороны, стихотворение противится только такому прочтению. Библейские аллюзии здесь – не самоцель, не проверка на начитанность. Да, текст начинается с упоминания Фомы, который искушает нас анализировать образы в контексте Священного Писания, но Фома же нас от этого пути отводит. Ведь именно он научил нас «неверью» – нужно

увидеть и почувствовать, прежде чем принять что-то за истину. И при более внимательном прочтении текста мы видим, что все образы стихотворения для лирического героя не символически, а материальны. Поэтому лирический герой утверждает, что сойти с ума можно «на ощупь», поэтому кормит темноту с руки, как птицу, и вкладывает в неё персты, как в рану, и входит в неё, как в воду – настолько она для него осязаема. Восприятие героя так тактильно, что он даже слышит «журчание времени» и распознаёт в неразборчивом шорохе дождя язык, который можно выучить. И с таким обострённым восприятием мира, где любой звук имеет смысл, любое явление – текстуру, любое молчание будет «навзрыд».

Также отметим, что из стихотворения в стихотворение, из цикла в цикл перетекают одни и те же слова – чаще всего они обозначают материал или цвет, причём не обязательно, чтобы предметы, о которых говорит лирический герой, в действительности обладали такими характеристиками («глагол ртутный», «слюдяная весна», «гремучая бронзовая латынь», «жестяной язык ливня», «луны золотой купорос», «воздух прокуренный рыж», «шершавый, приснившийся язык», «хрупкий снег и чёрен, и лилов», «шепелявых, потных лип» и прочее) [8].

Танков объединяет ощущение цвета, звука и фактуры. Его восприятие мира можно назвать синкретическим, а лирику – «слипшимся комком» [9, с. 112], который не поддаётся разъединению, распутыванию: анализ отдельных слов, образов и аллюзий часто ни к чему не приводит (см. «Ах, наверное, нас научил Фома...», «Командирский перепляс», «Как берёза рано заболела нежным золотом...», «Проснёшься как-нибудь в скрипичном декабре...»); важно, скорее, восприятие стихотворения как единого целого. «Среди паутинных сплетающихся нитей этой мировой совокупности нужно ли различать что-нибудь отдельное?» [2, с. 224] – писал Ю. Айхенвальд о лирике Фета, но нам кажется, эти слова применимы и к поэзии Танкова, в чьих стихотворениях, как и у Фета, возникает «нераздельное единство несказанных впечатлений» [2, с. 224].

Другой особенностью лирического героя Танкова является его отношение к языку, созвучное с мифологией языка Бродского. Язык для Танкова – самостоятельная величина, самостоятельное явление, самостоятельный феномен, который уже существовал до отдельного поэта и его поэзии. «Язык – это важнее, чем Бог, важнее, чем природа, важнее, чем что бы то ни было иное...» [3, с. 143].

Поэтому язык в поэзии Танкова часто перерастает своё привычное лексическое значение. Язык – не система, не способность говорить и передавать свои мысли, язык – сама суть существования лирического героя:

Это слово вольётся оловом
В горло самое, до дна.
Междометием ментоловым
Стынет в нёбе новизна.
Не узнают тебя при встрече –
Новый взгляд изменил лицо.
Частью ночи и частью речи,
Тяжкой дланью ложась на плечи
Выходящему на крыльцо.
Нерастроченный страх и трепет,
Как плоты, проведя по реке,

Встрепенёшься в чужой реке,
И звезда просквозит и скрепит
Стопку неба в черновике [8, с. 169].

Язык – больше, чем средство общения, то, что можно только прочувствовать, прожить:

На каком языке дышу, на каком целую,
На каком языке, задыхаясь, тасую звуки,
На каком языке не люблю эту зиму злую,
Её почерк армейский, её ледяные руки? [8, с. 102]

И тишина, молчание здесь – не антоним языка, но органичная, неотъемлемая его часть: не нужно поминать всуе то, чем живёшь:

Мы с тобой говорили на том языке,
На котором молчит полынья на реке,
На котором болит за грудиной [8, с. 97].

Кроме того, язык у Танкова – тот же, о котором писал М. Лермонтов в стихотворении «Есть речи – значенье...»: для лирического героя Танкова слова действительно рождены «из пламя и света», они антецедентны, из них и строится мир, и потому именно к ним, вслед за лирическим героем Лермонтова, готов броситься и герой Танкова:

До чего же звезды измельчали!
Ни одной не хватит прикурить.
Больше нет ни счастья, ни печали,
Только слово, бывшее вначале,
Все еще пытаюсь повторить [8, с. 149].

Такая роль языка в поэзии Танкова позволяет понять, почему словом владеет (или может им овладеть) не только лирический герой, но и представители окружающего мира: дождь, оттепель, деревья, ночь – и чаще всего язык есть у воды («злая заумь оттепели», «деревья учат язык дождя», «ливень кричал», «И зачем этот ливень со мной говорит / На своём жестяном языке?»). Здесь – снова переключка с философией Бродского: для него язык и время были тождественны. Образ времени, в свою очередь, часто передаётся (как в поэзии в целом, так и в поэзии Бродского в частности) через метафору воды. И если в стихотворении «Говори, говори! По заблудшим кустам...» мы рассмотрим образ дождя как метафору времени, окажется, что перед нами не пейзажная лирика, не бытовая зарисовка о дождливом дне, а обращение ко времени, которое нужно принять как должное, ведь «времена не выбирают, в них живут и умирают» – афоризм из стихотворения Александра Кушнера, учителя Танкова:

Говори, говори! По заблудшим кустам,
По садовым дорожкам, по крышам,
Говори, расставляй ударенья не там –

Наплевать, говори, мы услышим!
Говори, мы поймём, мы найдём словари,
Рубероид – плохой переводчик,
Всё равно на каком языке говори,
Мы поймём, мы прочтём между строчек.
Повторяясь, сбиваясь, спадая с лица,
Говори, – мы промокнем до нитки,
Но поймём твою речь до конца – от крыльца
До зелёной и мокрой калитки [8, с. 99].

Одним из основных элементов языкового мифа является «захват» пишущего языком. Бродский объяснял это явление так: «Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования. ... Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. ... Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом» [3, с. 52–54].

На наш взгляд, именно этот «захват» помогает объяснить то, почему анализировать стихотворения Танкова по отдельным строкам, отдельным образам очень трудно, практически невозможно – ускользает не только смысл этих строк и образов, но и всего стихотворения в целом. Но если Танкова влечёт язык, если именно он диктует поэту следующую строку, чтобы стихотворение оказалось неразрывным и за счёт этого – сильным, поражающим читателя текстом, это понятно и допустимо.

Наконец, в ряду особенностей лирического героя Танкова можно выделить его интерес к библейским историям («Ах, наверное, нас научил Фома...»), античным сюжетам («Троянский цикл»), историческим событиям («Половецкая пляска», «Хромая полька») и современной действительности («Обучаешься заново речи...», «В том проходном дворе – во сне, на самом дне...»). Часто эти аллюзии переплетаются в рамках одного цикла («Шесть свечей», «Имя снега», «Пляска смерти») или даже стихотворения («Песня о розах», «Ослепление Полифема», «Что это так темнеет рано?...»).

При этом нельзя назвать переплетение этих тем «слипшимся комком»; это, скорее, «обратный» синкретизм, потому что темы не являются неразделёнными, нерасчленёнными из-за их незрелости, наоборот, Танков намеренно создаёт нарезку из образов и готовых клише, создавая мозаичность текста.

Так происходит, например, в стихотворении «Зябко, зябко уткам в слюдяной полумёртвой реке...»:

Зябко, зябко уткам в слюдяной полумёртвой реке.
Из каждого ларька доносится одинаковая дешёвая попса.
Не согреть даже в самой теплой руке
Этот день, растворимый, как аспирин Упса.
Может быть, нас давно уже перевез куда надо Харон,
А мы и не заметили, что стало что-то не так, –
То ли когда мы ехали в теплом маленьком автобусе с похорон,
То ли когда в монетоприемник опускали стертый пятак.

Впрочем, что это я, какие сейчас пятаки.
Сколько платят Харону? Что друг другу на веки кладут?
Сколько стоит прогулка вдоль полумертвой реки,
И, когда растают сугробы, что под ними найдут? [8, с. 105]

В первых четырёх строках стихотворения – бытовая зарисовка об обычном, даже пошловатом дне – с попсой из ларьков и аспирином Упса из рекламных роликов. Однако в следующем стихе упоминается Харон – перевозчик душ умерших через реку Стикс, и пространство Петербурга (именно там, как мы помним, проживает лирический герой) становится загробным миром.

Танков перенимает мотив Петербурга как «страны мёртвых», особенно популярный среди поэтов Серебряного века. И если первое упоминание «слюдяной полумёртвой реки» воспринимается нами как описание Ждановки, Крестовки, Мойки (или любого другого петербургского водоёма), то слова «прогулка вдоль полумёртвой реки» отсылают уже к Стиксу – реке подземного мира. Причём концовка стихотворения вынуждает вернуться к его началу и задуматься: а не есть ли вся эта мирская пошлость, эти оттаявшие по весне пятаки верными признаками ада, в котором мы все, на самом деле, и существуем, и куда нас «давно уже перевёз» Харон?

Таким образом, для лирического героя Танкова характерно стремление из символического сделать осязаемое, материальное; особое восприятие языка; интерес к библейским и античным сюжетам, историческим событиям, сегодняшней действительности. Важно, что все эти признаки органично сосуществуют в поэзии Танкова и не продиктованы стремлением выделиться из ряда современных поэтов. Интонация стихотворений Танкова проста и естественна: поэт знает, что хочет сказать и как это сделать, и все вышперечисленные признаки помогают ему достигнуть этой цели.

Как уже было сказано, лирический герой является субъектом изображения в большинстве стихотворений Танкова, но важно проанализировать и те тексты, где встречается диалогизированная лексика, чтобы подчеркнуть своеобразие субъектной организации лирики Танкова.

На наш взгляд, выделить ролевую лирику в лирической системе Танкова нельзя: в его стихотворениях присутствуют именно авторские интенции, и было бы неправильным излишне жёстко объективировать их в качестве «героя» [4, с. 27]. В стихотворениях циклов «Шесть свечей», «Пляска смерти», «Песни северо-западных славян» наблюдается интенциональная форма введения «другого» [4, с. 178]: высказывания героев построены от лица такого «я», в котором совмещены персонифицированный образ (который может быть и исторической личностью, и собирательным образом еврея, присутствующим в сознании современника, и библейским персонажем) и начитанный поэт-интеллигент, который обогащает текст аллюзиями – культурными, библейскими, античными. Иными словами, Танков стремится изобразить не близкий к действительности образ «героя», а пропустить этот образ через призму своего сознания; для поэта, таким образом, важна позиция, а не фигура рассказчика.

Так, в цикле «Шесть свечей» все стихотворения пронизаны авторскими интенциями. Все «другие» в этом цикле так или иначе связаны с еврейским народом: в «Рождестве» повествование ведётся от лица волхвов, в «Избиении младенцев» – от лица нацистов, называющих себя «слугами Ирода», в «Преображении» – от лица Иисуса Христа.

Из-за авторских интенций в диалогизированной лирике Танкова сохраняется характерное для его поэзии смешение времён, событий и личностей, понимаемое в целом, но сложное для анализа. Это ярко проявляется в стихотворении «Поклонение волхвов»:

Когда нас вели, подгоняя пинками,
Штыками и окриками. Когда
Нас гнали к вокзалу, как гонят стада
На бойню, как нас изгоняли веками –
Мы в землю смотрели, чтоб вас не смущать.
Ты хочешь, чтоб мы научились прощать?
Из окон, дверей, чердаков и подклетей
Нам что-то кричали, махали руками,
Чтоб мы не забыли позор и вину,
С которой сроднились за двадцать столетий.
Тот вез на тележке больную жену,
А этот шатался под тяжестью гроба.
Скрипач неуверенно трогал струну,
И ребе лелеял свою седину,
И чей-то костылик торчал из сугроба.
Когда нас вели, то с обеих сторон
Дороги толпа понемногу редела:
У каждого было какое-то дело,
И сделалось небо черно от ворон,
И колоколом безъязыким гудело.
И в этой редющей быстро толпе
Был некто невидимый, в черной кипе,
В разбитых очках, в пиджаке от Lacosta.
Он выкрикнул, выбросив в небо кулак:
«Ты выдумал сам Колыму и Гулаг,
Ты сам запустил лохотрон Холокоста,
Чтоб нами детей христианских страшать!
Ты хочешь, чтоб мы научились прощать?»

Когда мы дошли до окраин Москвы,
Средь нас оказались случайно волхвы.
Один наклонился над спящим младенцем,
Вздыхнул умиленно и сделал козу.
Другой прошептал, вытирая слезу:
– Мы шли в Вифлеем, а попали в Освенцим!
Кому же теперь поднесем мы дары –
Слоновую кость, золотые шары
На воском закапанной ветке еловой,
Мешок сухарей и полфунта махры,
И ладан, и мирру, и хлеб из столовой?
Нам в спину смотрели чужие дворы,

Крестились, и мерзлые бревна пилили,
И поровну наши пожитки делили.
И вскоре наш путь завершился – когда
В морозной ночи засияла звезда [8, с. 14].

Строки данного стихотворения наполнены «болезненными» образами, которые передают страдания еврейского народа, пережившего репрессии и столкнувшегося с несправедливостью. Вопрос «Ты хочешь, чтоб мы научились прощать?» повторяется кем-то из гонимых евреев несколько раз, но не подразумевает ответа. И хотя в этом вопросе заключены боль, злость и непонимание того, за что приходится терпеть муки, герои стихотворения не позволяют эмоциям взять вверх и смутить ими мучителей.

Время-пространство произведения неоднозначно: упоминаются Холокост (Германия и страны-союзники, 1933-45-е годы) и Освенцим как его составная часть, Колыма и Гулаг (Советский Союз, 1930-50-е годы); волхвы же пришли в Вифлеем задолго до этих событий, и непонятно, как они оказались на «окраинах Москвы». Опять же, анализ хронотопа стихотворения ничего нам не даст, но это неразличение, переплетение времён помогает понять посыл стихотворения: как бы ни была трагична и многострадальна история еврейского народа (и человечества в целом), в жизни всегда есть место надежде:

И вскоре наш путь завершился – когда
В морозной ночи засияла звезда.

Любопытно в плане проявления авторских интенций стихотворение из цикла «Песни северо-западных славян», которое в сборнике «Хвала и слава» от 2013 года дано под заглавием «Песня о смерти», а в журнале «Семь искусств» (в выпуске от того же года) называется «Песня о пятом марта» [7]:

Умирая в кремлевской квартире –
В той, которая стала тюрьмой,
В кабинете, в прихожей, в сортире
Или где там еще, боже мой,
Он пытался понять – в чем же дело?
Он теперь – как простой генерал,
Тот, который, дойдя до предела,
На глазах у него умирал,
Неприличную пьесу играя,
Обнимая сапог палача
И дурной своей кровью марая
Гимнастерку с чужого плеча...
Поднимаясь из лужи блевоты,
Подвывая, как пес на луну,
Он хрипел: На кого, на кого ты
Оставляешь больную страну?
Ведь они без меня... ведь они же
Словно дети! Их надо пасти!

И сползая все ниже и ниже,
И сжимая таблетки в горсти,
Он рыдал, как нигде и ни разу,
Даже в том, сорок первом году...
Мне, наверно, вкололи заразу!
Дай мне срок, я иуду найду!
Дай еще мне хотя бы немного!
Лет пятнадцать! Ну, десять! Ну, два!
Я их вижу – идущих не в ногу...
Извини, забываю слова...
Я прошу как собрата, как бога,
Мы-то знаем – потери не в счет,
Мы-то знаем с тобой, как убога
Эта жизнь, что под нами течет.
Мы – другие! Сильнее, мудрее
Миллионов, идущих под нож.
Кулаки, командиры, евреи –
Ты меня, как товарищ, поймешь!
Сколько можно разыгрывать страсти
По Иосифу? Видишь ли, я
Не насытился воздухом власти,
Не напился вином бытия!
Ты обязан пойти мне навстречу!
Я еще никого не просил!
Ты ответишь!
– Конечно, отвечу:
Мэне тэжел фарес упарсим [8, с. 42–43].

То, что речь идёт об Иосифе Сталине, мы понимаем и по второму варианту заглавия (пятое марта – день смерти генсека), и по выражению «страсти по Иосифу» («страсти по...» – выражение, которое изначально имело смысл, восходящий к библейским событиям). Но стихотворение не является зарисовкой исторического события: оно построено как обращение Сталина к богу. При этом ни Сталин, ни бог – не герои ролевой лирики, а присвоенное сознание: Танкову, как мы уже сказали, важны не фигуры героев, но их позиция.

В стихотворении умирающий генсек обнажает свою одержимость властью и бесконечное желание контролировать людей и события:

Ведь они без меня... ведь они же
Словно дети! Их надо пасти!

Сталин считает себя равным богу и потому лучше, выше других людей – настолько, что даже на их «убогую» жизнь взирает с высоты:

Я прошу как собрата, как бога,
Мы-то знаем – потери не в счет,

Мы-то знаем с тобой, как убога
Эта жизнь, что под нами течет.
Мы – другие! Сильнее, мудрее
Миллионов, идущих под нож.
Кулаки, командиры, евреи –
Ты меня, как товарищ, поймешь!

Интересно, что Сталин выпрашивает у бога ещё несколько лет жизни («Лет пятнадцать! Ну, десять! Ну, два!»), уверяя, при этом, что о подобных уступках он «ещё никого не просил». И здесь стихотворение удивительным образом переплетается с 38-м псалмом Давида (Пс. 38), который говорит: «...был нем и безгласен» (3), но «воспламенилось сердце моё во мне; ... я стал говорить языком моим: скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, ... И ныне чего ожидать мне, Господи? надежда моя – на Тебя» (4–8).

Но надежда Сталина на божественный ответ оборачивается библейской фразой «мэне тэкем фарес упарсим». Слова эти были начертаны таинственной рукой (здесь – снова переключка с псалмом Давида: «я исчезаю от поражающей руки Твоей» (11)) на стене во время пира Валтасара незадолго до падения Вавилона. Слова эти в переводе означают «взвешен, измерен и признан недостойным» и позволяют понять, что надежде Сталина на то, чтобы «насытиться воздухом власти» и «напиться вином бытия» не суждено сбыться: он признан недостойным правителем, и время его власти подошло к концу.

Таким образом, мы можем говорить о наличии в субъектной организации лирики Танкова не только лирического героя, но и диалогизированной лирики. При этом «другой» в художественной системе Танкова принят внутрь «я» (как одна из его интенций) и всегда сохраняет в той или иной степени свою осязаемую «другость» [4, с. 178].

Список литературы:

1. Александрова Н. Танков Александр Семёнович [электронный ресурс] // Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век». URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/t-267/tankov> (дата обращения: 27.03.2023).
2. Балашова Е. А. Русская классика: от Н. В. Гоголя до А. А. Фета. Учебник для высшей школы по истории русской литературы XIX века. 2-е изд., испр. и доп. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2016. 254 с.
3. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского. В 7 т. Т. 6. СПб.: Пушкинский фонд, 2003. 456 с.
4. Бройтман Н. С. русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М.: Российский гуманитарный университет, 1997. 307 с.
5. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974. 408 с.
6. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М. Просвещение, 1972. 111 с.
7. Танков А. Песни северо-западных славян [электронный ресурс] // Семь искусств, 2013. № 11 (47). URL: <https://7iskusstv.com/2013/Nomer11/Tankov1.php> (дата обращения: 15.04.2023).

8. Танков А. С. Хвала и слава. Стихотворения. Иркутск: Издатель Сапронов, 2013. 304 с.
9. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

Maximum Education, ООО «Юмакс», Калуга, РФ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 81'42:808

М. Л. Васильева, Л. Г. Васильев

**ОБ ОДНОМ СОЦИОПРАГМАТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ ТРАКТОВКИ
ВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ:**

РЕЦЕНЗИЯ НА:

**BOYER A. R. LIFTING «THE LONG SHADOW»: KATEGORIA AND APOLOGIA IN
THE LEGACY OF THE TUSKEGEE SYPHILIS STUDY: PH.D DISSERTAION.
PITTSBURGH: UNIVERSITY OF PITTSBURGH, 2010. 261 p.**

Рассматриваются содержательные составляющие контакто-возрождающего аспекта общения, направленные на поддержание социумных взаимоотношений в ситуациях разрешения конфликта. В качестве предмета выбирается дискурсивный комплекс извинения. Анализируются результаты исследования коллективного извинения в диссертации О. Бойер по социопрагматике дискурса.

Ключевые слова: дискурсивный жанр; извинение; компоненты Извинения; риторическая ситуация; сущностные признаки.

M. L. Vasileva, L. G. Vasilev

**ON A SOCIO-PRAGMATIC ASPECT OF CONSIDERING VERBAL
COMMUNICATION:**

REC. AD OP:

**BOYER A. R. LIFTING «THE LONG SHADOW»: KATEGORIA AND APOLOGIA IN
THE LEGACY OF THE TUSKEGEE SYPHILIS STUDY: PH.D DISSERTAION.
PITTSBURGH: UNIVERSITY OF PITTSBURGH, 2010. 261 p.**

The article characterizes content components of the contact-restoration aspect of communication aimed at social interrelations in situations of conflict resolution. The discursive complex of Apology is taken as the subject of research. The authors analyze the results of studying collective apology in A. Boyer's PhD dissertation in discourse socio-pragmatics.

Keywords: discourse genre; apology; components of apology; rhetorical situation; content features.

Вербальное общение в фатическом плане представляет собою средство установления, поддержания, развития, оптимизации социальных связей [1]. Социопрагматический смысл изучения названных факторов заключается в числе прочего в рефлексии над средствами обеспечения фатики. Важным здесь можно считать размышление над ситуациями конфликта, когда участниками общения преследуется цель не усугублять его, а устранять или, по меньшей мере, смягчать. К таким ситуациям, несомненно, относятся ситуации Извинения (далее терминологически релевантные для изложения компоненты маркируются инициальными заглавными буквами). При этом Извинение может рассматриваться не как изолированный речевой акт, а как семиотический комплекс, содержащий ряд необходимых и сопутствующих компонентов. К необходимым следует отнести: признание и оценку Проступка; признание Вины; выражение Раскаяния; вербализация собственно комиссивного (по [7])

акта Извинения; обещание неповторения Проступка впредь; предложение о возмещении Вреда [2, с.5].

Настоящая статья посвящена анализу одного из перспективных подходов к Извинению как дискурсивному жанру. В качестве исследовательского материала взято социологическое диссертационное исследование (Отэм Бойе – Autumn Boyer), посвященное лишь одной публичной речи – извинению Б. Клинтона. Риторическая ситуация произнесения речи предусматривает (вслед за Л. Битцером – [3]) разрешение речевыми средствами проблемы коммуникативного плана, выросшей из проблемы социополитического характера.

Инцидент (Проступок) в г. Таскиги, штат Алабама связан с проведением там в период 1932–1972 гг. бесчеловечного эксперимента, предусматривавшего наблюдение экспериментаторами за развитием латентного сифилиса у 399 афроамериканцев, намеренно не получавших соответствующего лечения. Об этом общественности стало известно из статьи в Нью-Йорк Таймс от 26.07.1972. Эксперимент проводился медицинской комиссией по указанию федерального министерства здравоохранения. Жертвам позже были выплачены репарации, что явилось фактическим признанием вины, но официального извинения принесено не было. По этому вопросу решением Конгресса США был создан специальный Комитет по наследию (Legacy Committee), который опубликовал в адрес действующей президентской администрации послание с требованиями принесения извинения и организации более широких мер по возмещению материального (здоровью пострадавших) и морального вреда. Данная ситуация и была рассмотрена в диссертации О. Бойер с позиций эффективности реагирования Б. Клинтона на упомянутый запрос.

В настоящей статье мы изложим подход О. Бойер с акцентированием системных параметров дискурсивного жанра Извинение чтобы прояснить, что представляет собою Извинение данного типа.

Концепция О. Бойер [4] основана на предшествующих теоретических (не-лингвистических) изысканиях других авторов – по хронологии: Н. Тавучиса [9], А. Лазара [6] и Н. Смита [8].

Согласно О. Бойер, для определения Извинения нужно выявить сущностные признаки Извинения и то, когда оно уместно и в отношении кого. Отталкиваясь от прототипического варианта Извинения – межличностного (индивидуального) – автор вслед за А. Лазаром [6] выделяет четыре его конститутивных признака: (1) признание совершения Проступка; (2) принятие ответственности за совершенный Проступок; (3) выражение Раскаяния (*remorse*); (4) намерение Компенсации Вреда путем принесения Извинения. Мы даем (курсивом) собственную категоризацию этих признаков, экспликация которых приводится непосредственно автором [4, с. 116–122] безотносительно к по-факторному распределению.

1) Вербализация признания Проступка включает 3 компонента:

(а) *межличностный фактор*: идентификацию Обиженного;

(б) *референциальный фактор* (собственно действия, причинившие Вред);

(в) *социальный фактор* (нормы, которые были нарушены, и которые с Обиженным разделяет Обидчик как «морально состоятельный» субъект).

2) Принятие ответственности включает *акционально-самооценочный фактор* – это личный аспект ответственности: Обидчик не снимает вины с себя и не перекладывает ее на другого – тем самым демонстрируется уважение к Жертве.

3) Выражение раскаяния (*манифестационно-психологический фактор*) подразумевает осознание вины (А. Лазар), чувство стыда, унижения и искренности (Н. Смит); это

означает также и то, что Обидчик не желает повторения Проступка (по крайней мере, в момент принесения Извинения) – хотя никаких доказательств этому он приводить не обязан: это лишь признак намерения, не более того.

4) Компенсация для Жертвы может означать улучшение настроения последнего в результате Извинения. Но это, скорее, *перлокутивный фактор*, не гарантирующий наступления (немедленно или в будущем) планируемого состояния Жертвы, но влияющий на хронолог, содержание и выбор способа передачи, чтобы улучшить состояние Жертвы.

Конститутивный аспект рассматривается совместно с прогностически реактивным (со стороны адресата и прочих коммуникантов), который помогает понять, Извинение (apology) это или нет. О. Бойер рассматривает здесь три ситуационных фактора (этот момент представляется методологически значимым в плане учета риторической ситуации (по [3]):

(а) когда субъект, приносящий Извинение, не считает виновным или ответственным за Проступок себя, полагая, что его нельзя обвинять – перед нами попытка самооправдания, а не Из (*отсутствие принятия ответственности за Проступок*);

(б) когда такой субъект считает свои действия оправданными – а за правильные поступки не извиняются (*отсутствие существенных признаков Проступка*);

(в) когда субъект выражает сочувствие, но не признает собственной Вины – здесь, скорее, не Из, а выражение сочувствия (*отсутствие личной причастности к Проступку*);

(г) когда субъект признает Проступок, но не дает искреннего раскаяния (*нарушение условия искренности речевого акта Извинения*);

(д) когда субъект не намерен дать Жертве (моральную) компенсацию, что может усугубить Проступок (*нарушение направленности речеактовой интенции с положительной на отрицательную*).

В трактовке О. Бойер, Из – это коммуникативное событие, в котором все четыре конститутивных признака должны наличествовать в совокупности.

Представляется важным, что в квадрате О. Бойер упущены из внимания следующие факторы:

(А) Степени Вреда (а это существенно для самой потребности принесения Извинения – за незначительные Проступки часто нет нужды извиняться, поскольку достаточно выражения сожаления или эмпатии и наоборот, иногда степень вины столь велика, что Жертва не желает общаться с Обидчиком и даже выслушивать его Извинение);

(Б) вербализации Извинения (автор – как, между прочим, и Н. Смит [8] – лишь описывает случаи конструкций с *sorry*, вполне очевидно не имеющих отношения к Извинению, но оставляет без комментария крайне важный, на наш взгляд, вербализатор Извинения *I apologize*). При всей убедительности рассуждений О. Бойер ее сосредоточение на социальных (межличностных) аспектах и невнимание к вербализации следует учитывать при лингвистическом рассмотрении проблемы.

Личные / Индивидуальные Из (ситуация 'One-to-One')

Из имеет многофакторную природу. Эти факторы – собственные внутренние потребности Обидчика, давление со стороны Жертвы и иных коммуникантов и др.

Внутренние потребности: (а) вновь обрести собственный гомеостаз морально-социального плана, а для этого – испытать Раскаяние получить прощение от Жертвы и выйти из ситуации конфликта; (б) осознать и реализовать собственные убеждения или профессиональные причины о необходимости извиниться.

Социальные (тактические) потребности – уважение и учет целей Жертвы и иных коммуникантов, которые могут не совпадать с ориентациями Обидчика. При этом Прощение, вслед за А. Лазаром, не приравнивается к *снятию* Вины или тому, что Проступок забывается вовсе. Прощение может вообще преследоваться как цель Из (как в случае с Таскиги).

Респонсивные (стратегические) потребности: заставить Жертву и иных коммуникантов изменить мнение о себе, Обидчике – его репутации и социальной идентичности.

Вина за Проступок вменяется субъекту лишь в некоторых случаях Проступка (например, в случае длительного не-принесения Извинения). Субъектами, запрашивающими Извинение, могут быть не только сам Обидчик (с его чувством страха последствий, и тогда это, по Н. Тавучису, не-истинное Извинение), Жертва (со стремлением получить моральное облегчение или репарации), но и третьи лица (считающие Из выполнением морального долга или выступающие как представители интересов Жертвы).

Из за другое лицо обычно не связано с чувством раскаяния и стыда, и потому не является истинным Извинением, т.е. личная ответственность за личные действия считается у О. Бойер существенным признаком Извинения [4, с. 138].

Институциональные / Коллективные Извинения (ситуация ‘Many-to-Many’).

Первый элемент Many в трактовке О. Бойер означает официальное лицо, приносящее Из от имени группы / коллектива (мы употребляем эти понятия недифференцировано).

Коллективное Извинение – это сожаление (regret), приносимое организацией или индивидом от имени организации, оно, по О. Бойер, имеет существенные отличия (пп.2, 3) от личного Извинения. Само понятие ‘Коллективное Извинение’ не всегда четко определяется у О. Бойер и может означать разные вещи.

(1) Не-репрезентативное Коллективное Извинение за коллектив – когда у оратора нет полномочий на принесение Извинения, и он это делает по собственной инициативе; его высказывания могут быть опровергнуты организацией. Выражается здесь обычно не раскаяние, а стыд или смущение по поводу Проступка виновных, а также эмпатия с Жертвой.

(2) Не-репрезентативное Коллективное Извинение за индивида-члена коллектива, в случае если он не желает или не может извиниться, а организация желает проконтролировать, что именно говорят ее сотрудники. Отсутствие полномочий извиняющегося снижает извинительную иллокутивную силу речи, особенно в случае нежелания извиниться непосредственного виновника, который к тому же мог и не уполномочивать другое лицо извиняться за него. Раскаяния в таком Извинении также нет.

(3) Репрезентативное Извинение за коллектив – когда извиняются за Проступок, наносящий ущерб имиджу коллектива; здесь уже присутствует коллективная ответственность за Извинение.

Важнейшее отличие Коллективное Извинение (apology-by-proxy) от Личного Извинения в том, что в первом субъект Извинения – не обязательно непосредственный Обидчик. Коллективное Извинение может транслироваться изолированно от организации (например, в пресс-релизе), с помощью пресс-секретаря или главы организации, и чаще всего это послание не связано с непосредственными Обидчиками. Делегированные полномочия (standing) на Извинение должны быть реальными, хотя иногда сам институциональный статус лица не требует формального их делегирования (как в случаях государственных/президентских извинений).

В Коллективном Извинении обычно отсутствует искреннее раскаяние (которое возможно, видимо, лишь у непосредственного виновного), а взамен выражается сожаление –

ведь оратор не несет личной ответственности за Проступок. Истинное коллективное раскаяние возможно только в случае крепко спаянного коллектива, но поскольку такие случаи крайне редки, выражение раскаяния в Коллективном Извинении может вызвать подозрение – взамен более уместно выражение искреннего сожаления по поводу совершенного Проступка.

Еще одной проблемой Коллективного Извинения О. Бойер считает «растворение вины» – не-называние конкретных виновных. В этом отношении столь же значимой считается использование общих фраз, которые затегают существо проблемы, но создают «подушку безопасности» для оратора – ведь важной задачей такого Извинения является информирование аудитории о ценностях организации и тем самым сохранение имиджа; аудитория при этом понимается широко, включая не только непосредственных участников речевой ситуации, но и третьих лиц, а также – иные коллективы, включая свой собственный. Этот принцип ‘умножения аудитории’ характерен именно для Коллективного Извинения.

Добавление элементов, не относящихся к собственно вербализации Из, отмечается также в [5], где варианты ‘one-to-many’ и ‘many-to-many’, предложенные в [9], трансформируются в ‘many-to-the-few’. Реакция на Проступок в самой виновной организации предполагает наличие в Из не только признание Проступка, но и действия-коррекции (что обычно отсутствует в Индивидуальном Из) – санкции в отношении виновных, пересмотр политики организации, репарации пострадавшим (ср. подобное в [6]). Даже вербализованные, они, по мнению О. Бойер, не являются непосредственно вербализаторами Из [4, с. 151]. Речь, конечно же, идет о собственно языковом (а не о коммуникативном) аспекте Из, к которому О. Бойер в диссертации почти не обращается.

Для идентификации Коллективного Извинения рассматривается проблема референции Из – за что конкретно оно приносится? Приводятся следующие ответы: ошибочная политика (непродуманные действия; неудачные кадровые исполнительские решения, которые противоречат нормам, являются абстрактными, необоснованно сложными или противоречивыми); не-этичная политика организации (дискриминация, ущемление прав и интересов, неравномерное распределение обязанностей, контр-статусные действия администрации).

Важное отличие Коллективного Извинения от Личного в том, что при признании Проступка и стремлении возместить вред / психологическое равновесие в обоих типах, в Коллективного Извинения оратор обычно не берет на себя ответственности за Проступок, и выражение сожаления и сочувствия не есть Раскаяние.

В целом, подход О. Бойер безусловно аналитичен, анализ речи выполнен тщательно, однако для придания ему большей глубины его необходимо снабдить прагмалингвистическим компонентом.

Список литературы:

1. Васильев Л. Г., Неустроева С. Е. Публичное выступление. Аргументация. Диалог. Ижевск: Алкид, 2018. 138 с.
2. Васильева М. Л. Публичное выступление в американском политическом дискурсе: приёмы содержательного анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018. 18 с.
3. Bitzer L. The Rhetorical Situation // Philosophy and Rhetoric. 1968. No.1. P 1–15.

4. Boyer A. R. Lifting ‘The Long Shadow’: Kategoria and Apologia in the Legacy of the Tuskegee Syphilis Study: PhD Dissertaion. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2010. 261 p.
5. Courtright J. L., Hearit, K. V. The Good Organization Speaking Well: A Paradigm Case for Religious Institutional Crisis Management // Public Relations Review. 2002. No. 28 (4). P. 347–360.
6. Lasare A. On Apology. Oxford: Oxford University Press, 2004. 306 p.
7. Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. iv, 203 p.
8. Smith N. I Was Wrong: On the Meanings of Apologies. Cambridge & New York: Cambridge University Press, 2008. xi, 298 p.
9. Tavuchis N. Mea Culpa: A Sociology of Apology and Reconciliation. – Stanford: Stanford University Press, 1991. 165 p.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 81

Н. В. Кулабухов

**ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕЧЕВОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ
В КАЛУЖСКОЙ ЛИНГВОАРГУМЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ
ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ**

В статье проводится анализ исследований, связанных с оказанием речевого воздействия на адресата. Работы рассматриваются на предмет понимания их авторами данного термина, а также использования различных средств, способствующих достижению речевого воздействия. Предпринимается попытка сгруппировать рассмотренные работы по изученным в них способам оказания речевого воздействия.

Ключевые слова: речевое воздействие; стратегия; тактика; аргументация; интенсивность.

N. V. Kulabukhov

**DISSERTATION RESEARCH ON SPEECH INFLUENCE AT THE KALUGA
LINGUISTIC ARGUMENTOLOGY SCHOOL OF THE LAST DECADE**

The article analyzes the studies related to the making speech influence on the addressee. The works are considered for their authors' understanding of the given term, as well as the use of various means that contribute to the achievement of speech influence. An attempt is made to group the reviewed works according to the ways of providing speech influence studied in them.

Keywords: speech influence; strategy; tactic; argumentation; intensity.

В настоящее время в современном обществе активно развивается наука об эффективном общении, которая называется теорией *речевого воздействия* [21]. В большинстве случаев под речевым воздействием – в широком смысле – понимают речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности. Ведь в любом акте речевого общения коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые в конечном счете регулируют деятельность собеседника [12]. Многочисленные лингвистические исследования (см.: [2; 4; 6; 7; 8; 10; 13; 15; 18; 19; 26] и др.) показывают, что эффективность речевого воздействия достигается за счет использования различных экспрессивных средств языка, уровня аргументации, акцентирования наиболее значимых элементов высказывания. Поэтому в настоящей статье мы решили проанализировать исследования по речевому воздействию последнего десятилетия, выполненные в рамках Калужской лингвоаргументологической школы.

Итак, согласно И. А. Стернину, под речевым воздействием понимается воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [22, с. 45]. Задача речевого воздействия – изменить поведение или мнение собеседника или собеседников в необходимом говорящему направлении. Существует восемь основных способов речевого воздействия на другого человека: 1) доказывание; 2) убеждение; 3) уговаривание; 4) клянченье; 5) внушение; 6) приказ; 7) просьба; 8) принуждение. Речевое воздействие как наука об эффективном и цивилизованном общении должно обходиться без принуждения. Остальные

способы могут быть применены, если для этого будет соответствующая коммуникативная ситуация [22, с. 49–50].

Далее рассмотрим ряд диссертационных исследований, в которых изучалось достижение речевого воздействия с помощью тех или иных средств. Сначала проанализируем диссертации в общем относительно того, что именно изучалось в этих работах с точки зрения речевого воздействия и как их авторами понималось речевое воздействие. Затем попробуем сгруппировать все работы по способам и средствам достижения речевоздействия: с помощью экспрессивных средств языка, аргументации, значимых элементов высказывания и т.п. Работы мы будем анализировать в хронологическом порядке, так как, на наш взгляд, это позволит проследить, как со временем менялись исследования по речевому воздействию.

Начнем наш обзор с диссертации Н. Н. Черкасской «Стратегии и тактики в апеллятивном речевом жанре» [25]. Автором изучаются стратегии и тактики достижения перлокутивного эффекта убедительности апеллятивного речевого жанра (Апеллятива) в двух его письменных разновидностях – официальной жалобе и претензии. Главенствующими стратегиями в Апеллятиве автор называет побудительную и аргументативную, которые функционируют совместно. Аргументативная стратегия реализуется с помощью аргументативных тактик выдвижения Доводов, которые в свою очередь реализуются в линейной структуре текста, где эти тактики находятся в определенном тектоническом взаимоотношении друг с другом. Тектоника предполагает расположение Доводов (а) на одном уровне (простая, множественная, сочинительная аргументация) или (б) на нескольких (подчинительная аргументация). Согласно проведенному автором исследованию, в реальных условиях письменных претензий и жалоб многоуровневая аргументация содержит переплетение типов (а) и (б). В итоге автор приходит к выводу, что тактики выдвижения Доводов классифицируются в соответствии задаваемыми ими структурными типами аргументов, обладающими внутриуровневой функциональной семантикой. Сами структурные типы аргументов представляют собой манифестационный след аргументативных тактик и реализуются в виде ряда типов с разным уровнем глубины и разветвленности. Чем глубже и разветвленнее будет тот или иной тип, тем сильнее будет речевое воздействие. Таким образом, Н. Н. Черкасская исследует достижение речевоздействия за счет количества уровней аргументации.

В работе О. Л. Филатовой «Особенности речевоздействующей функции гендерного дискурса» [24] исследуются стратегии и тактики, языковые единицы и паралингвистические явления, выступающие, соответственно, речевыми и языковыми средствами речевоздействия, и выявляется зависимость указанных средств и способов речевого воздействия от гендерно обусловленных стереотипов. Под речевым воздействием автор диссертации понимает такое речевое сообщение, которое изменяет, регулирует в социально-психологическом плане деятельность адресата путем информационного изменения состояния его сознания, структуры его убеждений. Для исследования речевого воздействия в гендерном дискурсе автором был проведен анализ речевых стратегий и тактик в монологическом и диалогическом дискурсе и анализ гендерных особенностей языковых средств речевого воздействия. В итоге автор приходит к выводу, что стратегии и тактики речевого воздействия в гендерном дискурсе обусловлены влиянием ряда факторов: типом языковой личности (феминным, маскулинным или андрогинным, представляющим собой баланс двух предыдущих типов); речевым стереотипом, соответствующим данному гендеру; социальным, коммуникативным и ситуационным контекстом общения и др. Таким образом, О. Л. Филатова исследует достижение речевоздействия за счет использования различных языковых и речевых средств.

В диссертации В. Ю. Зайцевой «Аргументативный дискурс носителей когнитивного стиля ‘конкретная / абстрактная концептуализация’» [9] автором исследуется письменный монологический аргументативный дискурс носителей заявленного в названии работы когнитивного стиля с целью определения лингвистических особенностей текстопостроения индивидами, принадлежащими к разным полюсам когнитивного стиля КК/АК. Конечно, в задачи В. Ю. Зайцевой не входило рассмотрение именно речевого воздействия, его средств, способов. Но, тем не менее, в работе можно проследить связь с речевоздействием, поскольку, как указывает автор, аргументативный дискурс обеспечивает языковое кодирование мыслительных структур, логически организуя вводимую систему суждений, чтобы обосновать определенное спорное положение. А такое понимание аргументативного дискурса как раз и будет связано с речевым воздействием. Ведь, как справедливо отмечает автор, индивид выстраивает свою аргументацию, основываясь на том наборе концептов, которыми он обладает. То есть в процессе аргументации картины мира говорящего и слушающего должны пересекаться. Если такого не происходит, и возникают различия в концептуальных сферах, возникает и процесс аргументации, т.е. необходимость убедить своего собеседника в чем-то, доказать ему свою точку зрения. Тогда и можно говорить о речевом воздействии. В результате проведенного исследования автором были получены такие аргументативные признаки КК, как четкое построение аргументативных схем с небольшим количеством Аргументативных Шагов, которые четко связаны между собой. К аргументативным признакам АК автор отнес следующие: нечеткие, даже аморфные аргументативные схемы, много сопутствующих тем, большое количество Доводов для обоснования одного Аргументативного Шага, использование большого количества неполных суждений (в импликация остается то, что, по мнению респондентов, и так очевидно). Таким образом, можно сделать вывод, что В. Ю. Зайцева исследует достижение речевого воздействия за счет количества уровней аргументации.

Работа О. Н. Мишук «Речевое воздействие и самопрезентация (на материале публичных выступлений)» [17] посвящена исследованию речевоздействующих языковых средств в дискурсе публичных выступлений высших политических деятелей различных англоязычных стран с целью выявления и описания специфики убеждающих стратегий и тактик как способов самопрезентации в пространстве политического дискурса. Рассматривая проблему речевоздействия, автор говорит о наличии двух его типов – прямого и манипулятивного. Также автор обращает внимание на проблему сущности открытого убеждения и манипулятивности, указывая, что стратегии, тактики, приемы и разноуровневые манифестационные средства являются инструментами объективации речевоздействия. Самопрезентация трактуется автором с функциональных позиций – как фоновая макростратегия, которая подчиняет себе все основные средства реализации речевоздействия. Далее автором предлагается стратегическая модель речевого воздействия как общая система его принципов и средств. Данная модель закладывается автором в основу анализа языкового материала. Так, автором изучаются общекоммуникативные стратегии, реализующие самопрезентацию, что весьма успешно дополняется ее аргументативным исследованием – рассмотрением аргументативных стратегий как средства речевого воздействия с последующим разграничением конвинсивной и персуазивной аргументации, что позволило автору представить комплексную картину способов и средств аргументативного речевоздействия. В итоге автор приходит к выводу, что конвинсивные стратегии реализуются посредством аргументативных тактик выдвижения Доводов разной степени сложности, а персуазивные стратегии реализуются

посредством семантических и прагматических логически несовершенных действий в аргументации, рассматриваемых как тактики. Таким образом, О. Н. Мищук изучает достижение речевоздействия за счет языковых и речевых средств, а также уровней аргументации.

В диссертации Т. В. Сушенцовой «Структурно-содержательная специфика аргументации в судебных решениях» [23] комплексно исследуется аргументативный дискурс судебных решений в сфере гражданского права, а именно: организация и содержание аргументации в текстах судебных решений и языковые средства их манифестации, а также понятие языковой однородности. Как и в работе В. Ю. Зайцевой, в данной диссертации речевое воздействие не исследуется как таковое. Зато исследуется аргументация, которая, являясь процессом обоснования некоторой точки зрения с целью ее принятия реципиентом, и представляет собой речевое воздействие. Проблема однородности связана с изучением того, в каких взаимоотношениях друг с другом состоят Доводы в пределах одного и того же аргумента. Так, автором исследуется семантическая, контекстуальная, синтаксическая, лексическая и морфологическая однородность. В итоге автор приходит к выводу, что аргументативная составляющая судебного решения состоит из разноуровневых аргументов различной организации и степени сложности, а типы связи между компонентами аргумента позволяют определить их однородность и ее качественное содержание. В целом, можно сделать общий вывод, что Т. В. Сушенцова исследует в своей работе достижение речевого воздействия за счет количества уровней аргументации.

В работе Е. В. Беловой «Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса» [1] изучается структура, семантика и прагматика заявленного в названии диссертации типа дискурса с целью установления типичных для данного типа дискурса структурно-содержательных и манифестационно-языковых средств и построения на этой основе модели конфликтующей языковой личности. Под бытовым конфликтным дискурсом автор понимает, вслед за О. С. Волковой [3, с. 12], такой вид коммуникативной ситуации, при котором происходит столкновение двух сторон из-за разногласия интересов, целей, взглядов. Существование и разрешение конфликта, как отмечает автор, тесно связано с аргументацией, поскольку в аргументации, как и в конфликте, каждый из оппонентов имеет своей целью убедить другого оппонента в собственной правоте. А где убеждение, там и речевое воздействие. Следовательно, Е. В. Белова, так же, как и В. Ю. Зайцева и Т. В. Сушенцова, неявно исследует речевое воздействие. Так, автором выявляется суперструктура бытового конфликтного диалога, определяются семантические микро- и макроструктуры (лексико-семантические средства и темы бытового конфликта, соответственно), а также прагматические микро- и макроструктуры (тактики и стратегии, соответственно, используемые конфликтующей языковой личностью). На основе семантического и прагматического микро- и макроанализа автор построил модель конфликтующей языковой личности на вербально-семантическом, психологическом и прагматическом уровнях. Таким образом, можно сделать вывод, что Е. В. Белова исследует в своей диссертации достижение речевоздействия за счет использования языковых и речевых средств.

Диссертация Н. В. Кулабухова «Интенсивность речевого воздействия в социально-политических дебатах» [14] посвящена изучению способов выражения интенсивности речевоздействия в высказываниях участников социально-политических дебатов (СПД) с целью выявить и охарактеризовать языковые, речевые, а также аргументативные средства выражения интенсивности в СПД. Речевое воздействие определяется автором вслед за И. А. Стерниным [22, с. 45] и рассматривается с позиций категории интенсивности, поскольку для

повышения воздействия высказывания на собеседника говорящий осознанно или неосознанно использует усилительные средства языка, где под термином «усиление» как синонимом термина «интенсификация» понимается выражение высокой степени качества, интенсивности действия или состояния или система разноуровневых средств, служащих выражению усиления. Но автор не останавливается на исследовании лишь языковых, лексико-грамматических средств интенсивности речевоздействия. Изучаются также речевые средства (стратегии и тактики) и аргументативные (аргументативные функции и структура аргумента) средства интенсивности речевоздействия. Так, автор исследует наличие интенсифицирующих компонентов в высказываниях участников СПД – интенсификаторов и интенсификаторов и других лексико-грамматических средств, выявляет использование таких средств в стратегиях и тактиках, способствующее оказанию более высокой степени речевоздействия, а также исследует использование средств интенсивности в аргументативных функциях, что придает им больше аргументативной силы, и в структуре аргумента, причем сама эта структура, т.е. выстраивание Аргументативного Хода в определенную картину, по мнению автора, может носить интенсивный характер и создавать коммуникативный речевоздействующий эффект. Таким образом, Н. В. Кулабухов исследует достижение речевого воздействия за счет использования экспрессивных языковых средств, речевых средств и количества уровней аргументации.

В работе М. С. Гриневой «Содержательные характеристики речевых действий практического психолога в терапевтическом дискурсе» [5] изучаются семантические, прагматические и манифестационно-языковые особенности речевых действий практического психолога в терапевтическом дискурсе – диалоге психолога и клиента в рамках психологической консультации с целью построения модели профессиональной языковой личности практического психолога. Итак, терапевтический дискурс определяется автором как профессиональный субдискурс практического психолога, реализующийся в оказании квалифицированной психологической помощи клиенту в форме индивидуальной или групповой психологической консультации. Автор отмечает, что некоторые речевые действия практического психолога в терапевтическом дискурсе на убеждение или переубеждение клиента. То есть автор опять неявно изучает особенности речевого воздействия. Анализ проводится в нескольких аспектах: языковом, тактико-стратегическом, аргументативном и коммуникативно-стилевым. Анализ языковых средств позволил автору выявить типичные характеристики лексикона и грамматикона практического психолога. Тактико-стратегический анализ позволил выявить и описать основные (речевоздействующие) и вспомогательные (риторические, прагматические, диалоговые) речевые стратегии практического психолога. Аргументативный аспект анализа речевых действий практического психолога был направлен на изучение аргументативного наполнения конкретной речевой стратегии Мотивации с помощью структурно-функционального подхода и теории аргументативных фреймов. Коммуникативно-стилевой аспект анализа заключался в установлении характеристик коммуникативных стилей практического психолога как способов осуществления речевого воздействия на клиента. Таким образом, М. С. Гринева исследует достижения воздействия в речи практического психолога за счет использования им языковых, речевых средств и аргументативной структуры его речи.

Диссертация Н. В. Мельничук «Конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие в аргументативном дискурсе (на материале парламентских дебатов в Бундестаге)» [16] посвящена исследованию параметров конструктивности / деструктивности аргументации в

речи участников парламентских дебатов в Бундестаге в условиях конфронтационного взаимодействия. Так, автор в своей работе изучает не речевое *воздействие*, а в большей степени речевое *взаимодействие*, которое автор рассматривает как изначально предполагающее конфронтацию, которая может быть направлена 1) на сотрудничество или 2) на конфликт. В первом случае имеет место конструктивность, во втором – деструктивность. При конструктивном речевом взаимодействии стороны стремятся уладить разногласия и прийти к взаимоприемлемому решению, а при деструктивном же возникает столкновение, противостояние оппонентов, стремление одного из них одержать победу над соперником. Как указывает автор, оба этих вида взаимодействия в любом случае являются разновидностями конфронтационного речевого взаимодействия. В нашем понимании, сама по себе конфронтация, в основе которой, согласно автору, лежит конкуренция мнений, уже предполагает речевое воздействие. Кроме того, деструктивный тип взаимодействия даже больше восходит к речевому воздействию, поскольку одержание победы над соперником предполагает убеждение его в своей правоте, т.е. оказание речевого воздействия. Поэтому автор диссертации все равно так или иначе исследует речевое воздействие. Тем более, автором изучается аргументативный дискурс участников дебатов, т.е. автор так или иначе рассматривает структуру аргумента, а аргументация, как мы знаем из проанализированного выше, это и есть речевое воздействие. При анализе языкового материала автор использовал тактико-стратегический и аргументативный подходы. В итоге автор приходит к выводу, что деструктивные стратегии, используемые участниками дебатов, значительно превосходят конструктивные. А построение конструктивных и деструктивных высказываний в аргументативном дискурсе парламентских дебатов в Бундестаге происходит под воздействием внутрикультурных факторов, определяемых базовыми ценностями немцев. Таким образом, Н. В. Мельничук исследует достижение речевого воздействия за счет использования языковых и речевых средств и структуры аргументации.

В работе М. С. Исаевой «Самопрезентация корпоративной языковой личности в деловом дискурсе (на материале финансовых телеконференций)» [11] исследуется корпоративная самопрезентация (СмП) и средства речевого воздействия, ее формирующие, с целью проанализировать вышеуказанные средства, способствующие созданию положительного образа бизнес-корпорации. Итак, автором рассматривается дискурс делового общения, в котором можно говорить о корпоративной СмП – любом совершенном целенаправленном действии, влияющем на восприятие организации аудиторией. Выраженную реализацию такой тип СмП получает в текстах финансовых телеконференций, которые автор рассматривает как фреймы-сценарии, структурно включающие различные субфреймы. СмП автор определяет как речевоздействующую стратегию, поскольку СмП является осознанным влиянием говорящего на адресата с целью создания или изменения в его сознании определенного (чаще положительного) впечатления о себе и формирования / поддержания собственного положительного образа. Стратегическая цель СмП – произвести желаемое впечатление – достигается с помощью тактических целей, представленных определенными речевыми действиями. Каждая из тактических целей рассматривается автором как единица, обладающая эффектом речевого воздействия. Элементы, не соотносимые с какой-либо определенной тактической целью, автор называет нестилистическими приемами. Таким образом, можно сделать вывод, что М. С. Исаева исследует достижение речевого воздействия за счет использования языковых и речевых средств.

Диссертация И. А. Степановой «Особенности аргументативного дискурса носителей когнитивного стиля ‘полезависимость / полenezависимость’» [20] посвящена исследованию особенностей структуры, содержания и языкового выражения аргументативного дискурса носителей когнитивного стиля ‘полезависимость / полenezависимость’, принадлежащих к противоположным полюсам указанного когнитивного стиля, с целью установления специфики построения субъектами – носителями данного когнитивного стиля – реагирующего аргументативного дискурса. Поскольку под аргументацией в работе понимается особый тип коммуникации, призванный воздействовать на адресата при помощи лингвистических средств, автор так или иначе исследует речевое воздействие. Заявленный в названии диссертации когнитивный стиль взят автором для исследования, поскольку данный стиль включает познавательные способности, способности к решению задач, опущение нерелевантной информации и работу с высокой информационной нагрузкой. Кроме того, дихотомия ‘полезависимость / полenezависимость’ обнаруживает свое влияние при работе с текстом. Поэтому респонденты, участвовавшие в эксперименте, проведенном автором исследования, работали именно с текстом. В итоге автор пришел к выводам, связанным с различием структурных характеристик аргументов у носителей противоположных полюсов рассмотренного когнитивного стиля, их содержательными различиями в создании аргументов, а также с различием черт языковой личности как маркеров вербальных особенностей реагирующего дискурса. Таким образом, можно сделать общий вывод, что И. А. Степанова исследовала достижение речевого воздействия в основном за счет структуры аргумента.

Все рассмотренные диссертации можно сгруппировать по средствам достижения речевого воздействия, которые в них изучались. Так, достижение речевоздействия лишь с помощью выстраивания аргумента в определенную структуру исследовалось в [25; 9; 23; 20]. Достижение речевоздействия только с помощью языковых и речевых средств изучалось в [24; 1; 11]. Достижение речевоздействия за счет использования совокупности языковых и речевых и аргументативных средств исследовалось в [17; 14; 5; 16].

Итак, речевое воздействие может достигаться в результате: а) использования языковых и речевых средств; б) использования аргументативных средств; в) использования и тех, и других средств. При использовании совокупности языковых / речевых и аргументативных средств создается кумулятивный речевоздействующий эффект, что усиливает степень речевого воздействия. Только в работах конца последнего десятилетия достижение речевого воздействия исследуется за счет использования совокупности различных языковых, речевых и аргументативных средств.

Список литературы:

1. Белова Е. В. Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 16 с.
2. Бубнова Н. А. Ключевые слова социального словаря как инструмент речевого воздействия и манипуляции сознанием в аналитической публицистике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 224 с.
3. Волкова О. С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «Бытовой конфликт» (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 23 с.
4. Горячев А. А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. С-Пб., 2010. 296 с.

5. Гринева М. С. Содержательные характеристики речевых действий практического психолога в терапевтическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018. 21 с.
6. Дегтярева Л. М. Речевое воздействие текстов памяток правоохранительных органов на население: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д.: Южный федер. ун-т, 2008. 187 с.
7. Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие (коммуникативно-прагматический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 200 с.
8. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2004. 358 с.
9. Зайцева В. Ю. Аргументативный дискурс носителей когнитивного стиля «конкретная / абстрактная концептуализация»: дис. ... канд. филол. наук. Калуга: Калужск. гос. ун-т, 2012. 181 с.
10. Иванова Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 137 с.
11. Исаева М. С. Самопрезентация корпоративной языковой личности в деловом дискурсе (на материале финансовых телеконференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. С-Пб., 2021. 22 с.
12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
13. Комисарова Т. С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе (на материале речей Г. Шрёдера): дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 250 с.
14. Кулабухов Н. В. Интенсивность речевого воздействия в социально-политических дебатах: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018. 246 с.
15. Мальцева В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 256 с.
16. Мельничук Н. В. Конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие в аргументативном дискурсе (на материале парламентских дебатов в Бундестаге): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2019. 21 с.
17. Мишук О. Н. Речевое воздействие и самопрезентация (на материале публичных выступлений): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2013. 22 с.
18. Остроушко Н. А. Проблема речевого воздействия в рекламных текстах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 286 с.
19. Рубанова О. А. Средства усиления речевого воздействия при выражении значения побуждения: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д.: Рос. гос. пед. ун-т, 2006. 184 с.
20. Степанова И. А. Особенности аргументативного дискурса носителей когнитивного стиля 'полезависимость / полenezависимость': автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2022. 18 с.
21. Стернин И. А. Планы семинарских занятий и методические указания по курсам «Культура политического общения», «Ораторское мастерство и культура речи», «Речевое воздействие». Воронеж, 1990. 63 с.
22. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.

23. Сушенцова Т. В. Структурно-содержательная специфика аргументации в судебных решениях: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 193 с.
24. Филатова О. Л. Особенности речевоздействующей функции гендерного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2012. 19 с.
25. Черкасская Н. Н. Стратегии и тактики в апеллятивном речевом жанре: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 201 с.
26. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: дис. ... докт. филол. наук. Челябинск, 2009. 304 с.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адиширинов Камил Фикрат оглы – кандидат филологических наук, ведущий научный работник Национальной академии наук Азербайджана, Шекинский региональный научный центр. E-mail: Kamil.adisirinov@mail.ru.

Балашова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: balashova_ea@mail.ru.

Васильев Лев Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: vasilevlg@tksu.ru.

Васильева Мария Львовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: vml1412@mail.ru.

Гаврикова Любовь Геннадьевна – аспирант кафедры лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: gavrikovalg@studklg.ru.

Гринева Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: GrinevaMS@tksu.ru.

Данилова Александра Викторовна – аспирант кафедры лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: sanechka_kuuz@mail.ru.

Жияков Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: szhil@list.ru.

Зубарева Вероника Александровна – сотрудник кафедры литературы Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: zubareva.veron@yandex.ru.

Каргашин Игорь Алексеевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: iakargashin@gmail.com.

Кулабухов Никита Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: KulabukhovNV@tksu.ru.

Луговская Анна Сергеевна – преподаватель иностранного языка в Калужском филиале Московского областного финансово-юридического института (г. Ступино). E-mail: A.Lugovskaia@yandex.ru.

Молчанова Диана Анатольевна – аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: anafielas@yandex.ru.

Облакова Елена Игоревна – старший преподаватель кафедры теории языкознания и немецкого языка Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: OblakovaEI@tksu.ru.

Петрова Диана Владимировна – преподаватель учебного центра Maximum Education, ООО «Юмакс». E-mail: vladish.pet@yandex.ru.

Сорокина Ангелина Игоревна – аспирант Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: sorokina_angeline@mail.ru.

Студенникова Вера Константиновна – студент института лингвистики и мировых языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: studennikovavk@studklg.ru.

Терентьева Дарья Михайловна – преподаватель кафедры лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: terentyevadaria@yandex.ru.

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 2 «Исследования по филологии»

Электронное периодическое издание

2023 №2

Электронное периодическое издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

от 16.01.2023 Эл № ФС77-84596

Дата выхода в свет **20.11.2023.**

Тираж 15 экз.

Максимальный объем 1CD

Издательство КГУ им. К.Э. Циолковского.
248023 Калуга, ул. Разина, 26.